

ISSN 2073-6681

2023

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Том 15. Выпуск 2

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

PERM STATE UNIVERSITY

Volume 15. Issue 2

PERM UNIVERSITY HERALD
RUSSIAN AND FOREIGN PHILOLOGY

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)
Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюменский государственный университет)
Фэвр-Дюпэтр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

<i>Новокрещенных И. А.</i> (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Ерофеева Е. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Русинова И. И.</i> (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кондаков Б. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Шутёмова Н. В.</i> (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)	<i>Кочкарева И. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашев В. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кушнина Л. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Абашева М. П.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГПГУ)	<i>Мишланов В. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Алексеева Л. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мишланова С. Л.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Арустамова А. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Нестерова Н. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Баженова Е. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Подюков И. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГПГУ)
<i>Боронникова Н. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Похаленков О. Е.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, КГУ им. К. Э. Циолковского)
<i>Братухин А. Ю.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Проскурнин Б. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Бурдина С. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Серова Т. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Данилевская Н. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Сидорова О. Г.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
<i>Дусаева Л. Р.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)	<i>Шляхова С. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigre (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennyykh</i> – Editor-in-Chief (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Shutemova</i> – Associate Editor (Saint Petersburg State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Mishlanova</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Oleg Pohalnikov</i> (Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Olga Sidorova</i> (Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Shlyakhova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	
<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site V. A. Byachkova

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Алексеева Л. М., Дудина М. В. Экспликативы как форма репрезентации знания	5
Вэньли Фу, Хун Ян. Обзор исследований о взаимосвязи языкового ландшафта и пространства	17
Горностаева Ю. А., Колмогорова П. А. Эмоциональная специфика вербального и невербального поведения при обсуждении бодипозитива (на примере интервью с информантами из России)	24
Жужгов С. В. Проект толкового словаря нестандартной лексики камня	40
Непомнящих Н. М., Жандарова А. С., Корзин А. С. Корпусно-ориентированный анализ французских и английских неологизмов в медиадискурсе	53
Ширинкина М. А., Верхокамкина К. А. Коммуникативная категория «ясность речи» в цифровом диалоге власти с обществом (на материале официальных ответов на обращения и сообщения граждан в социальной сети «ВКонтакте»)	62
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	72
Баранова К. М., Шалимова Н. С. Роман инициации в творчестве Дж. Грина	72
Волков И. О. «Мой идол, мой учитель, мой недостижимый образец!»: И. С. Тургенев – читатель А. С. Пушкина	81
Игнатьева А. А. Смысл и значение финала драмы Фридриха Шиллера «Орлеанская дева»	92
Новокрещенных И. А. Пейзаж на театральном занавесе, чайном блюде и экране веера: экфрасис в произведениях О. Бердсли, Р. Фирбенка, М. Кузмина	103
Орлова Е. В. Причины семантического расширения слова-символа в художественном тексте	114
Сидорова О. Г. Женское лицо войны в прозе современных британских писательниц	121
Сыромятников О. И. Православный реализм в творчестве Ф. М. Достоевского	131
Чжан Шанхэ. Образ Красной Птицы в китайской культуре и фольклоре	141

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY	5
Alekseeva L. M., Dudina M. V. Explicatives as a Form of Knowledge Representation	5
Wenli Fu, Hong Yang. A Review of Research on the Relationship between Linguistic Landscape and Space	17
Gornostaeva Yu. A., Kolmogorova P. A. Emotional Specifics of Verbal and Nonverbal Behavior When Discussing Body Positivity (based on interviews with informants from Russia)	24
Zhuzhgov S. V. The Project of a Nonstandard Mineral Vocabulary Dictionary	40
Nepomniashchikh N. M., Zhandarova A. S., Korzin A. S. Corpus-Based Analysis of French and English Neologisms in Media Discourse	53
Shirinkina M. A., Verkhokamkina K. A. The Communicative Category ‘Speech Clarity’ in the Digital Dialogue Between the Government and Society (based on official responses to requests of citizens on the social network VKontakte)	62
LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	72
Baranova K. M., Shalimova N. S. Initiation Novel in Works by J. Green	72
Volkov I. O. ‘My Idol, My Teacher, My Unattainable Model!’: Ivan Turgenev as a Reader of Alexander Pushkin	81
Ignateva A. A. The Meaning of the Final Scene in Friedrich Schiller’s Drama ‘The Maid of Orleans’	92
Novokreshchennykh I. A. Landscape on a Theater Curtain, Tea Saucer and Hand Fan Screen: Ekphrasis in the Works of Aubrey Beardsley, Ronald Firbank, Mikhail Kuzmin	103
Orlova E. V. Reasons for Semantic Extension in the Meaning of Artistic Symbols	114
Sidorova O. G. Women at War in the Prose of Contemporary British Women Writers	121
Syromyatnikov O. I. Orthodox Realism in the Works by Fyodor Dostoevsky	131
Zhang Shanghe. The Image of the Red Bird in Chinese Culture and Folklore	141

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'42

doi 10.17072/2073-6681-2023-2-5-16

Экспликативы как форма репрезентации знания

Лариса Михайловна Алексеева

д. филол. н., профессор кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева 15. larissapsu@gmail.com

SPIN-код: 7540-0880

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7336-1067>

Мария Вячеславовна Дудина

аспирант кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева 15. mariavvdudina@gmail.com

SPIN-код: 1967-7912

Статья поступила в редакцию 13.03.2023

Одобрена после рецензирования 25.03.2023

Принята к публикации 06.05.2023

Информация для цитирования

Алексеева Л. М., Дудина М. В. Экспликативы как форма репрезентации знания // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 5–16. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-5-16

Аннотация. Статья посвящена анализу экспликатива как единицы понимания научного текста, являющейся новой для теории языка. Данные единицы олицетворяют прогрессивную интертекстуальность, обусловленную новизной научного знания, являясь элементами толкования научной мысли. Авторы статьи делают акцент на понятии репрезентемы, рассматриваемой как модель понятия, имеющая вербальное выражение в виде особого знака. Отмечается, что наиболее изученными единицами понимания оказались термины, развернутые терминологические словосочетания и дефиниции. В статье теоретически обосновывается понятие экспликатива с учетом языкового, коммуникативного и когнитивного критериев, характеризуется методология исследования и предлагаются конкретные методы исследования данной единицы в тексте. Методика содержит разработку принципов и шагов анализа экспликативов в научном тексте, включаемых авторами в обобщенный класс единиц понимания и исследуемых как средства толкования научного знания. Характеристики экспликативов связаны с открытым незавершенным языковым выражением, разъясняющим и уточняющим исходное понятие. Функционирование экспликативов заслуживает особого внимания, поскольку, в отличие от логически завершенных единиц, они обладают открытой незаданной структурой и выполняют функцию дополнительного описания исследуемого объекта. Главным выводом в исследовании является суждение о том, что, будучи свободными толкованиями, экспликативы более динамичны и менее инертны, чем дефиниции и другие предельные единицы. Авторами делаются выводы о роли и функциях экспликативов в научном тексте и намечаются перспективы их использования в практической деятельности.

Ключевые слова: экспликативы; репрезентация; единицы понимания; ситуативный контекст; тактики понимания; научное знание.

Введение

В лингвистических исследованиях взаимосвязи языка и мышления вопрос о репрезентации знания с помощью языка занимает особое место. Выявлены самые разнообразные формы репрезентации знания (от изображения реальных объектов до их образов, моделей и схем). Данный вопрос уже обсуждался в дискуссиях [Алексеева, Мишланова 2022; Василенко 2021; МЕТОД 2016; Павилёнис 1983; Robinson, Arbez, Birta et al. 2015; Temmerman 2022], где, в частности, рассматривалась идея об идентификации и статусе единиц понимания. Исследователи пришли к выводу, что понимание специального текста в различных видах деятельности основывается на идентификации единиц репрезентации знания. Тем не менее формы и степень выражения научного знания средствами языка до сих пор остаются неясными.

В истории науки известно, что способы выражения мышления в языке составляли предмет исследований еще в античной философии, рассматривавшей содержание языковых понятий и границ средств выражения. Именно Аристотель предпринял попытку проанализировать формальную структуру процесса вывода знания независимо от содержания. Ему удалось выявить разной степени абстракции и точности единицы языка, соответствующие способу мышления. Он фактически создал основы научного языка [Гейзенберг 1989: 105].

Основываясь на том, что наука состоит из описывающей и объясняющей частей, В. З. Демьянков выявляет различные черты и симптомы современной научной деятельности, включающие резкий рост объяснительности, превосходство нового знания над старым и др. [Демьянков 2015: 40].

Как известно, в традиционных теориях познания, основанных на абстрактных представлениях сущностей, событий и процессов, человеческий фактор учитывался не в полной мере [Алексеева, Мишланова 2022; Демьянков 2015; Faber и др.]. В настоящее время подобные установки легли в основу многих конкретных научных направлений, таких как теория специального языка, терминоведение, терминография и др.

Дальнейшее исследование, на наш взгляд, предполагает фокусировку внимания на конкретных методах анализа репрезентации знания в научном тексте с точки зрения познавательных перспектив. В связи с этим представляется важным рассмотреть, какие языковые формы стоят за научными смыслами, являющимися продуктами познания.

Объектом проводимого нами исследования являются специальные единицы, *экспликативы*, входящие в более генерализированный класс

текстовых единиц понимания, названных известным терминологом, основателем социологического терминоведения Р. Теммерман “Units of Understanding” (UoU), *русск.* «единицы понимания» [Temmerman 2022].

Впервые термин *экспликатив* был употреблен Л. М. Алексеевой в значении вида толкования опорного слова, используемого для производства конструкта в научном тексте [Алексеева 2002а: 87]. В дальнейшем данное понятие изучалось в исследованиях [Алексеева 2002б; Алексеева, Аглиева, Химинец 2016; Василенко 2021; Alexseeva 2014 и др.], сконцентрированных на роли экспликативов в развитии научного знания. Главным выводом послужило суждение о том, что, будучи свободными толкованиями, экспликативы более динамичны и менее инертны, чем дефиниции, поэтому именно в экспликативах научное знание получает динамику.

Отметим, что исходный смысл понятия экспликатива восходит к трудам Г. Г. Шпета, который, исследуя характер языковой формы знания, сделал вывод о том, что логические понятия, облаченные в «стесняющие схемы», выходят из этих рамок в «живое слово», в свободное образование понятий, воплощающих конкретное движение мысли [Шпет 2003: 113]. Как пишет исследователь, «в философии учитель обучает ученика не новым словам, а отчетливому постижению им собственных мыслей» [там же: 117]. Приемы расширения и распределения смысла понятия исследователь назвал *экспозицией*, соотнося его с раскрытием собственного содержания понятия [там же: 116].

Рассмотрим конкретный пример экспликатива:

«Ограничение ПРЕДМЕТА ЛОГИКИ одной только **знаковой формой** предопределяло и возможное понимание природы и механизмов мыслительной деятельности: поскольку знаки и их содержания брались как уже *готовые, сложившиеся*, постольку мыслительная деятельность могла быть только *комбинированием – объединением и разъединением* – этих от начала заданных и остающихся неизменными элементов». <...> «То обстоятельство, что логика не выделяла и не рассматривала действительные процессы мышления, *исключало какую-либо возможность для нее исследовать развитие мышления*. Ни фиксирование структур знаковой формы самих по себе, ни выделение различных видов содержания как таковых не дает основания для выделения связью развития» [Щедровицкий 1995: 36–37].

В данном фрагменте текста автор стремится выразить свое представление о предмете логики

(в тексте выделено заглавными буквами), связанное с тем, что логике не позволено исследовать процессы мышления, характеризующиеся динамикой развития. Очевидно, автор видит ограниченность формальной логики, заключающейся в статическом характере, т. е. отсутствии возможности рассматривать развитие какой-либо идеи (в тексте выделено жирным шрифтом). Это выражается, по его мнению, в использовании готовых, уже созданных единиц языка. Ограниченный набор языковых средств приводит к использованию в логике простых механистических методов, таких как объединение и разъединение, иначе, складывание и вычитание. В качестве заключительного вывода представлено суждение о том, что понятия формальной логики непригодны для изучения мышления. В приведенном примере экспликативы в структурном плане разнообразны – от словосочетаний до отдельных синтагм. Схема понимания данного отрывка текста представлена в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Схема понимания текста
Text comprehension scheme

Объект описания	Основная характеристика объекта описания	Дополнительная трактовка с помощью экспликатива
Предмет логики	Ограничен знаковой формой	<i>готовые, сложившиеся знаки</i>
	Ограничен метод	<i>комбинирование – объединение и разъединение</i>
	Неизменна форма знака	<i>заданные и остающиеся неизменными элементы</i>
Итоговый смысл	<i>Логика исключала какую-либо возможность для нее исследовать развитие мышления</i>	

Приведем еще один пример без подробных описаний схемы понимания:

«Но как раз в этом, на мой взгляд, заключено основное возражение против них. Когда каждый из участников *системного движения* предлагает свое профессиональное решение системных задач, то он выступает как *агент уже существующей и функционирующей машины* (науки, инженерии, математики и т. п.), внутри которой он сформировался как «системник», и в силу этого он всегда связан и ограничен той частной культурно-исторической ситу-

ацией, в которой он понял смысл и важность системных проблем и задач» [Щедровицкий 1995: 65].

В данном отрывке текста экспликативы выделены курсивом. Мы отмечаем использование промежуточного термина *системник* как формы экспликатива.

Материал исследования включает научные тексты на английском языке с целью выявления универсальных свойств и функций экспликативов. Приведем ряд примеров экспликативов (выделены курсивом) на английском языке:

“Moreover, one change in a language can cause *an imbalance* that can *trigger a cascade of other changes* elsewhere, like *falling dominoes*” [Pinker 1995: 244].

Anticlimactically, I must now divulge that “deep structure” is *a prosaic technical gadget in grammatical theory* [ibid.: 120].

Почему экспликативы важны в понимании научного знания? Дело в том, что в структурах экспликативов могут использоваться ассоциации между определенными промежуточными или второстепенными значениями слова, существенно влияющие на содержание предложения. «Тот факт, что любое слово может вызвать в нашем мышлении многие, только наполовину осознаваемые движения, может быть использован для того, чтобы выразить с помощью языка определенные стороны действительности более отчетливо, чем это было бы возможно с помощью логической схемы» [Гейзенберг 1989: 106].

Таким образом, понимание научного текста зависит от способности автора текста представить новое знание в доступной языковой форме, включая экспликативы. Это имеет большое прикладное значение в ситуации, когда получатель текста не является экспертом в какой-либо специальной области знания, например переводчик, нацеленный на понимание научного или технического текста.

Основные понятия

Понятие репрезентации занимает центральное место в теории познания, соотносясь в самом общем смысле с указанием на предмет познания, вербально отображаемым в виде образа, взгляда, аргумента и т. д. В русском языке смысл термина *репрезентация* соотносим с латинским словом “*repraesentäre*”, означающим “to place before”, русск. «ставить, располагать перед чем-либо» [The Chambers dictionary 2008: 1323]. Смысл термина *репрезентация*, на наш взгляд, удачно сформулирован М. В. Ильиным: «Одно вместо другого. Одно ставится на место и впереди другого, и получается представление. Тем самым

таинственное другое вновь становится наличным, но уже иначе: ре-презентация (re-presentation)» [МЕТОД 2016: 6].

Развитие понятия репрезентации происходит в аспекте трансдисциплинарности, т. е. на основе взаимообусловленных представлений ряда научных областей, таких как логика, философия, лингвистика, когнитология и психология. Поэтому к понятию экспликатива можно подойти с разных позиций. Так, с точки зрения лексической номинации экспликативы можно понимать как производные единицы в функции коммуникативной номинации. Принимая это во внимание, отметим, что оформление коммуникативной номинации может происходить как в виде развернутой номинации, так и в виде универба, который образуется на основе тема/рематического преобразования данной номинации [Сахарный 1985: 8].

Отметим, что смысл понятия *репрезентация* уточнялся в двух направлениях: философском [Карнап 1959; Кассирер 2011; МЕТОД 2016; Шпет 2003; Щедровицкий 1995 и др.] и лингвистическом [Алексеева 2002а; Василенко 2021; Демьянков 2005, 2015; Залевская 2002; Мурзин, Штерн 1991; Сахарный 1985; Faber 2011; Temmerman 2022 и др.]. Данное понятие получило подробное толкование в исследованиях Э. Кассирера [Кассирер 2011], изучающего основной вопрос познания, связанный с отношением объекта и языковой формы выражения. Исследователь рассматривает «могущество языковой формы». Язык, по его мнению, устроен так, что его единицы обладают репрезентативным характером. Они указывают друг на друга и в каком-то смысле представляют друг друга [там же: 101]. Для Э. Кассирера главным является то, что язык оказывается «единственным средством, способным открыть для нас имманентный смысл понятия и его функцию в структуре познания» [там же: 104]. По мнению Э. Кассирера, в процессе образования понятий соприкасаются два направления: логика и философия языка. Поэтому любой логический анализ в конечном итоге ведет к анализу слов и имен [там же: 217].

В целом в философии *репрезентация* соотносилась с теорией познания: “The representation is part of the universe called epistemology, the field of philosophy that deals with understanding the processes of the knowledge phenomenon («Репрезентация является областью, называемой эпистемологией, направлением философии, занимающимся различными аспектами феномена знания» (перевод наш. – Л. А.)) [Paes, Irizaru 2016: 9]. Поэтому природа репрезентации носит эпистемологический характер. Репрезентация знания представляется сложным понятием. Учитывая

новизну познаваемого объекта, не имеющего четких описаний, в процессе вербальной репрезентации исследователь/автор стремится приблизить собственный опыт познания к восприятию данного объекта реципиентом текста.

Истоки лингвистического толкования понятия репрезентации восходят к работам Э. Сепира, полагавшего, что содержание речи включает толкования каждого элемента речевого потока, наделенного концептуальной значимостью. При этом «поток речи не только следует за внутренним содержанием сознания, но он параллелен ему в самых различных условиях» [Сепир 2001: 36].

Особую динамику развитию понятия репрезентации придало когнитивное направление в лингвистике [Демьянков 2005, 2015; Кравченко 2012; Кубрякова 2004 и др.]. Так, Е. С. Кубрякова соотносит данное понятие с основами когнитивной науки и подробно описывает проблему, связанную с формами представления знания – ментальной и объектной [Кубрякова 2004].

В проводимом исследовании термин *репрезентация* понимается как модель понятия, имеющая вербальное выражение в виде особого знака, названного *репрезентемой* [Василенко 2021]. Данная единица репрезентации полностью отражает наше понимание и функции экспликатива, соотносимые с тем, что специальное знание может быть представлено в различных форматах (терминах и иных видах терминологических единиц, в виде конкретных объектов, диаграмм, схем, карт и др.).

Для нас репрезентема – это минимальная языковая заместительная единица фрагмента специального знания. Данное определение соотносится с положением текстовой теории термина о том, что термины в качестве языковых знаков являются заместителями специальных понятий, т. е. репрезентируют их. В этом проявляется их универсальное свойство.

Единицы понимания научного текста

Термин *единицы понимания* (ЕП) калькирован с английского термина “Units of Understanding” (UoU), введенного, как было отмечено выше, Р. Теммерман. В ее понимании, UoU всегда соотносится с референтом, раскрывая при этом его свойства. Р. Теммерман отмечает, что единицы понимания принадлежат дискурсу и могут быть выражены разными способами. Основными факторами, позволяющими сформировать понятие UoU, являются прототипичность, диахроничность, метафоричность, взаимодействие специалистов, междисциплинарность знания, когнитивное моделирование знания [Temmerman 2022].

Наиболее изученной единицей понимания оказался термин, трактуемый как единица языка,

знания и познания [Indeterminacy... 2007]. Успехи в изучении термина достигнуты благодаря модификации предмета исследования, обусловленной сдвигом научных интересов с семантики термина на проблемы его понимания в специальном дискурсе.

Между тем, помимо термина, научный текст содержит иные формы репрезентации знания, заслуживающие внимания исследователей [Fang 2021; Kerremans, Temmerman 2008; Markus, Pulvermüller 2012 и др.] Многообразие форм репрезентации знания и соответствующих им ЕП зависит от процесса научной коммуникации и способа представления нового научного знания. Исследователь, помимо научного знания, наделен способностями познания, раскрывающими его индивидуальный и социальный опыт, на основе которого он осуществляет коммуникацию.

Таким образом, ЕП научного знания изначально закладываются в структуру дискурса автором с целью объяснения новизны знания. С другой стороны, понимание текста в процессе научной коммуникации зависит от способности получателя текста понять, а затем активировать структуры знаний, лежащие в основе текста. Поэтому ЕП, идентифицируемые реципиентом текста, используются в дальнейшем как средство понимания текста.

Данные суждения основаны на мысли Л. С. Выготского об отношении между словами и мыслями в виде постоянного движения вперед, выражающегося в развитии понятия [Выготский 1934]. В этом процессе отношение мысли к словам претерпевает постоянное изменение ввиду того, что мысли не только выражаются в словах, но и возникают с помощью этих слов. Это значит, что различные фазы развития, которые проходит мысль, находят выражение в тексте, и прежде чем мысль, соответствующая понятию, будет представлена в конкретном термине, она проходит промежуточные стадии вербализации.

Как показывает наше исследование, экспликативы играют главную роль в процессе репрезентации знания и входят в класс ЕП научного текста. Они олицетворяют прогрессивную интертекстуальность, обусловленную гипотетичностью и новизной научного знания, являясь элементами толкования новой научной мысли.

Экспликативы характеризуют объект описания, располагаясь от него в непосредственной близости и определенным образом формируя своеобразное «окружение» или «обрамление» высказывания.

Рассмотрение экспликатива как фактора создания целостной ситуации описания объекта исследования дает нам основание соотнести его с

ситуативным контекстом. Отметим, что в последнее время в когнитивной науке часто изучается феномен ситуативного познания (*situated cognition*), опирающегося на анализ контекста [Faber, Cabezas-García 2019; Faber, León-Araúz 2016; Temmerman 2022 и др.].

Формирование понятия ситуативного познания началось с критики методов анализа лексических единиц в специальном тексте как деконтекстуализированной лексики [Nuorpponen 1994; Cabré 2000; Temmerman 2000 и др.]. Главным аргументом для исследователей было то, что знание, представленное в текстах, концептуально динамично и лингвистически разнообразно.

Основной проблемой ситуативного познания оказалась дефиниция понятия *контекст*. Идентификация контекста как единицы познания началась с термина *многословный термин* (*multi word term* – MWT), понимаемого как специальное наименование, состоящее из более чем одного слова [Faber, Cabezas-García 2019: 199]. По мнению данных исследователей, многословные термины возникают при первоначальном расширении контекста, когда конкретный термин подвергается дальнейшей спецификации и обретает многословную структуру.

Исследователи подчеркивают, что ситуативный контекст формируется в процессе когнитивной обработки знания. Согласно их представлениям, создание текста в значительной степени зависит от перцептивного моделирования информации, как это видится непосредственно автору. Таким образом, воспринимаемое знание в виде конкретной модели облегчает его понимание. Конкретные фрагменты понимания исходного знания рассматриваются как ситуации познания, формирующие контекст.

Несмотря на то что в понятии контекста заложены идеи деления текста на части, сегментации и линейной развертки, ряд исследователей видят в этом процессе комплексное явление на том основании, что контексты сами по себе являются сложными многомерными концептами [Faber, León-Araúz 2016].

Понятие ситуативного контекста развивалось в трудах известного терминоведа Памелы Фейбер, исследующей контекстуальную информацию с точки зрения специфики профессионального домена и в соответствии с типом передаваемой информации [Faber 2011; Faber, Cabezas-García 2019; Faber, León-Araúz 2016]. Ситуативным контекстом может быть фрагмент текста или даже целый текст, конкретная ситуация познания или какой-либо прототипический сценарий. П. Фейбер предлагает таксономию ситуативных контекстов, основанную на критериях локальности и

глобальности с учетом синтаксического, семантического и прагматического аспектов.

Для нас чрезвычайно важно отметить, что вопрос о текстовой природе единиц понимания решался в исследованиях основателя Пермской дериватологической школы Л. Н. Мурзина [Мурзин 1998; Мурзин, Штерн 1991 и др.]. Ученый рассматривал номинацию, характеризующуюся как цельностью, так и расчлененностью структуры, в качестве единицы понимания ввиду того, что она является следствием функционального преобразования текста [Мурзин 1988: 17]. Отметим, что для дериватологической школы характерно широкое понимание деривации как процесса порождения языковых единиц в тексте.

С точки зрения текстообразования Л. Н. Мурзин рассматривал два вида номинации: свернутую и развернутую. Подчеркивая разницу между данными текстовыми единицами, Л. Н. Мурзин полагает, что в содержательном плане свернутая номинация беднее развернутой, поскольку перестает отражать признаки объекта, которые представляются в соответствующих развернутых номинациях, и ограничивается функцией указания на объект. В связи с этим свернутая номинация нуждается в интерпретации. «Любой термин, который мы употребляем, сам по себе почти бессодержателен до тех пор, пока он не будет встроен в текст. Причем, чем более абстрактной оказывается номинация, тем в более объемном тексте она нуждается» [там же: 19]. Поскольку текст формирует содержание номинации, то именно опора на номинативные единицы обеспечивает понимание при восприятии текста.

Как указывает Л. Н. Мурзин, «вовлекаясь в процесс образования нового текста, номинация не теряет связь с прежним, “своим” текстом, но приобретает новые признаки», поскольку новый текст накладывает на нее свой отпечаток [там же: 18].

Таким образом, на основе теории деривации можно прийти к выводу о том, что единица понимания совпадает с текстовой номинацией, имеющей разную степень развернутости. С учетом этого экспликативы можно рассматривать как различного вида интерпретации свернутой номинации, в роли которой выступает термин.

Методика исследования экспликативов в тексте

Исходным положением анализа эмпирического материала является то, что, анализируя языковую форму репрезентации, мы реконструируем смысл выражения научной идеи. Методика анализа экспликативов включает несколько этапов: выборку научных текстов с акцентом на контек-

сты порождения нового знания, формирование корпуса единиц анализа и классификацию экспликативов в соответствии с созданными критериями. Контексты извлекались из текста с использованием ряда критериев, специально разработанных для исследования экспликативов:

- 1) соотнесенность с предыдущим вербальным выражением специального знания;
- 2) расположение на минимальном расстоянии от базового слова, соотносимое с объектом описания;
- 3) свободная форма выражения понятия, признака или характеристики;
- 4) выполнение функции разъяснения нового знания.

Теоретическими основами анализа эмпирического материала являются следующие положения:

- 1) мышление понимается нами как динамический процесс, оставляющий «следы» в структуре текста; отсюда изучение характера мышления возможно с помощью реставрации языкового материала;
- 2) научная коммуникация предполагает понимание исходного смысла, ее целью является трактовка, объяснение нового создаваемого знания и дальнейшая объективизация;
- 3) любой научный текст содержит единицы понимания (UoU), выраженные различными языковыми структурами – терминами, словосочетаниями, дефинициями, толкованиями и др.; опора на данные единицы облегчает восприятие и понимание нового знания;
- 4) экспликативы разнообразны в структурно-функциональном аспекте и выражают специфику самой познавательной ситуации.

Этапы исследовательской деятельности отображены на рисунке.

Структура корпуса единиц анализа дает возможность работать с отдельным контекстом для выявления характера репрезентации научного знания. Исследовательская работа в этом случае включает следующие этапы:

- 1) деление целого текста на части с целью идентификации контекстов с экспликативами;
- 2) выявление конкретной задачи автора текста, ориентированной на разъяснение нового знания с помощью экспликатива, объекта описания или его отдельных сторон;
- 3) анализ языковой форм экспликатива в соотнесенности с развитием исходной мысли автора текста (когнитивная реставрация).

Методика исследования экспликативов в научном тексте
Methodology for the study of explicatives in the scientific text

Блок классификации в представленной схеме включает деятельность, нацеленную на проведение структурно-функционального анализа и обобщение его результатов. Данная работа предполагает описание экспликативов как лексических, функциональных и когнитивных единиц. Лексический анализ позволяет выявить структуры экспликативов, функциональный анализ способствует описанию общих и специфических

функций экспликативов, когнитивный анализ нацелен на описание роли экспликативов как единиц понимания научного текста.

С использованием параметров нового знания, а также его языковой репрезентации с учетом цели научной коммуникации были выявлены конкретные различия между видами единиц понимания (UoU). Результаты сопоставления представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Сопоставление единиц понимания в научном тексте
Comparison of units of understanding in the scientific text

Функции единиц понимания	Дефиниция	Толкование	Развернутая номинация	Экспликатив
Логически оформляет понятие	+	–	+	–
Обладает прототипическим характером	–	+	+	+
Имеет завершенное языковое выражение	+	–	–	–
Разъясняет смысл	–	+	–	+
Уточняет понятие	–	+	–	+
Разрабатывает исходное понятие	–	–	–	+
Выражает конечное понятие	+	+	+	–

Полученные результаты позволяют определить роль каждой отдельной единицы понимания в научном тексте и составить представление об их природе. Так, экспликативы понимаются как языковые единицы, имеющие открытое незавершенное языковое выражение, разъясняющие и уточняющие исходное понятие, выстроенные на знакомом (прототипическом) знании. В отличие от них, дефиниции – это языковые единицы, имеющие логически завершённую

форму выражения, способствующие усвоению понятия.

Выводы и дискуссионные вопросы

Проблема понимания, актуальная для любой коммуникации, является одной из важных среди множества других проблем когнитивистики. Идея о связи языка и мышления отчетливо сформулирована известным физиком, лауреатом Нобелевской премии В. Гейзенбергом: «Физик

может довольствоваться тем, что он обладает математической схемой и знает, как можно ее применять для истолкования своих опытов. Но ведь он должен говорить о своих результатах также и не физикам, которые не будут удовлетворены до тех пор, пока им не будет дано объяснение и на обычном языке, на языке, который может быть понят каждым [Гейзенберг 1989: 104]». Здесь показана роль толкования научного знания, которое определенным образом должно воплощаться средствами языка. Появление в научном тексте экспликативов обусловлено не столько потребностями мышления, сколько целями коммуникации, предполагающей понимание. В этом смысле исследование экспликативов как компонентов выражения знания и одновременно единиц его понимания приобретает особую важность.

В теоретическом плане исследование экспликативов формирует представление о способе репрезентации научного знания как двухуровневой модели, использующей, с одной стороны, логические выверенные языковые формулы, а с другой – свободные формы выражения, способствующие пониманию научного знания. Таким образом, экспликативы в функции единиц понимания не являются фиксированными единицами, а постоянно претерпевают изменения. Описанный анализ осуществлен с помощью новых критериев в том смысле, что он раскрывает специфику деятельности, связанной с пониманием, затрагивающим внутреннюю и внешнюю стороны смысла, т. е. раскрывает его трансдисциплинарный характер.

В основе методологии проводимого исследования лежит мысль о том, что, приступая к работе с эмпирическим материалом с целью изучения мышления, мы должны разбить его на ряд контекстов анализа. Материалом анализа послужили научные тексты. Однако сами по себе они еще не формируют предмет исследования, связанный с мышлением. Поэтому мы дополнительно реконструировали материал. В работе представлены критерии изучения эмпирического материала.

В методическом отношении в данной статье особое внимание уделено разработке принципов и шагов анализа экспликативов в научном тексте. Мы исходим из того, что единицы понимания не одинаково запечатлеваются в сознании отдельного человека. Поэтому здесь важны техники идентификации экспликативов.

Прикладное значение исследования экспликативов мы видим в возможностях совершенствования работы с текстами, например, для переводчиков специальных текстов, а также для терминоведов, создающих разные типы терминологических ресурсов.

В качестве дискуссионных моментов мы предлагаем обсудить значение экспликативов при понимании научного текста, нуждающегося в проверке на материале разных языков. Еще одна проблема, требующая решения, – типология экспликативов. С учетом того, что экспликативы отражают разную степень развертывания понятия, может быть выстроена типология данных ЕП. На основе высказанных суждений можно было бы определить зоны наиболее вероятного расположения экспликативов, что важно для решения проблемы понимания научного текста.

В исследовании предпринимается попытка объединить два понятия, вынесенные в название статьи, экспликатива и репрезентации, имеющих большое значение для понимания научного текста. Данная связь заключается в том, что она отражает определенную стратегию ориентации в трактовке смысла путем не только интерпретации вербальных единиц, но и понимания описываемого объекта или явления путем личностных тактик понимания.

Список литературы

Алексеева Л. М. От “*traduce*” к “*interpret*” в научном переводе // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т. Пермь, 2002а. С. 78–91.

Алексеева Л. М. Проблемы научного перевода // Терминология и перевод в XXI веке: материалы междунар. конф. / ОмГТУ. Омск, 2002б. С. 10–14.

Алексеева Л. М., Аглиева Ю. В., Химинец Е. М. Трансляция экспликативов в переводе специального текста // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 10. С. 46–51.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Трансфер знания: инновации и технологии / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2022. 206 с. URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Al_ekseeva-Mishlanova-Transfer-znaniya-innovacii-i-tekhologii.pdf (дата обращения: 03.01.2023).

Василенко Д. В. Репрезентация профессионального знания в текстах сферы нанотехнологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2021. 24 с.

Выготский Л. С. Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 326 с.

Гейзенберг В. Физика и философия / пер. с нем. И. А. Акчурина и Э. П. Андреева. М.: Наука, 1989. 400 с.

Демьянков В. З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. М.: ИЯ; Тамбов: Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2005. № 3. С. 5–10.

- Демьянков В. З. О социально-когнитивных параметрах дискурсных техник презентации научных результатов // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н. Н. Болдырев. М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина; СПб.: Книжный Дом, 2015. С. 39–51.
- Залевская А. А. Некоторые проблемы теории понимания текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 62–73.
- Карнап Р. Значение и необходимость / пер. с нем. Н. В. Воробьева. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 384 с.
- Кассирер Э. Философия символических форм / пер. с нем. А. М. Руткевича. Т. 3: Феноменология познания. М.: Акад. проект, 2011. 398 с.
- Кравченко А. В. Репрезентация мыслительных структур в языке как тема научного дискурса // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. 12. М.: ИЯ АН; Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина. С. 205–216.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. М.: Языки слав. культуры, 2004. 560 с.
- МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сб. науч. тр. / гл. ред. М. В. Ильин; РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социал.-гуманит. исслед. М., 2016. Вып. 6. 368 с.
- Мурзин Л. Н. Текст – номинация – лексема // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: ПГУ, 1988. С. 16–21.
- Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Урал. ун-т, 1991. 172 с.
- Павилёнис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 288 с.
- Сахарный Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л.: ЛГУ, 1985. 97 с.
- Сенур Э. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс, 2001. 656 с.
- Шнет Г. Г. Внутренняя форма слова. М.: Едиториал УРСС, 2003. 216 с.
- Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. культ. полит., 1995. 800 с.
- Alekseeva L. Methods and principles of translation of scientific texts // Terminology Science in Russia today. From the past to the future / Eds. Larissa Alexandrovna Manerko, Klaus-Dieter Baumann, Hartwig Kalverkämper. Berlin, Frank & Timme, 2014. P. 399–409.
- Cabré M. T. Elements for a theory of terminology: Towards an alternative paradigm // Terminology. 2000. No. 6/1. P. 35–57.
- Faber P. The dynamics of specialized knowledge representation: simulational reconstruction or the perception–action interface // Terminology. 2011. No. 17. P. 9–29.
- Faber P., Cabezas-García M. Specialized knowledge representation: from terms to frames // Research in Language. 2019. Vol. 17. No. 2. P. 197–211.
- Faber P., León-Araúz P. Specialized Knowledge Representation and the Parameterization of Context // Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7. Art. 196.
- Fang T. DISCOS: Bridging the Gap between Discourse Knowledge and Commonsense Knowledge / Tianging Fang, Hongming Zhang, Weiqi Wang, Yangqiu Song, Bin He. WWW '21, April 19–23, 2021, Ljubljana, Slovenia.
- Indeterminacy in Terminology and LSP: Studies in honour of Heribert Picht / Ed. Bassey E. Antia. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 2007. 236 p.
- Kerremans K., Temmerman R., De Baer P. Construing domain knowledge via terminological understanding // Linguistica Antverpiensia. 2008. No. 1. P. 177–191.
- Markus K., Pulvermüller F. Conceptual representations in mind and brain: Theoretical developments, current evidence and future directions // Cortex. 2012. No. 48(7). P. 805–825.
- Paes D., Irizary J. Virtual Reality Technology Applied in the Building Design Process: Considerations on Human Factors and Cognitive Processes. (Eds. F. Rebelo and M. Soares) // Advances in Ergonomics in Design, Advances in Intelligent Systems and Computing. Springer International Publishing Switzerland. 2016. P. 3–15.
- Pinker S. The language instinct: The New Science of Language and Mind. Penguin Adult, 1995. 494 p.
- Robinson S. Conceptual modeling: definition, purpose and benefits / Stewart Robinson, Gilbert Arbez, Louis G. Birta, Andreas Tolk, Gerd Warner. (L. Yilmaz, W. K. V. Chan, I. Moon, T. M. K. Roeder, C. Macal, and M. D. Rossetti, eds.) // Proceedings of the 2015 Winter Simulation Conference, Huntington Beach California, December 6–9, 2015. P. 2812–2826.
- Temmerman R. Towards New Ways of Terminology Description: The Sociocognitive Approach. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2000. 258 p.
- Temmerman R. Units of understanding in Sociocognitive Terminology Studies. (Eds. Faber P., L'Homme M.-C.) // Theoretical perspectives on Terminology. Explaining terms, concepts and specialized knowledge. John Benjamins Publishing Company, 2022. P. 331–352.

The Chambers Dictionary. 11th Edition. Chambers Harrap Publishers LTD, 2008. 1871 p.

References

Alekseeva L. M. Ot 'traduce' k 'interpret' v nauchnom perevode [From 'traduce' to 'interpret' in scientific translation]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotypicity and Creativity in the Text: an Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Perm, Perm State University Press, 2002a, pp. 78–91. (In Russ.)

Alekseeva L. M. Problemy nauchnogo perevoda [Problems of scientific translation]. *Terminologiya i perevod v XXI veke* [Terminology and Translation in the 21st Century: Proceedings of International Conference]. Omsk, Omsk State Technical University Press, 2002b, pp. 10–14. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Agliyeva Yu. V., Khiminets Ye. M. Translyatsiya eksplikativov v perevode spetsial'nogo teksta [Translation of explicatives in special texts]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. A Series of Humanities], 2016, issue 10, pp. 46–51. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Transfer znaniya: innovatsii i tekhnologii [Knowledge Transfer: Innovations and Technologies: a Monograph]. Perm, Perm State University Press, 2022. 206 p. Available at: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Alekseeva-Mishlanova-Transfer-znaniya-innovatsii-i-tekhnologii.pdf> (accessed 03 Jan 2023). (In Russ.)

Vasilenko D. V. *Representatsiya professional'nogo znaniya v tekstakh sfery nanotekhnologii*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Professional knowledge representation in texts on nanotechnology. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2021. 24 p. (In Russ.)

Vygotsky L. S. *Myshlenie i rech'* [Mind and Speech]. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz Publ., 1934. 326 p. (In Russ.)

Heisenberg W. *Fizika i filisofiya* [Physics and Philosophy]. Transl. from German by I. A. Akchurin, E. P. Andreev. Moscow, Nauka Publ., 1989. 400 p. (In Russ.)

Demyankov V. Z. Kognitsiya i ponimanie teksta [Cognition and understanding of text]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov, Derzhavin Tambov State University Press, 2005, issue 3, pp. 5–10. (In Russ.)

Demyankov V. Z. O sotsial'no-kognitivnykh parametrah diskursivnykh tekhnicheskikh predstavleniy nauchnykh resul'tatov [On socio-cognitive parameters of discourse techniques of scientific results presentation].

Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]. Ed. by N. N. Boldyrev. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Press; Tambov, Derzhavin Tambov State University Press; St. Petersburg, Knizhnyy dom Ltd Publ., 2015, pp. 39–51. (In Russ.)

Zalevskaya A. A. Nekotorye problemy teorii ponimaniya teksta [Some problems of the theory of text perception]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 2002, issue 3, pp. 62–73. (In Russ.)

Carnap R. *Znachenie i neobkhodimost'* [Meaning and Necessity]. Transl. from German. N. N. Vorob'ev. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1959. 384 p. (In Russ.)

Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [The Philosophy of Symbolic Forms]. Transl. from German by A. M. Rutkevich. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2011, vol. 3. Fenomenologiya poznaniya [Phenomenology of cognition]. 398 p. (In Russ.)

Kravchenko A. V. Reprerzentatsiya myslitel'nykh struktur v yazyke kak tema nauchnogo diskursa [Linguistic representation of mental structures as a theme in scientific discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2012, issue 12. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov, Derzhavin Tambov State University Press, pp. 205–216. (In Russ.)

Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke* [Language and Knowledge: On the Way of Getting Knowledge about Language]. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 560 p. (In Russ.)

METOD: Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin [METHOD: Moscow Yearbook on Social Studies: a Collection of Scientific Papers]. Ed. by M. V. Il'in. RAN INION. Centre for Advanced Methodologies in Social Sciences and Humanities. Moscow, 2016, issue 6. 368 p. (In Russ.)

Murzin L. N. Tekst – nominatsiya – leksema [Text – nomination – lexeme]. *Leksicheskiye aspekty v sisteme professional'no-orientirovannogo obucheniya inoyazychnoy rechevoy deyatel'nosti* [Lexical Aspects in the System of Professionally-Oriented Teaching of Foreign-Language Speech Activity: Collection of Scientific Papers]. Perm, Perm State University Press, 1988, pp. 16–21. (In Russ.)

Murzin L. N., Stern A. S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and Its Perception]. Sverdlovsk, Ural University Press, 1991. 172 p. (In Russ.)

Pavilionis R. I. *Problema smysla. Sovremenniy logiko-filosofskiy analiz yazyka* [The Problem of

Meaning. Modern Logical and Philosophical Analysis of Language]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 288 p. (In Russ.)

Sakharnyy L. V. *Psikhologicheskie aspekty teorii slovoobrazovaniya* [Psychological Aspects of the Word-Building Theory]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1985. 97 p. (In Russ.)

Sapir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Language Studies]. 2nd edition. Moscow, Progress Publ., 2001. 656 p. (In Russ.)

Speth G. G. *Vnutrennyaya forma slova* [The Inner Form of the Word]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 216 p. (In Russ.)

Shchedrovitskiy G. P. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Shkola Kul'turnoy Politiki Publ., 1995. 800 p. (In Russ.)

Alekseeva L. Methods and principles of translation of scientific texts. *Terminology Science in Russia Today. From the Past to the Future*. Ed. by Larissa Alexandrovna Manerko, Klaus-Dieter Baumann, Hartwig Kalverkämper, Berlin, Frank & Timme, 2014, pp. 399–409. (In Eng.)

Cabré M. T. Elements for a theory of terminology: Towards an alternative paradigm. *Terminology*, 2000, issue 6/1, pp. 35–57. (In Eng.)

Faber P. The dynamics of specialized knowledge representation: simulational reconstruction or the perception-action interface. *Terminology*, 2011, issue 17, pp. 9–29. (In Eng.)

Faber P., Cabezas-García M. Specialized knowledge representation: from terms to frames. *Research in Language*, 2019, vol. 17, issue 2, pp. 197–211. (In Eng.)

Faber P., León-Araúz P. Specialized knowledge representation and the parameterization of context. *Frontiers in Psychology*, 2016, vol. 7. Art. 196. (In Eng.)

Fang T. DISCOS: Bridging the Gap between Discourse Knowledge and Commonsense Knowledge. Tianging Fang, Hongming Zhang, Weiqi Wang, Yangqiu Song, Bin He. *WWW '21, April 19–23, 2021, Ljubljana, Slovenia*. (In Eng.)

Indeterminacy in Terminology and LSP: Studies in honour of Heribert Picht. Ed. by Bassey E. Antia. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins, 2007. 236 p. (In Eng.)

Kerremans K., Temmerman R., De Baer P. Construing domain knowledge via terminological understanding. *Linguistica Antverpiensia*, 2008, issue 1, pp. 177–191. (In Eng.)

Markus K., Pulvermüller F. Conceptual representations in mind and brain: Theoretical developments, current evidence and future directions. *Cortex*, 2012, issue 48 (7), pp. 805–825. (In Eng.)

Paes D., Irizary J. Virtual reality technology applied in the building design process: Considerations on human factors and cognitive processes. Ed. by F. Rebelo and M. Soares. *Advances in Ergonomics in Design, Advances in Intelligent Systems and Computing*. Springer International Publishing Switzerland, 2016, pp. 3–15. (In Eng.)

Pinker S. *The Language Instinct: The New Science of Language and Mind*. Penguin Adult, 1995. 494 p. (In Eng.)

Robinson S. Conceptual modeling: definition, purpose and benefits. Stewart Robinson, Gilbert Arbez, Louis G. Birta, Andreas Tolk, Gerd Warner (L. Yilmaz, W. K. V. Chan, I. Moon, T. M. K. Roeder, C. Macal, and M. D. Rossetti, eds.). *Proceedings of the 2015 Winter Simulation Conference*, Huntington Beach California, December 6–9, 2015, pp. 2812–2826. (In Eng.)

Temmerman R. *Towards New Ways of Terminology Description: The Sociocognitive Approach*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing, 2000. 258 p. (In Eng.)

Temmerman R. Units of understanding in socio-cognitive terminology studies. Ed. by P. Faber, M.-C. L'Homme. *Theoretical Perspectives on Terminology. Explaining Terms, Concepts and Specialized Knowledge*. John Benjamins Publishing Company, 2022, pp. 331–352. (In Eng.)

The Chambers Dictionary. 11th ed. Chambers Harrap Publishers LTD, 2008. 1871 p. (In Eng.)

Explicatives as a Form of Knowledge Representation

Larisa M. Alekseeva

Professor in the Department of Linguodidactics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. larissapsu@gmail.com

SPIN-code: 7540-0880

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7336-1067>

Maria V. Dudina

Postgraduate Student in the Department of Linguodidactics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. mariavvdudina@gmail.com

SPIN-code: 1967-7912

Submitted 13 Mar 2023

Revised 25 Mar 2023

Accepted 06 May 2023

For citation

Alekseeva L. M., Dudina M. V. Eksplikativy kak forma reprezentatsii znaniya [Explicatives as a Form of Knowledge Representation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 5–16. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-5-16 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to highlighting of the concept of the explicative as a unit of understanding the scientific text, which is new for the theory of language. These units represent progressive intertextuality, due to the novelty of scientific knowledge, being elements of interpretation of the scientific thought. The authors of the article focus on the concept of a representheme, regarded as a model of a concept that has a verbal representation in the form of a special sign. It is noted that the most studied units of understanding are terms, terminological phrases and definitions. The authors work out theoretical foundations for the concept of the explicative taking into account linguistic, communicative and cognitive criteria, describe the research methodology, and develop specific methods for the study of this unit in a text. The methodology includes the development of principles and steps for the analysis of explicatives in a scientific text. Explicatives are included by the authors in a generalized class of units of understanding and are regarded as a means of interpreting scientific knowledge. The characteristics of explicatives are associated with open and unfinished language expressions clarifying the original concept. The concept of explicatives deserves special attention since, unlike logically complete units, they have open, incomplete structures and perform the function of an additional description of the object under consideration. The main conclusion of the study is the suggestion that, being free interpretations, explicatives are more dynamic and less inert than definitions and other complete units. The authors draw conclusions about the role and functions of explicatives in the scientific text and outline prospects for using explicatives in practice.

Key words: explicatives; representation; units of understanding; situational context; tactics of understanding; scientific knowledge.

UDC 81'27

doi 10.17072/2073-6681-2023-2-17-23

A Review of Research on the Relationship between Linguistic Landscape and Space

The research was supported by the General Project of Social Science Planning of Jiangxi Province 'Research on Linguistic Landscape Ecology in Nanchang Urban Area from Multimodal Perspective', Project No. 22YY21 and the 2022 International Research Youth Project on Learning Chinese 'Research on the Compilation of International Textbooks on the Chinese Language from Multimodal Discourse Vision', project No. 22YH16D

Wenli Fu

Lecturer at the College of International Cultural Exchanges

Northwest Normal University,

Lanzhou, Gansu Province, 730070, China. wenli.fu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7649-0702>

Hong Yang

Associate Professor in the Department of Education

Nanchang Normal College of Applied Technology

Nanchang, Jiangxi Province, 330038, China. 18970813036@163.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0886-9304>

Submitted 13 Nov 2022

Revised 04 Dec 2022

Accepted 16 Feb 2023

For citation

Wenli Fu, Hong Yang. A Review of Research on the Relationship between Linguistic Landscape and Space. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 17–23. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-17-23 (In Eng.)

Abstract. In recent years, the linguistic landscape research has gradually attracted the attention of scholars in many related research fields. This paper mainly combines the core research topics in the research field of linguistic landscape, from the definition of linguistic landscape and the function of linguistic landscape, the definition of related academic terms and concepts, the empirical research of linguistic landscape in urban blocks at home and abroad, the theoretical study of linguistic landscape, and the relationship between linguistic landscape and spatial dimensions. Five levels of research, the current situation of domestic and foreign urban linguistic landscape studies and the overall research related to this paper are reviewed. To sum up, the stylistic characteristics, structure and function of linguistic landscapes reflect the characteristics of the study area to a certain extent. The study found that linguistic landscape is closely related to public space and indoor space. The special characteristics and regional functions of space can affect the characteristics and functions of linguistic landscapes. At the same time, there is a relationship between linguistic landscape and space. On the whole, this study provides a clear development direction for the core research questions in future linguistic landscape research. Linguistic landscape research focuses on the combination of micro and macro research perspectives and aims to reveal the relationship between linguistic landscape and its space. The study of linguistic landscape mainly focuses on the interaction between language, visual activities, spatial practice and cultural dimensions, especially the construction of spatial discourse with text as the medium and the use of symbolic resources.

Key words: linguistic landscape; spatial relationship; sociolinguistics; language environment; multilingualism.

Introduction

Scholars in different research fields of linguistic landscape [Landry & Bourhis 1997: 25; Ben-Rafael 2009: 43] have given various definitions of linguistic landscape. The research aim of linguistic landscape is mainly language signs, including public places' signs, street signs, billboards, warning signs, shop signs, slogans, tourist brochures, tourist attraction language and other signs displayed in the public eye. The focus of linguistic landscape research is to examine the construction methods and processes of language symbols between language planning departments, language users and language recipients, the spatiality of linguistic landscapes, and the relevant information and symbolic meanings contained in linguistic landscapes. At first, the core background of linguistic landscape research was "public space", but with the deepening and expansion of studies in this field, the research scope has extended from public space to different spaces such as private space, indoor space and virtual space [Shang Guowen & Zhao Shouhui 2014a: 214; 2014b: 88].

Looking at the current situation in linguistic landscape research at home and abroad, Landry & Bourhis first proposed the authoritative academic research term "linguistic landscape" in 1997 [Landry & Bourhis 1997: 23]. Based on this, linguistic researchers at home and abroad have carried out related research from the perspective of review and empirical studies. Specifically, the comprehensive research mainly covers the overall situation of the linguistic landscape research field (a comprehensive overview of the background, methods, theories, prospects and challenges of linguistic landscape research), the analysis dimension and theoretical construction of linguistic landscape, the development process of linguistic landscape research and linguistic landscape research stage [Landry & Bourhis 1997: 27; Shang Guowen & Zhao Shouhui 2014b: 87; Li Lisheng 2015: 6; Fu Wenli & Bai Limei 2017: 46; Xu Ming 2017: 60; Wu Xili & Zhan Ju & Liu Xiaobo 2017: 172; Zhang Tianwei 2020: 52]. These review articles by scholars at home and abroad more comprehensively reflect the current theoretical system and theoretical construction of linguistic landscape research at home and abroad. Under the background of the theoretical basis and theoretical innovation of linguistic landscape research, scholars in the field of linguistic landscape research at home and abroad have carried out empirical research. The current empirical research on linguistic landscape mainly covers the perspective of multilingualism, urban linguistic landscape research [Cenoz & Gorter 2006: 270; Barni & Bagna 2010: 8; Kallen & Dhonnacha 2010: 24], and sociolinguistic and sociological dimension urban linguistic land-

scape research [Backhaus 2006: 56; Ben-Rafael 2009: 42; Huebner 2009: 77], research on linguistic landscape of urban blocks [Backhaus 2006: 54; Tian Feiyang & Zhang Weijia 2014: 40], research on the dimension of linguistic landscape and spatial relationship [Ron Scollon & Suzie Wong Scollon 2003: 3; Blommaert 2006: 20; Jaworski & Thurlow 2010: 10; Pennycook 2010: 14; Lu Deping 2022: 1] and other research dimensions of the linguistic landscape.

In the existing research on the dimension of linguistic landscape and spatial relationship at home and abroad, there are two main research clues in current linguistic landscape studies [ibid.: 2]. The first research clue is language orientation, and the second is spatial orientation. Among them, the language orientation of linguistic landscape research focuses on "language in spatial symbols", that is, "language status issues concerned by language policy and language planning, and language power issues concerned by sociolinguistics" [Blommaert 2013:126]. The spatial orientation of linguistic landscape research focuses on "symbols in space", that is, "the urban spatial characteristics that characterize urban social practices expressed in language and other multimodal signs in the linguistic landscape" [Pennycook 2010:67].

Definition and Function of Linguistic Landscape

Based on the authoritative definition of linguistic landscape proposed by Landry & Bourhis, other well-known scholars have also proposed different definitions of the research nature of linguistic landscape. "The symbolic architecture presented in a visual public space can be regarded as a linguistic landscape, because the language it expresses and the symbols it uses are the 'things' happening in that social space" [Ben-Rafael 2009: 41]. In the *monograph Semiotic Landscapes: Language, Image, Space*, co-published by Jaworski & Thurlow in 2010, the definition of "linguistic landscape" is deepened. It has been expanded into a "semiotic landscape" and defined as "any public space that is visible and shaped by people's intentional intervention in meaning construction" [Jaworski & Thurlow 2010: 2]. Therefore, the method of multimodal discourse analysis is often used in the research related to linguistic landscape, and linguistic landscape is no longer regarded as just a reflection of the sociolinguistic situation in a certain spatial field, but as a geographical space in the form of speech.

Linguistic landscape has two main functions. One is informative function and the other is the symbolic function. With regard to informative function, "linguistic landscapes help inform the linguistic characteristics, territorial extent and linguistic boundaries

of the entered areas within and outside the group” [Landry & Bourhis 1997: 25]. In addition to informative function, symbolic function is also crucial. The presence or absence of certain languages on public signage does affect the understanding and perception of those languages in the speech community. “Most private and government signs are printed with their own language, which should help people perceive the language on these signs as more valuable and status in the group than other languages in the sociolinguistic context” [ibid.: 27]. The symbolic function of linguistic landscape means language power and language status reflected by linguistic landscape.

Multimodality

‘Discourse’ is a language use in social interaction. “Of the various types of social interaction, each of which is most effective, has specific requirements for the spatial structure in which it takes place and the material mediation means available to the participants to carry out the activity, providing it with support” [Ron Scollon & Suzie Wong Scollon 2003: 3]. “Discourse includes various forms of meaningful human symbolic activity related to society, cultural and historical patterns and development of usage. Linguistic landscape research is closely related to discourse analysis research” [Blommaert 2006: 5]. “There is a dual relationship between the analysis, that is, discourse shapes the linguistic landscape and is also shaped by the linguistic landscape” [Seargeant & Giakoglou 2020: 311].

Linguistic landscape is used as “linguistic objects that mark public space” [Gorter 2006: 3]. At the same time, linguistic landscape is also “language presentation in a language ecological environment, and language and words displayed in public space with images” [Shohamy & Gorter 2009: 1]. Therefore, the linguistic landscape can be regarded as a kind of text that also emphasizes the multimodal nature. “Linguistic landscape analysis that only considers linguistic aspects or a single-modal perspective can lead to distortions and partial distortions of the phenomenon” [Shohamy & Waksman 2009: 316]. Multimodal linguistic landscapes encompassing both visual imagery and written language are echoed. “Because meaning arises through various aspects of visual texts, it is difficult to analyze linguistic content separately from other features that contribute to the visual whole” [Huebner 2009: 76].

To sum up, linguistic landscape as a discourse or multimodal discourse, is mainly composed of one or two generative modalities of meaning, namely linguistic modality, linguistic and visual modalities (other modalities include color, font, spatial layout and context). For multimodal linguistic landscape research, we should not only analyze language mo-

dalities, but also explore non-linguistic modalities. Only in this way can we get the most information from it [Li Meixia & Song Erchun 2010: 7].

The Relationship between Urban Linguistic Landscape and Space

Urban linguistic landscape research mainly involves two dimensions of “language in spatial symbols” and “symbols in space” [Lu Deping 2022: 3], that is, language symbols in linguistic landscape research and non-linguistic symbols. Combined with the theme of this research review, this section will start from two aspects related to the analysis of language symbols and non-linguistic symbols in urban linguistic landscape and the research dimension of urban linguistic landscape and spatial relationship.

The Relationship between Linguistic Landscape and Space in Urban Cases

Regarding the research on the relationship between linguistic landscape and space in urban cases, to analyze it concretely, it is necessary to first explore the elements of language symbols in specific spaces. This study adopts the perspective of spatial distinction and representation to conduct linguistic landscape research. Specifically, a visual semiotics framework was proposed [Kress & van Leeuwen 2006: 20]. For the study of multimodal linguistic landscapes, language modality and visual modality cannot be analyzed in isolation.

“Discourse in place” is also known as “geosemiotics” [Scollon & Scollon 2003: 10], mainly to study how linguistic landscapes, as discourses in places, express meaning in specific places. As a subsystem of geosemiotics, place semiotics is a set of frameworks for analyzing the language symbol system in the real environment. It consists of subsystems such as code preference, inscription, and emplacement.

Following theoretical study of place semiotics, linguistic landscape research can also refer to the SPEAKING model for linguistic analysis to sort out the multiple relationships between language means and social meaning [Huebner 2009: 77].

The above studies have paid attention to the “spatiality” of linguistic landscape from different research perspectives, research levels and research dimensions, that is, “(social) space” is one of the main elements of linguistic landscape composition. In order to further explore and analyze the relationship between linguistic landscape and space, the current linguistic landscape research should use the “representation of space”, that is, to regard language in a specific space as “independent of nature”. This research idea is obviously different from the idea of analyzing various modal elements of linguistic landscape from the micro level mentioned above. In

comparison, the “spatial representation idea” of linguistic landscape research should regard linguistic landscape objects as a whole to explore the relationship between the linguistic landscape and the social space in which it is located.

Shohamy & Waksman (2009) took note of this problem and, as such, they emphasized a multimodal view of linguistic landscape research. In dynamic social spaces, the representation of meaning in normal objects we see in everyday life has expanded from “mere use of language to images, colors, page layouts, music” and many other meaningfully designed symbolic resources” [Iedema 2003: 33]. As a social phenomenon, the visual linguistic landscape in the city not only includes language as a symbolic resource. It is obvious that when interpreting the meaning conveyed by the linguistic landscape, they both emphasize the necessity and importance of other modes of meaning generation other than language modes [Shohamy & Waksman 2009: 315]. This dimension is often referred to as the multimodal dimension, which applies to the multimodal linguistic landscape in this study.

Research on the Relationship between Linguistic Landscape and Space in Specific Urban Areas

Specific to the relevant research aspects of the linguistic landscape and spatial relationship in a specific urban area, the current research on the linguistic landscape and spatial relationship in a specific urban area by scholars in related fields at home and abroad mainly focuses on two research dimensions. The first research dimension is the multilingual dimension. The research on the relationship between the linguistic landscape and space in a specific urban area in the multilingual dimension is mainly based on quantitative auxiliary analysis, combined with qualitative research methods and analytical methods. Based on quantitative analysis, it explains the phenomenon of multilingualism, and further reveals the language policy and language management behind the multilingualism. For example, Ben-Rafael et al. contrasted single- and mixed-resident Israeli cities and the linguistic landscape of Jerusalem [Ben-Rafael et al. 2006: 23]. Hult explored and analyzed the relationship between linguistic landscape and language ecology. His hypothesis is that “linguistic landscape analysis can be used for multilingual ecological studies” [Hult 2009: 90].

In current research on the relationship between linguistic landscape and space in specific urban areas by scholars in related fields at home and abroad, the second main research dimension is the spatial perspective of linguistic landscape research. Pennycook mentioned the viewpoints of spatial production theory and spatial lexicon in metrolinguism [Pen-

nycook 2010: 21], that is, space is not pre-existing, but is constructed through people’s social events, urban language life. Blommaert believes that “in the visual public space, the information presented is basically non-neutral. Relatively speaking, they always highlight the corresponding social structure, power and hierarchy to a certain extent” [Blommaert 2013: 30].

The above studies, both the multilingual dimension of linguistic landscape research and the spatial perspective dimension of linguistic landscape research have paid attention to the relationship between linguistic landscape and space.

Research on Urban Street Linguistic Landscape

As far as the research on urban street linguistic landscape is concerned, some scholars in related fields at home and abroad have carried out relevant research on it, and these studies also have certain inspiration and references. Specifically, Backhaus conducted an empirical study of the multilingual linguistic landscape in the streets of Tokyo [Backhaus 2006: 56]. His research focuses on the differences between official multilingual signage and non-official multilingual signage. A lot of space is devoted to analyzing the frequency distribution of multiple languages in official and non-official signs. The findings showed that in the sample of official signage, 99 % of people placed Japanese in a more prominent position, while the situation was more balanced for unofficial signs, and in the sample of linguistic landscape analysis, almost 40 % showed that there is an inverse relationship between Japanese and other languages” [Backhaus 2008: 63]. This phenomenon suggests that the dominance of Japanese in the two different types of signage differs. It can be explained through the two dimensions of linguistic power and solidarity.

Xu Ming took the representative blocks along Beijing Metro Line 2 and 16 districts as the research objects, and analyzed 13,772 valid linguistic landscape samples collected [Xu Ming 2018: 60]. The research results show that in the presentation of the language code of Beijing’s linguistic landscape, Chinese occupies an absolute dominant position, and at the same time shows a relatively obvious multilingualism.

The above-mentioned scholars’ research on urban street linguistic landscape basically focuses on the specific analysis of various elements, mainly through the analysis of the language code level to reveal and explain the language behind the linguistic landscape, such as language policy and language construction. The similarity between this study and those of the above scholars is that the research objects are all urban street linguistic landscapes.

Conclusion

We live in the age where the highest density of linguistic landscapes can be found everywhere. Rapid developments in the fields of new media and information technology have made the linguistic landscape more diverse than ever. The emergence of the term “linguistic landscape” and its related research, on the one hand, has improved the understanding of the linguistic landscape of visual public space and indoor space, and provided scholars interested in understanding linguistic landscape with more information on the field of language research. Knowledge environment is necessary to conduct relevant research. As an emerging research field, although the linguistic landscape has attracted the attention of many disciplines, it still faces many problems and difficulties at the theoretical and methodological level, which need to be solved before going further.

Thus, the above observations on international and domestic linguistic landscape research show that this growing field of research has attracted the attention of foreign scholars as well as Chinese scholars. However, from the current situation of linguistic landscape research abroad, more fruitful research results have been obtained. To gain insight into the linguistic landscape, we use a different perspective. Foreign scholars mainly carry out linguistic landscape research from multilingual dimensions, sociolinguistics and sociology dimensions, linguistic landscape and spatial dimensions, and other dimensions. The sociolinguistic and sociological methods of linguistic landscape research are the main viewpoints of international linguistic landscape research in recent years. The linguistic landscape is inevitably linked with social factors. Since the beginning of linguistic landscape research, most of the studies have adopted the perspective of “social”, including the study of linguistic landscape from the perspectives of second language acquisition and spatiality. It is also often associated with a sociological perspective [Lou 2016: 26].

Taking a sociological perspective into linguistic landscape research does not necessarily mean taking the problem of code selection as the core of the research. For example, by citing the social perspective + second language acquisition perspective + spatial perspective, two related scholars discussed how to create a learning space for language learners in language learning, to adapt to the language use paradigm of the target language society to the greatest extent [Cenoz & Gorter 2008:72]. A social perspective should be a perspective that focuses on the relationship between people and society, not necessarily code selection or community issues. There is a blurred boundary between sociolinguistic and sociological perspectives and of multilingualism. There is

some overlap between the two views, but it is necessary to treat the polyglot view as a separate view, as the polyglot view places more emphasis on the presence or absence of one or more languages, its focus is mainly on the multilingual competitive aspects. The sociolinguistic and sociological perspective also looks at the different language codes presented on the linguistic landscape, but its focus is on one language or multiple languages in the linguistic landscape and social space, the potential power of language, and government language policy and social space. Therefore, it is necessary to consider multilingualism and sociolinguistic perspectives as two distinct disciplinary orientations.

References

- Backhaus P. Multilingualism in Tokyo: a look into the linguistic landscape. *International Journal of Multilingualism*, 2006, issue 3, pp. 52–66. (In Eng.)
- Barni M., Bagna C. Linguistic landscape and language vitality. In Shohamy E., Ben-Rafael E., Barni M. (eds.). *Linguistic Landscape in the City*. Bristol, Multilingual Matters, 2010, pp. 3–18. (In Eng.)
- Ben-Rafael E. A sociological approach to the study of linguistic landscapes. In Shohamy E., Gorter D. (eds.). *Linguistic Landscape: Expanding the Scenery*. London, Routledge, 2009, pp. 40–54. (In Eng.)
- Ben-Rafael E. et al. Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: the case of Israel. In Gorter D. (ed.). *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*. Clevedon, Multilingual Matters, 2006, pp. 7–30. (In Eng.)
- Blommaert J. Language ideology. In Brown K. (ed.). *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd ed. Elsevier, Oxford, 2006, pp. 510–522. (In Eng.)
- Blommaert J. *Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity*. Bristol, Multilingual Matters, 2013. 231 p. (In Eng.)
- Cenoz J., Gorter D. Linguistic landscape and minority languages. *International Journal of Multilingualism*, 2006, issue 3, pp. 67–80. (In Eng.)
- Cenoz J., Gorter D. The linguistic landscape as an additional source of input in second language acquisition. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 2008, issue 3, pp. 267–287. (In Eng.)
- Fu Wenli & Bai Limei. Qing Hai shao shu min zu di qu yu yan jing guan yan jiu [A study on the linguistic landscape in ethnic minority areas of Qinghai]. *Zhong guo she hui yu yan xue* [Journal of Sociolinguistics], 2017, issue 2, pp. 45–46. (In Chin.)
- Gorter D. Further possibilities for linguistic landscape research. *International Journal of Multilingualism*, 2006, issue 2, pp. 81–89. (In Eng.)

- Huebner T. A Framework for the linguistic analysis of linguistic landscapes. In Shohamy E., Gorter D. (eds.). *Linguistic Landscape: Expanding the Scenery*. London, Routledge, 2009, pp. 70–87. (In Eng.)
- Hult M. F. Language ecology and linguistic landscape analysis. In Shohamy E., Gorter D. (eds.). *Linguistic Landscape: Expanding the Scenery*. London, Routledge, 2009, pp. 88–103. (In Eng.)
- Iedema R. Multimodality, resemiotization: extending the analysis of discourse as multi-semiotic practice. *Visual Communication*, 2003, issue 1, pp. 29–57. (In Eng.)
- Jaworski A., Thurlow C. *Semiotic Landscapes: Language, Image, Space*. London, Continuum, 2010. 321 p. (In Eng.)
- Kallen J. L., Dhonnacha E. N. Language and inter-language in urban Irish and Japanese linguistic landscapes. In Shohamy E., Ben-Rafael E., Barni M. (eds.). *Linguistic Landscape in the City*. Bristol, Multilingual Matters, 2010, pp. 19–36. (In Eng.)
- Kress G., van Leeuwen T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London, Routledge, 2006. 321 p. (In Eng.)
- Landry R., Bourhis R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, 1997, issue 1, pp. 23–49. (In Eng.)
- Li Meixia, Song Erchun. Cong duo mo tai yu pian fen xi jiao du jie du y yi gong jian—yi yi fu Zhong guo gu dai shan shui xie yi hua wei li [Interpreting co-construction of the meaning from the perspective of multimodal discourse analysis: A case study of an ancient Chinese landscape freehand painting]. *Wai yu jiao xue* [Foreign Language Education], 2010, issue 2, pp. 6–10. (In Chin.)
- Li Lisheng. Guo wai yu yan jing guan yan jiu ping shu ji qi qi shi [A review of international linguistic landscape studies and its implications]. *Bei jing di er wai guo yu xue yuan xue bao* [Journal of Beijing International Studies University], 2015, issue 4, pp. 1–7. (In Chin.)
- Lou J. J. Chinese on the side: The marginalization of Chinese in the linguistic and social landscapes of Chinatown in Washington, DC. In Shohamy E., Ben-Rafael E., Barni M. (eds.). *Linguistic Landscape in the City*. Bristol, Buffalo & Toronto, Multilingual Matters, 2010, pp. 96–114. (In Eng.)
- Lu Deping. ‘Yu yan jing guan de ji ben wen ti’ [‘Basic Issues of Language Landscape’]. *Yu yan xue yan jiu* [Linguistic Research], issue 1, pp. 1–5. (In Chin.)
- Pennycook A. *Language as a Local Practice*. London, Routledge, 2010. 121 p. (In Eng.)
- Scollon R., Scollon S. *Discourse in Place: Language in the Material World*. London, Routledge, 2003. 257 p. (In Eng.)
- Seargeant P., Giakoglou K. Discourse and the linguistic landscape. In De Fina A., Georgakopoulou A. (eds.). *The Cambridge Handbook of Discourse Studies*. Cambridge, Cambridge University Press, 2020, pp. 306–326. (In Eng.)
- Shang Guowen & Zhao Shouhui. Yu yan jing guan yan jiu de shi jiao, li lun yu fang fa [Linguistic landscape studies: Perspectives, theories and approaches]. *Wai yu jiao xue yu yan jiu (wai guo yu wen Shuang yue kan)* [Foreign Language Teaching and Research (Bimonthly Journal of Foreign Chinese)], 2014a, issue 2, pp. 214–223+320. (In Chin.)
- Shang Guowen, Zhao Shouhui. Yu yan jing guan de fen xi wei du yu li lun gou jian [Linguistic landscape studies: analytical dimensions and theoretical construction]. *Wai guo yu* [Journal of Foreign Languages], 2014b, issue 6, pp. 81–89. (In Chin.)
- Shohamy, E., Gorter, D. (eds.). *Linguistic Landscape: Expanding the Scenery*. London, Routledge, 2009. 393 p. (In Eng.)
- Shohamy E., Waksman S. Linguistic landscape as an ecological arena – modalities, meanings, negotiations, education. In Shohamy E., Gorter D. (eds.). *Linguistic Landscape: Expanding the Scenery*. London, Routledge, 2009, pp. 313–331. (In Eng.)
- Tian Feiyang, Zhang Weijia. Quan qiu hua she hui yu yan xue: yu yan jing guan de xin li lun – yi Beijing shi xue yuan lu shuang yu gong shi yu wei li [Global sociolinguistics: a new theory of linguistic landscape research: a case study of bilingual public signs in XueYuan Road, Beijing]. *Yu yan wen zi ying yong* [Applied Linguistics], 2014, issue 2, pp. 38–45. (In Chin.)
- Wu Xili, Zhan Ju, Liu Xiaobo. Yu yan jing guan yan jiu de li lun shi jiao, wen ti qu xiang ji yan jiu fang fa [Theoretical perspectives and research methods of linguistic landscape studies]. *Xue shu yan jiu* [Academic Research], 2017, issue 7, pp. 170–174. (In Chin.)
- Xu Ming. Guo wai yu yan jing guan yan jiu li cheng yu fa zhan qu shi [The research history and development trends of foreign linguistic landscape]. *Yu yan zhan lue yan jiu* [Language Strategy Research], 2017, issue 2, pp. 57–64. (In Chin.)
- Xu Ming. Beijing shi yu yan jing guan diao cha yan jiu [A survey and study of linguistic landscape in Beijing]. *Dui wai han yu shi yan jiu* [Studies In Chinese as a Foreign Language], 2018, issue 2, pp. 84–95. (In Chin.)
- Zhang Tianwei. Yu yan jing guan yan jiu de xin lu jing, xin fang fa yu li lun jin zhan [New paths, new methods and theoretical progress of linguistic landscape research]. *Yu yan zhan lue yan jiu* [Language Strategy Research], 2020, issue 4, pp. 48–60. (In Chin.)

Обзор исследований о взаимосвязи языкового ландшафта и пространства

Исследование было поддержано Генеральным проектом планирования социальных наук провинции Цзянси «Исследование лингвистической экологии ландшафта в городской местности Наньчан с мультимодальной перспективы», Проектом № 22YY21 и Международным молодежным проектом по изучению китайского языка 2022 года «Исследование по созданию международных учебников по обучению китайскому языку из мультимодального дискурсивного видения», проект № 22YH16D

Вэньли Фу

доцент Колледжа международных культурных обменов

Северо-западный педагогический университет

Ланьчжоу, провинция Ганьсу, 730070, Китай. wenli.fu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7649-0702>

Хун Ян

доцент кафедры образования

Наньчанский педагогический колледж прикладных технологий

Наньчан, провинция Цзянси, 330038, Китай. 18970813036@163.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0886-9304>

Статья поступила в редакцию 13.11.2022

Одобрена после рецензирования 04.12.2022

Принята к публикации 16.02.2023

Информация для цитирования

Вэньли Фу, Хун Ян. Обзор исследований о взаимосвязи языкового ландшафта и пространства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 17–23. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-17-23

Аннотация. В последние годы исследование лингвистического ландшафта постепенно привлекает внимание ученых во многих смежных научных областях. Данная работа охватывает основные аспекты исследований в области изучения лингвистического ландшафта: определение лингвистического ландшафта и его функций, анализ родственных академических терминов и понятий, эмпирическое исследование лингвистического ландшафта в городских кварталах в Китае и за рубежом, теоретическое изучение лингвистического ландшафта и взаимосвязи между лингвистическим ландшафтом и пространственными измерениями. Рассматриваются пять уровней исследований, современное состояние отечественных и зарубежных работ по изучению городского лингвистического ландшафта и общие исследования. Установлено, что стилистические характеристики, структура и функции языковых ландшафтов в определенной степени отражают особенности области изучения. Исследование показало, что лингвистический ландшафт в определенной степени тесно связан с общественным и внутренним пространством. Особые характеристики и региональные функции пространства могут влиять на характеристики и функции языковых ландшафтов. В то же время существует связь между языковым ландшафтом и пространством. В целом настоящая работа формулирует основные вопросы изучения лингвистического ландшафта. Исследование лингвистического ландшафта сосредоточено на сочетании микро- и макроперспектив и направлено на выявление взаимосвязи между лингвистическим ландшафтом и пространством. Изучение лингвистического ландшафта сосредоточено главным образом на взаимодействии между языком, визуальной деятельностью, пространственной практикой и культурными измерениями, в частности на построении пространственного дискурса с помощью текста и использовании символических ресурсов.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт; пространственные отношения; социолингвистика; языковая среда; многоязычие.

УДК 81'42:81'22

doi 10.17072/2073-6681-2023-2-24-39

Эмоциональная специфика вербального и невербального поведения при обсуждении бодипозитива (на примере интервью с информантами из России)

Юлия Андреевна Горностаева

к. филол. н., доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики

Сибирский федеральный университет

660041, Россия, г. Красноярск, просп. Свободный, 82. yulyatald@yandex.ru

SPIN-код: 8680-9639

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Полина Алексеевна Колмогорова

магистрант института гуманитарных наук и искусств

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

190068, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123А. kolmogorovapa@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1708-5437>

Статья поступила в редакцию 08.10.2022

Одобрена после рецензирования 01.12.2022

Принята к публикации 01.02.2023

Информация для цитирования

Горностаева Ю. А., Колмогорова П. А. Эмоциональная специфика вербального и невербального поведения при обсуждении бодипозитива (на примере интервью с информантами из России) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 24–39. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-24-39

Аннотация. Статья посвящена проблеме описания специфики вербального и невербального поведения русскоязычных респондентов в устном дискурсе о бодипозитиве. Актуальность проблематики исследования обусловлена: 1) растущим интересом ученых к изучению эмоциональных процессов в языке и речи; 2) отсутствием научных трудов, описывающих национально-культурную специфику эмоционального поведения русских; 3) его междисциплинарностью. Цель – описать эмоциональную специфику вербального и невербального поведения русскоязычных студентов в дискурсе о бодипозитиве и посредством выявления эмоциональных маркеров описать их отношение к движению радикального бодипозитива. Ведущим методом исследования является мультимодальный анализ, реализуемый при помощи программного обеспечения ELAN. В ходе эксперимента обнаружено, что, с одной стороны, посредством языковых клише, фразеологизмов, нецензурной лексики и заимствований из английского языка вербализуется позиция говорящего «нужно принимать себя таким, какой ты есть». С другой стороны, наблюдается ироничное отношение к сторонникам бодипозитива, воплощенное в жанре пародии. Для соблюдения общепринятых норм приемлемости респонденты прибегают к автокоррекции, вербализованной маркерами толерантности. Гендерный аспект бодипозитива проявляется в актуализации пропозиций «бодипозитив – это про женское тело» и «мужчина – добытчик». Отсылки к поп-культуре используются для эмоционального усиления, также реализуемого через невербальные манифестации эмоций, среди которых выделены невербальные маркеры недоумения, смущения, сомнения, одобрения (ухмылка, нахмуривание бровей, мимика, смех, улыбка, прищуривание). Кроме того, используются жесты-лимитаторы, чтобы обозначить условное разделение двух объектов, визуализировать «щит» или же обозначить рамки, а также жест, визуализирующий кавычки, чтобы нормализовать сказанное и подчеркнуть свое несогласие.

Ключевые слова: эмоции; эмотивность; оценочность; вербальные маркеры; невербальные маркеры; устный дискурс; бодипозитив.

Введение

Эмоции являются структурным элементом сознания и мышления, их мотивационной основой, которая находится в неразрывной связи со всеми когнитивными процессами. Эмоциональная активация рассматривается как необходимое условие продуктивной интеллектуальной деятельности, а языковая природа эмоций становится объектом исследования новой науки – эмотиологии – науки о вербализации, выражении и коммуникации эмоций [Шаховский 2008].

В рамках лингвистической теории эмоций рассматриваются в основном их вербальные манифестации: так, описываются вербальные маркеры (лексические репрезентанты) эмоций в устном и письменном дискурсах [Бабенко 1989; Колмогорова, Горностаева 2021; Шаховский 2009]. При этом невербальная природа эмоций незаслуженно игнорировалась лингвистами на протяжении долгого времени и нашла отражение в единичных исследованиях [Маликова 2020], в частности, – вдохновленных идеями воплощенной когнитивной лингвистики и посвященных телесным манифестациям эмоций [Шиллер 2019].

О важности междисциплинарного подхода к изучению психоэмоциональных состояний в языке активно говорят зарубежные ученые, подчеркивающие релевантность таких дисциплин, как философия, антропология, психология, социология, нейролингвистика и компьютерная лингвистика, методологический инструментарий которых позволяет не только анализировать устные и письменные языковые проявления эмоций, но и детектировать их телесные манифестации в виде мимики и языка тела, что, в свою очередь, дает возможность получить более глубокое и комплексное понимание о так называемом языке эмоций [Maia, Santos 2018]. Так, исследования показывают, что практически все языковые уровни и аспекты выражают эмоции: просодия, фонетика, семантика, грамматика и др. [Majid 2012], а различные вычислительные инструменты компьютерной лингвистики помогают получать числовые показатели, позволяющие не только судить об интенсивности испытываемых человеком эмоций, но и предсказывать различные аспекты его жизни – финансовое благополучие, состояние здоровья и даже политические предпочтения [Jackson et al. 2022].

Зарубежные исследователи также занимаются изучением вербальных маркеров эмоциональных состояний. Так, посредством эксперимента исследовалось использование экспрессивного письма для идентификации эмоций итальянских респондентов, переживших стрессовую ситуацию, связанную с коронавирусом [Negri et al.

2020]. Выявлялись акустические маркеры или модели эмоций с применением механизмов воспроизведения голоса. Акустический анализ проводился на подмножестве гласных /a/ в базе данных GEMER и позволил определить 3 компонента, которые объясняют акустические вариации, вызванные различными эмоциональными состояниями [Patel et al. 2010]. Изучалась взаимосвязь между интенсивностью эмоций и лексическими модальностями, которые были использованы участниками эксперимента при описании эмоций счастья и грусти [Argaman 2010].

Таким образом, заключим, что при изучении языковой специфики эмоционального поведения ведущим методом является эксперимент, поскольку он позволяет стимулировать выражение эмоций в ситуации реального и спонтанного устного общения, в связи с чем метод эксперимента с дальнейшим компьютерно-опосредованным мультимодальным анализом был выбран в качестве основного в рамках настоящего исследования, которое также реализовано в русле междисциплинарного подхода к изучению эмоций в языке.

Принимая во внимание тот общепризнанный факт, что эмоции отражают эмоциональное отношение человека к миру, постулат Шаховского о том, что эмоции конкретной языковой общности социологизированы и психологизированы, т. е. обобщены видовым национальным опытом народа [Шаховский 2008], а также доказанную антропологами и лингвистами вариативность значений слов, обозначающих одни и те же эмоции в разных языках мира [Jackson et al. 2019; Lindquist 2021], и их межкультурные различия [Mesquita et al. 2014], мы полагаем, что можно говорить о национально-культурной специфике эмоционального поведения представителей той или иной лингвокультуры или эмоциональной картине мира, отражающей их отношение к определенной социальной проблеме или ситуации. В контексте настоящего исследования в качестве такой социальной проблемы был выбран радикальный бодипозитив, идеология которого вызывает противоречивые эмоции у большей части русскоязычного общества.

Так, **актуальность** данного исследования обусловлена растущим интересом ученых к изучению эмоциональных процессов в языке и речи, отсутствием научных трудов, описывающих национально-культурную специфику эмоционального поведения русскоязычных респондентов, а также его междисциплинарностью.

Таким образом, настоящая работа проведена в русле эмотиологии, выполнена на стыке психолингвистики, лингвокультурологии, коммуникативной и компьютерной лингвистики и ставит

своей **целью** определить эмоциональную специфику вербального и невербального поведения представителей русской лингвокультуры в дискурсе о бодипозитиве и посредством выявления эмоциональных маркеров описать отношение русскоязычных участников эксперимента к движению радикального бодипозитива.

Эмоции, эмотивность и оценка как центральные категории эмотиологии

В рамках эмотивной лингвистики эмоция рассматривается как психическое явление, отражающее в сознании человека его субъективное отношение к миру, и понимается как «комплексно обусловленная референция к обобщенному конструкту – определенной эмоциональной ситуации, безотносительно к конкретной языковой личности» [Шаховский 2008: 22].

Эмотивность, в свою очередь, представляет собой имманентное свойство языка – его способность выражать психологическое, эмоциональное состояние и переживания человека, которые реализуются в отдельных элементах языка и речи – эмотивах [там же: 6]. Таким образом, эмотивность нельзя отождествлять с эмоциональностью, поскольку эмоциональность характеризует исключительно свойство психики и не применима по отношению к языковым единицам.

Эмотивность связана с категорией оценочности, поскольку эмоции как элемент психики человека обусловлены его оценочной деятельностью, а оценка, в свою очередь, всегда осложнена эмоциональным отношением и не всегда имеет под собой рациональную основу. Кроме того, эмотивность и оценочность нередко объединяются в единый коннотативный блок семантики лексической единицы, что позволяет сделать вывод о том, что они сосуществуют в неразрывном единстве. В рамках нашего исследования мы будем рассматривать как оценку, которую дают русскоязычные информанты движению бодипозитива и его последователям, так и эмоции, которые они испытывают при обсуждении данного феномена. На наш взгляд, рассматривать эмоции в отрыве от оценки нерационально, поскольку оценка как результат интерпретативной деятельности человека позволяет судить об эмоциях, которые испытывает респондент к объекту оценки – бодипозитиву как социальной проблеме.

Оценке как вербализованному результату квалифицирующей деятельности сознания [Арутюнова 1988: 13] уделено достаточно внимания со стороны отечественных лингвистов, в особенности работающих в русле стилистического, семантического и прагматического подходов. Так, результатом их научной деятельности, например,

стало выделение особого класса оценочной лексики [Стаценко 2011: 21], описание и типологизация эмотивов [Бабенко 1989: 4] (в зарубежной лингвистике – разработка такого понятия, как «имплицатура» [Грайс 1985: 222]). Кроме того, предложены различные типологии оценок: аксиологическая, интеллектуальная, сублимированная [Вольф 2002: 42], оценка с вербализацией общеоценочных и частнооценочных аксиологических значений [Арутюнова 1999: 198–199].

В нашем исследовании мы будем рассматривать как собственно эмотивы, так и эмоционально окрашенную лексику, что позволит нам наиболее полно проанализировать вербальные маркеры отношения говорящего к изучаемой нами проблеме, а также уделить особое внимание выявлению и описанию невербальных манифестаций или невербальных маркеров эмоциональности и оценочности, ранее не затронутых в научных трудах. Под невербальным маркером мы понимаем воспринимаемую визуально, но не являющуюся обязательной частью кода естественного языка семиотическую единицу, самостоятельно и/или в совокупности с другими единицами с определенной частотностью присутствующую в тексте и указывающую на наличие в нем некоторой эмоции [Маликова 2020: 101].

Материал и методы

Исследование проведено на **материале** аннотированных в ELAN записей интервью общей длительностью 108 минут, взятых у 11 носителей русского языка в возрасте от 16 до 28 лет (4 юноши и 7 девушек). Средний возраст опрошенных составил 21 год. Информанты являлись студентами, обучающимися на направлениях лингвистики, математики, социологии, кибербезопасности и т. д. Все участники эксперимента дали свое письменное согласие на публикацию его результатов.

Отметим, что настоящее исследование является пилотным, поскольку его результаты могут быть распространены только на одну возрастную группу русскоязычных респондентов. Так, работа открывает широкие перспективы для дальнейших исследований и призвана установить пути изучения эмотивности и оценочности при обсуждении различных остросоциальных вопросов и на примере других возрастных групп.

Участники эксперимента приглашались по одному в комнату, где им было предложено посмотреть 40-секундную рекламу средства для бритья компании Billie, в котором представлены девушки разного телосложения и национальности, они не стесняются волос на теле и позируют в купальниках [Billie 2019]. Видео было выбрано нами неслучайно, поскольку его можно отнести

к движению радикального бодипозитива, представители которого навязывают обществу отказ от любого искусственного способа поддержания красоты, а значит – оно должно провоцировать участников эксперимента на проявление эмоций и высказывание оценочных суждений относительно данной идеологии.

После просмотра ролика респондентам предлагалось развернуто ответить на 10 заранее подготовленных вопросов, тем или иным образом касающихся бодипозитива, каждый из которых озвучивался исследователем в устной форме на русском языке. Все вопросы можно разделить на следующие группы.

Вопросы, касающиеся просмотренной рекламы:

1. Что ты думаешь об этой рекламе?

Вопросы, касающиеся явления бодипозитива:

2. Ты знаешь о бодипозитиве? Ты слышал об этом в социальных сетях и СМИ, читал что-нибудь на эту тему?

3. Что ты думаешь о бодипозитиве? Ты поддерживаешь это движение?

4. Каковы, по-твоему, основные ценности бодипозитива и с какими из них ты согласен?

Вопросы, касающиеся понятия красоты в общественном сознании:

5. Как ты думаешь: что такое красота в общественном сознании сейчас?

6. Считаешь ли ты, что все должны соответствовать общепринятым в обществе стандартам красоты?

7. Думаешь, есть привилегии для «красивых» людей? Легче ли им получить работу и быть успешными в личной жизни?

Вопросы, касающиеся «отклонения» от привычного понимания красоты:

8. Знаешь ли ты кого-то, кого травлили из-за внешности?

9. Существует ли негативное отношение в обществе к людям, внешний вид которых отличается от общепринятых норм?

10. Что ты думаешь о моделях с нетипичной внешностью (например, плюс-размер, витилиго и т. д.)?

Запись видео осуществлялась с помощью встроенной видеокамеры и микрофона, после получения материала производилась разметка каждого видео с помощью компьютерного обеспечения ELAN, которое было разработано Институтом психолингвистики Макса Планка и представляет собой профессиональный инструмент для ручного и полуавтоматического многослойного аннотирования и транскрибирования аудио- или видеозаписей.

В ходе исследования мы разметили видео, обращая внимание на 5 основных вербальных и невербальных категорий: жесты, мимика, движение глаз, вербальная составляющая и интонация. Каждый слой содержит информацию о жестах респондента, выраженных им эмоциях, движении глаз, содержании высказывания и его интонации. Далее будет представлен анализ полученных в ходе эксперимента данных (рис. 1).

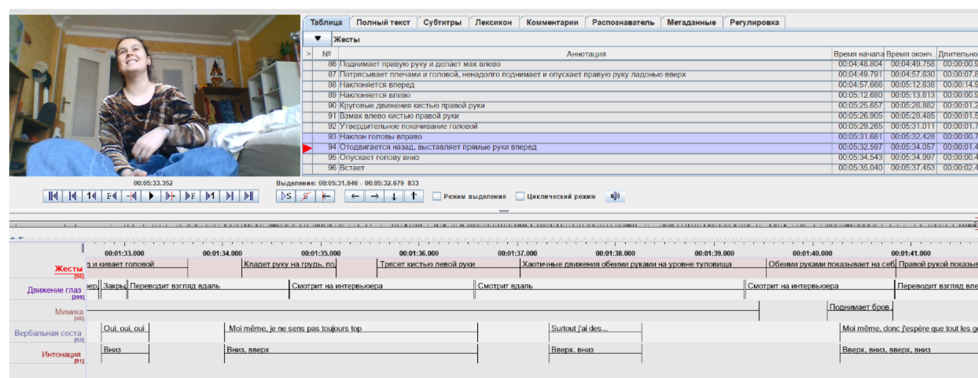

Рис. 1. Скриншот системы разметки в программе ELAN

Fig. 1. Screenshot of an ELAN annotation

Национально-культурная специфика вербального поведения русскоязычных респондентов при выражении оценочности в дискурсе о бодипозитиве

В процессе обсуждения проблемы бодипозитива респонденты давали оценку данной идеологии, нередко это осуществлялось посредством клишированных сочетаний «нужно принимать себя таким, какой ты есть» и «я никому ничего не должен», выражающих позицию говорящего.

В табл. 1 представлены вербальные манифестации оценочности по отношению к самому движению бодипозитива, его последователям и критикам. Так, в основном высказывалась положительная оценка в адрес последователей движения, выступающих за принятие себя и своего тела, а также негативная – при обсуждении людей, уделяющих слишком много внимания внешности других и требующих от них соответствия надуманным стандартам красоты.

Вербальные манифестации оценочности движения бодипозитива
Verbal manifestations of the evaluation of the body positivity movement

	Пример	Комментарий	Оценка (положительная / отрицательная)
Фразеологические единицы	<i>Встречают по обложке.</i> <i>Чтобы перестать думать о своей внешности... Или о чужой внешности, там судачить, перемывать косточки</i>	Используется смешение пословиц «встречают по одежке, провожают по уму» и «не суди книгу по обложке» в рассуждении о том, имеют ли красивые люди привилегии в деловой сфере. Используется фразеологизм «перемывать косточки», акцентируется внимания на том, что фокус личности не должен быть только на внешнем	Отрицательная оценка людей, которые судят других по внешности
Языковые клише	<i>Принимать себя таким, какой ты есть (19 раз)</i> <i>Любовь к себе (8 раз)</i> <i>Никто никому ничего не должен (2)</i>	Неоднократные повторения данных языковых клише при выражении эмотивности и оценочности	Положительная оценка идей бодипозитива
Нецензурная лексика	<i>Что значит должен? Них** никто никому не должен!</i> <i>Ну что говорить? Ну, х**</i>	Респондент использует слово <i>них**</i> , чтобы подчеркнуть свое несогласие с дискурсом долженствования по отношению к людям, которые не вписываются в общепринятые стандарты красоты. Помимо использования нецензурной лексики, важную роль в данном высказывании играет отсылка к популярной культуре: эта фраза стала вирусной в социальной сети TikTok	Отрицательная оценка людей, требующих от других соответствия общепринятым стандартам
Иностранное слова	<i>Мне кажется, в России вот может только в Москве всем все равно на тебя и в Питере – в остальном, ну типа камон.</i> <i>Relatable!</i>	Используется уже прижившийся англицизм <i>камон</i> в связке с междометием <i>типа</i> , чтобы подчеркнуть разницу между мнением жителей самых крупных городов России и жителей регионов. Чтобы акцентировать внимание на причастности к проблеме, респондентка произносит англицизм <i>relatable</i> прямо во время просмотра видео. Таким образом она показывает: волосы на теле есть у всех и это нормально	Отрицательная оценка людей, которые судят других по внешности
Вербальные манифестации нормы и нормальности	<i>Мне очень смешно от того, что модели плюс-сайз на самом деле типа выглядят как нормальные женщины.</i> <i>В этой рекламе демонстрируются не только какие-то базовые качества человека, ну вот, допустим, какие-то свойства фигуры, свойства ну вот человека, которые он не может или не хочет изменять – это нормально, это абсолютно прекрасно, что это демонстрируется в рекламах</i>	На самом деле мода все еще не бодипозитивна и модели плюс-сайз, представленные на подиуме, в реальности являются женщинами стандартного размера. Нет ничего страшного в том, чтобы не хотеть изменить какие-то особенности своего тела. Для того чтобы подчеркнуть эту мысль? используется оценочное наречие <i>нормально</i>	Положительная оценка представителей бодипозитива Положительная оценка представителей бодипозитива

Окончание табл. 1 / Ending of Table 1

	Пример	Комментарий	Оценка (положительная / отрицательная)
Пародия сторонников бодипозитива при негативной оценочности	<i>Я считаю, что это хорошо и это правильно. Но! Когда ты просто очень много ешь, очень много сидишь, ничего не делаешь и такой: «М! Наверное, я бодипозитивчик!» – ну, мне это кажется странным.</i>	Респондентка пародирует речь некоторых сторонников бодипозитива. Говорящая иронизирует над ними при помощи интонаций, междометия <i>м!</i> и неологизма <i>бодипозитивчик</i> .	Отрицательная оценка последователей бодипозитива
	<i>Но у этого есть негативная коннотация: как будто бы толстые люди оправдывают почему они толстые типа или там... «Это не я там некрасивый или некрасивая, а это вы ничего не понимаете и вы мне все должны!» – типа у меня вот очень сильно такая ассоциация вот идет</i>	Говорящая рассуждает о том, что сейчас концепция бодипозитива как будто стала отрицательно окрашенной, а затем пародирует дискурс стереотипных сторонников бодипозитива при помощи ироничной интонации. Интересно, что в приведенном фрагменте респондентка приводит прилагательные как для женского, так и для мужского рода	Отрицательная оценка последователей бодипозитива

Показательно, что в дискурсе русскоговорящих респондентов бодипозитив постоянно и непосредственно связан с женщиной: с ее телом, с трудностями, с которыми она сталкивается. Так, оценочность и эмотивность нередко реализуются посредством лексических единиц, вербализующих такой феномен, как «женская энергия».

Респондентка в примере 1 рассказывает о том, что читала новость о Мисс Мира, которая в результате автомобильной аварии стала человеком с ограниченными возможностями. По мнению информантки, девушка осталась красива, поскольку в ней присутствует женская энергия.

1) *Вот от нее исходит такая энергия... Вот именно женская энергия.*

По мнению другой респондентки, мода на прически или одежду может меняться, но неизменным трендом остаются женственность и ухоженность. Таким образом, респондентка приписывает стремление и важность соответствовать стандартам красоты именно женскому полу.

2) *Но при этом женственность и ухоженность – она остается всегда.*

В примере 3 говорящая дает дефиницию концепции бодипозитива, где в роли сказуемого выступает существительное *женщина*. Так, концепция бодипозитива соотносится непосредственно с женским полом.

3) *Для меня бодипозитив – это женщина с какими-то своими фишками.*

Лексические единицы, вербализующие такой феномен, как «женская энергия», встречаются у русскоязычных респондентов неоднократно. Так,

респондентка в примере 4 говорит о том, что девушка красива, если у нее есть женская сила.

4) *Если сила женская она присутствует там у девушки там или там ... у других кого-то.*

Отметим, что в речи большинства русскоязычных респондентов наблюдается разделение гендерных ролей и отведение женщине центрального места в движении бодипозитива, что также вербализуется языковым клише «мужчина – добытчик». Например, респондентка (пример 5) рассказывает о том, что красивым девушкам проще устроиться в жизни, потому что, как правило, руководящие должности занимают мужчины. Для демонстрации разделения гендерных ролей респондентка приписывает роли «добытчика» или «охотника» мужчине и «добычи» – женщине, характеризуя их следующим образом: мужчина – сильный и властный, женщина – слабая и беспомощная.

5) *И понятное дело, что мужчина, когда принимает на работу девушку, как бы, наверное, на каком-то подсознательном своем уровне вот добытчика, охотника хотел бы видеть рядом с собой вот опять же добычу... которую ну, красивую, более там высокую, стройную и так далее.*

Что касается других оценочных особенностей речи русскоговорящих респондентов, то 10 из 11 респондентов делали отсылки к популярной культуре (табл. 2) – фильмам, рекламе, программам и фотографиям, демонстрирующим разный тип внешности. Так, вербализуется категория положительной оценки идеи «нормальности» и принятия любого типа внешности.

**Отсылки к популярной культуре при реализации положительной оценки
в речи русскоязычных респондентов**

**References to popular culture in the implementation of positive evaluation
in the speech of Russophones**

Пример	Элемент популярной культуры или прецедентное имя	Комментарий
<i>Я типа очень ярко вспоминаю кадр из фильма Бергмана типа и вот там женищина с небритыми подмышками и ее любит ее муж</i>	Фильмография режиссера Бергмана	Подчеркивается, что волосы на теле – это нормально
<i>Знаю, что есть такая модель Эшли Грэм, которая, кстати, родила двойню – давайте мы ее с этим поздравим</i>	Беременность модели Эшли Грэм	О беременности плюс-сайз модели Эшли Грэм в интервью упомянули сразу несколько респондентов. Все интервьюируемые говорили о том, что репрезентация неидеального беременного тела должна присутствовать в обществе
<i>И вот мне нравится... Не последние, но вот до этого были показы Гуччи.</i> <i>Вот даже если разбирать ситуацию с Ангелами Виктории Секрет, мне кажется, очень правильно</i>	Модные показы Gucci и Victoria's Secret	Большинство отсылок к популярной культуре связаны с модой: дается положительная оценка показам модного дома Gucci, в котором участвовали модели с нетипичной внешностью, упоминается скандал с брендом Victoria's Secret, когда один из топ-менеджеров брендов публично высказался о том, что модели-трансгендеры и модели плюс-сайз не могут участвовать в показах бренда
<i>Вот, допустим, было шоу – Топ-модель на ТНТ и там выходили девочки, которые приходили с костылями, приходили с протезами, приходили с витилиго и они опять же это выставляли на показ</i>	Шоу «Топ-модель на ТНТ»	Люди часто могут использовать современные тенденции к нормализации бодипозитива для собственного продвижения. В качестве примера приводится ТВ-шоу «Топ-модель на ТНТ»
<i>Или вот реклама Рианны, Фенти Бьюти, ты видела?</i>	Реклама косметики певицы Рианны	В рекламе принимают участие девушки разных национальностей, с разным цветом кожи, прической, лысые и в платке. Так, подчеркивается, что красота – это для всех, красота может быть разной

**Автокоррекция как вербальный
маркер толерантности
при выражении оценочности**

Движение радикального бодипозитива является весьма спорным и вызывает неоднозначные эмоции у большей части современного общества, которое разделилось на его (бодипозитива) сторонников и противников. Во время проведения эксперимента и разметки видео мы обратили внимание на то, что при выражении оценочности по отношению к данной остросоциальной проблеме русскоязычные респонденты нередко прибегали к автокоррекции, пытаясь более толерантно выразить свою мысль и не показаться грубыми. Кроме того, нельзя не упомянуть, что ранее автокоррекция рассматривалась отечественными лингвистами исключительно в контексте динамики речемыслительного процесса и

организации языковых знаний в сознании говорящего [Цесарская 2016], однако мы полагаем, что в нашем случае автокоррекцию следует рассматривать как вербальный маркер толерантности, а не просто в качестве двойной вербализации референтной ситуации, обусловленной специфичной для устной речи вариативностью выражения значения.

Так, в примере 1 респондентка в рассказе о рекламе для описания моделей использует прилагательное *лысые*, затем делает паузу и уточняет, что, наверное, корректнее будет сказать «*без волос*», однако подчеркивает, что она не уверена в «правильности» своих формулировок. Данный пример иллюстрирует попытку реализации речевого самоконтроля, заключающуюся в стремлении участницы эксперимента высказаться более толерантно.

1) *Лысые! Ну без волос, наверное... Не знаю, как это правильно корректно сказать.*

В примере 2 информантка переспрашивает у интервьюера слово, указанное в формулировке вопроса, поскольку оно кажется ей правильным, толерантным и корректным.

2) *Как ты там правильно сказала?*

Следующий пример (3) также иллюстрирует желание участника эксперимента выглядеть толерантно и корректно, он уточняет у интервьюера, может ли он ответить честно или ему нужно подстроиться под принятое, «толерантное» мнение, для этого он использует разговорную конструкцию «не улететь в бан».

3) *А как на это отвечать, чтобы не улететь в бан?*

4) *Например, азиатов не особо, кстати, защищают в плане расизма – в отличие от негров – я политкорректная если что.*

В примере 4 говорящая рассуждает о том, что люди азиатской внешности сейчас – наименее защищенная группа населения. При этом она называет темнокожих людей «неграми», однако затем делает ремарку о том, что она толерантно и корректно относится к людям с темным цветом кожи.

5) *Так, а к чему мне тут надо подвести?*

В примере 4 респондент спросил у интервьюера, к чему ему нужно подвести в своем ответе, после того как услышал вопрос, поскольку хотел дать условно «правильный» и толерантный ответ, который устроил бы интервьюера.

6) *А такие штуки как вителиго, веснушки... Ладно, веснушки – это очень красиво, отмена! Но и вителиго – это красиво...*

Фрагмент 6 иллюстрирует попытку респондентки привести пример особенностей внешности, которые бы не нравились обществу. Она называет вителиго и веснушки, а затем дважды поправляет себя, говоря, что это красиво, и используя слово «отмена», подчеркивая тем самым некорректность своей же предыдущей формулировки.

Таким образом, вербальным маркером толерантности при выражении оценочности можно назвать автокоррекцию, обусловленную желанием участника коммуникации не нарушать общепринятые нормы и демонстрировать уважительное отношение к людям, имеющим особенности внешности.

Национально-культурная специфика невербального поведения русскоязычных респондентов при выражении эмотивности и оценочности в дискурсе о бодипозитиве

Эмотивность в речи русскоязычных респондентов в контексте обсуждения бодипозитива в основном имела свои невербальные манифестации, которые мы назвали невербальными маркерами эмотивности. Каждое эмоциональное проявление находило свое невербальное воплощение. Так, большинство русскоязычных респондентов, когда чувствовали **смущение** или **неловкость**, смеялись и старались поддерживать визуальный контакт с интервьюером. Повторяемость данных невербальных манифестаций в определенных контекстах позволяет нам отнести их к категории невербальных маркеров эмоций, которые позволяют идентифицировать те или иные эмоции в ситуации устного речевого общения.

Респондентка (рис. 2) рассмеялась, когда говорила о том, что подобная реклама слишком остра для России. При этом смех был характерен для ее речи каждый раз, когда она говорила о чем-то, что может вызвать неоднозначную реакцию у слушателей. Подобным образом на острые моменты интервью реагировали 10 из 11 респондентов.

На рис. 3 представлено невербальное проявление эмоции респондента сразу после просмотра рекламы: мимика, к которой в качестве адаптора подключается рука, фиксирующая мимический жест вскидывания бровей. Респондент затруднялся в высказывании своего мнения насчет просмотренного видео, 4 секунды сидел в изображенной позе, а затем сказал, что он не очень понял рекламу и она ему не понравилась.

Рис. 2. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие эмотивную кинему «смущение»

Fig. 2. Annotation elements and a screenshot illustrating embarrassment

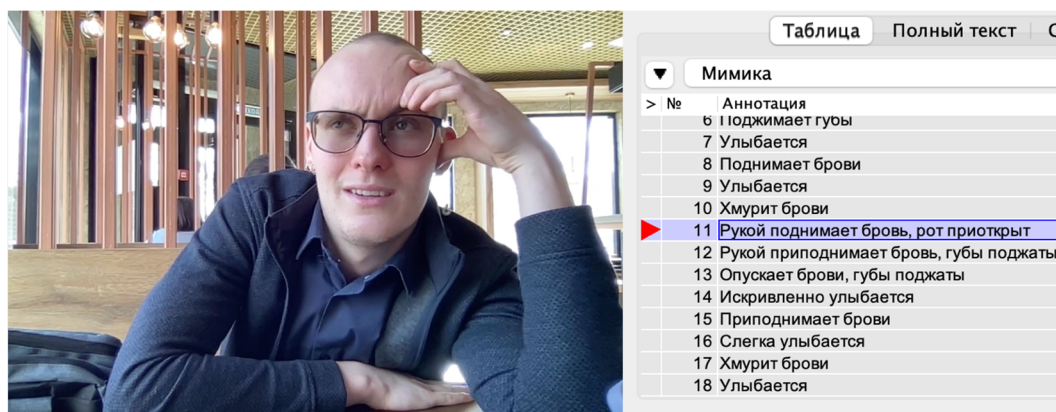

Рис. 3. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие эмотивную кинему «недоумение»

Fig. 3. Annotation elements and a screenshot illustrating bewilderment

Респондентка на рис. 4, рассуждая о том, какие изменения происходят в мире моды, говорит о том, что «такие модели [с нетипичной внешностью] имеют место быть». При этом респондентка выражает сомнение в правильности формулировки своей мысли, замуривая один глаз и делая большие паузы между словами во фразе.

Некоторые из русскоязычных респондентов также задействовали невербальные маркеры для усиления вербальной составляющей высказывания. Так, респондентка на рис. 5 поджимала губы

бы каждый раз, когда хотела сделать акцент на какой-то фразе с эмоциональной окраской. Например, на рисунке говорящая поджимает губы после эпитета *неоднозначная*, сказанного о рекламе.

Иногда говорящие выражали свои эмоции нетипичными невербальными маркерами. Так, при просмотре видео говорящая, изображенная на рис. 6, начала пританцовывать, демонстрируя таким образом свое положительное отношение к рекламе.

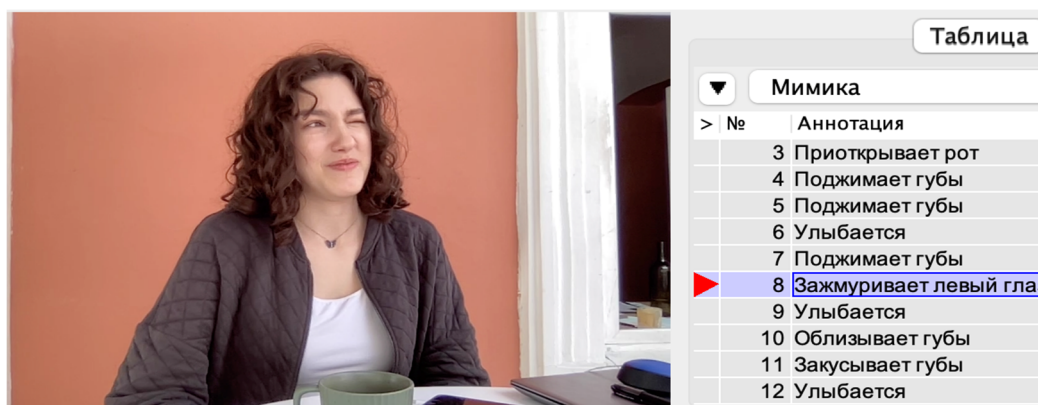

Рис. 4. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие эмотивную кинему «сомнение»

Fig. 4. Annotation elements and a screenshot illustrating doubt

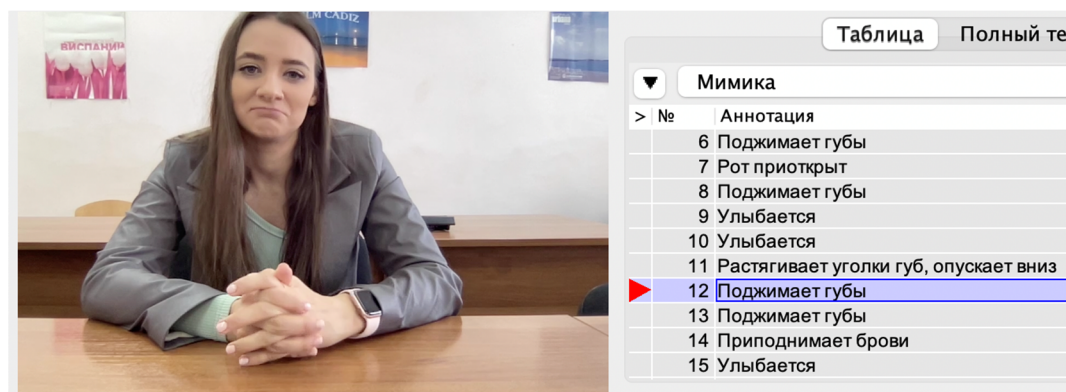

Рис. 5. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие эмотивную кинему «эмоциональное акцентирование»

Fig. 5. Annotation elements and a screenshot illustrating emotional emphasis

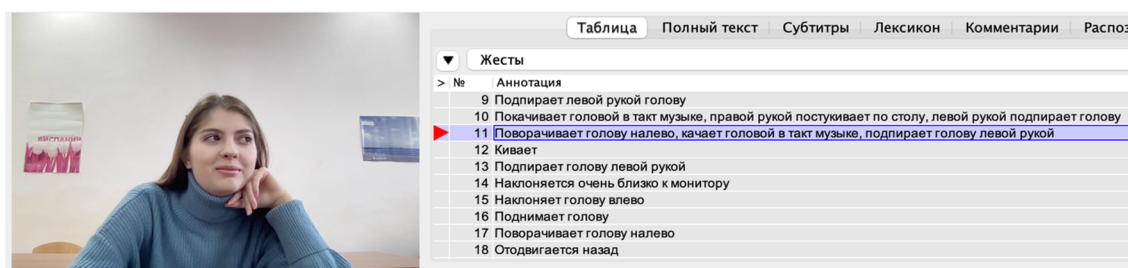

Рис. 6. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие эмотивно-оценочную кинему «одобрение»
Fig. 6. Annotation elements and a screenshot illustrating approval

Русскоговорящие респонденты использовали пародию и на невербальном уровне: помимо интонаций пародируемого человека говорящие могли использовать целые серии жестов и изменений мимики.

Так, на рис. 7 изображена респондентка, пародирующая маркетологов, стремящихся продать вещи плюс-сайз. Говорящая рассуждает о том, что на данный момент под ярлыком плюс-сайз находятся не самые красивые и не самые качественные вещи, однако реклама заверяет, что это именно то, что нам подойдет. Респондентка делает жест указательным пальцем в камеру, пародируя жанр рекламы и иллюстрируя фразу «Тебе точно это подойдет!».

Концепт «норма» и «нормальность», о котором шла речь выше, имеет также свои невербальные маркеры: говоря о текущем состоянии проблемы, несколько респонденток использовали жест, обозначающий кавычки. Отчасти для легитимизации своих слов – они не считают этот

термин верным, однако произносят его, поскольку он является общепринятым.

В своем высказывании говорящая выделяет кавычками термин «нормальный бодипозитив»: *В социальных сетях больше сталкиваешься с радикальным бодипозитивом, но не с нормальным* (рис. 8). Таким образом, респондентка берет слово в кавычки, чтобы снять с себя ответственность за предписывание норм острому социальному явлению. Примечательно, что говорящая при этом все равно вводит понятие нормы, противопоставляя радикальный бодипозитив другим его проявлениям с помощью противительного союза *но*.

На рис. 9 также представлен жест, обозначающий кавычки, который говорящая использует для того, чтобы обозначить «стандарты красоты» – термин, который не кажется ей корректным: *Потому что когда вот например я вижу моделей, как бы с такой вот фигурой, подходящей под стандарты красоты, я не понимаю как это будет смотреться на мне, например.*

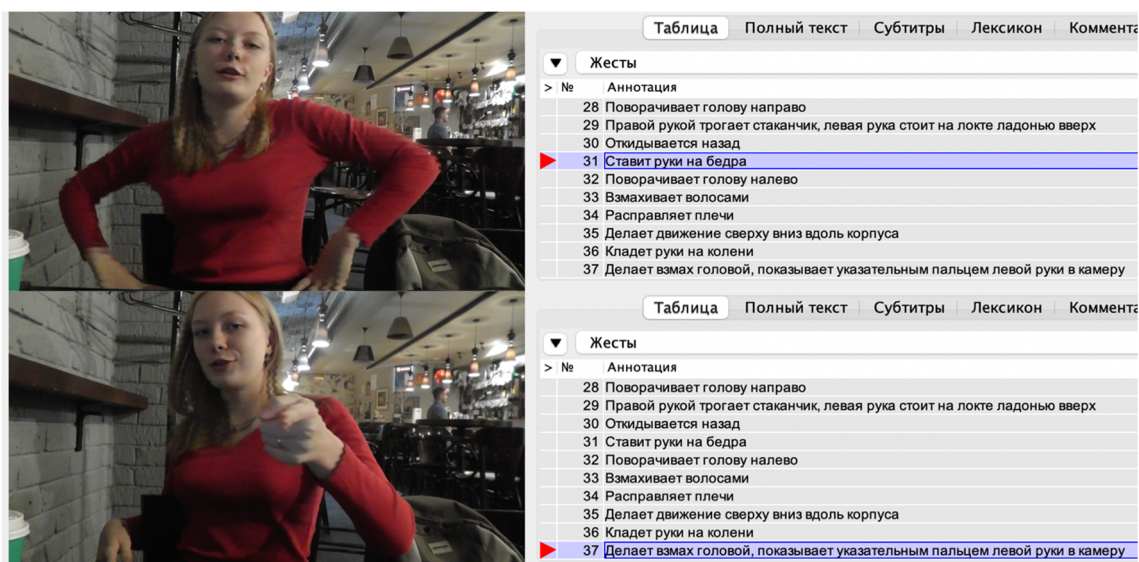

Рис. 7. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие эмотивно-оценочную кинему «пародия»
Fig. 7. Annotation elements and a screenshot illustrating parody

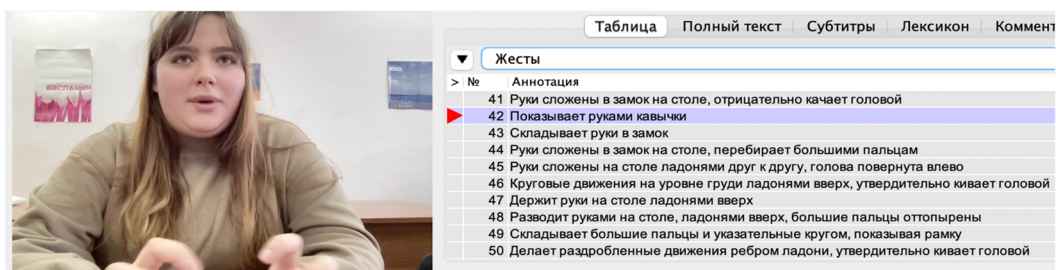

Рис. 8. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие кинему «кавычки»

Fig. 8. Annotation elements and a screenshot illustrating quotation marks

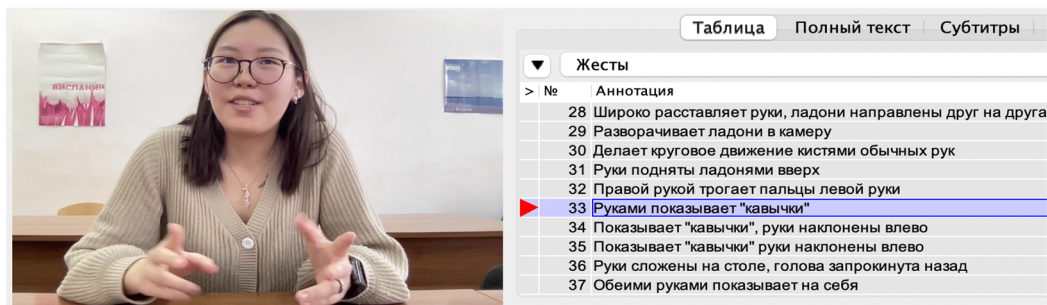

Рис. 9. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие кинему «кавычки»

Fig. 9. Annotation elements and a screenshot illustrating quotation marks

Жесты-лимитаторы в дискурсе русско-язычных респондентов о бодипозитиве как невербальные разграничители

В процессе проведения эксперимента и разметки видео мы обратили внимание на особую группу жестов – жесты-лимитаторы. Данные жесты использовались участниками эксперимента для того, чтобы изобразить разного рода разграничения: 1) разделить сторонников и противников бодипозитива; 2) обозначить «ограждение», которое выстраивают вокруг себя сторонники бодипозитива, чтобы защитить себя от нападок общества; 3) для обозначения общепринятых рамок, за которые не принято выходить.

Говоря о текущем состоянии проблемы, респондентка использует жест-лимитатор (рис. 10), чтобы показать условный щит, который используют сторонники бодипозитива, чтобы оградить себя от нападок общества: *Некоторые пытаются оградить, защитит себя вот этим от общества*. Таким жестом говорящая усиливает значе-

ние глаголов с семантикой лимитации – *оградить, защитит*.

Похожий лимитирующий жест использует респондентка на рис. 11, она располагает ладони друг к другу, обозначая рамки: *Для кого-то это все еще соответствие каким-то общепринятым нормам, общепринятым стандартам*. Так, с помощью жестов демонстрируется ограничение, предусмотренное нормами и стандартами.

Говоря о понятии красоты, респондентка вербально акцентирует внимание на разнице между поколениями (рис. 12): *Среди наших ровесников, мне кажется, красота это что-то такое неопределенное, потому что у нас принято сейчас, что все люди красивы, каждый человек красив по-своему, но вот в поколениях постарше, мне кажется, там есть какое-то разграничение*. Чтобы подчеркнуть разницу между мнениями и усилить семантику слова *разграничение*, говорящая делает многократные короткие удары ребром левой руки по столу.

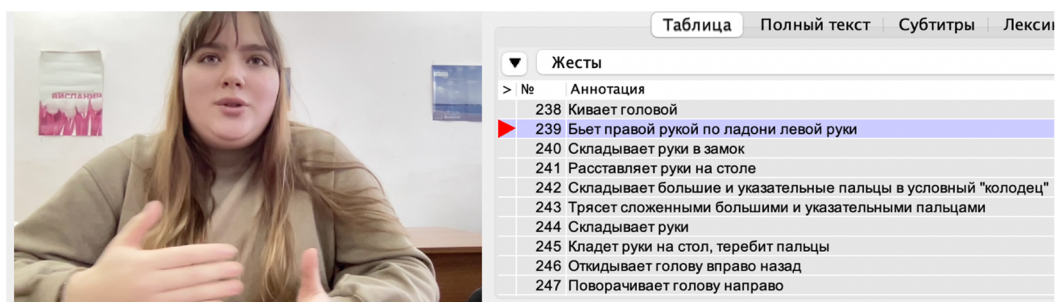

Рис. 10. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие кинему «жест-лимитатор»

Fig. 10. Annotation elements and a screenshot illustrating a limiter gesture

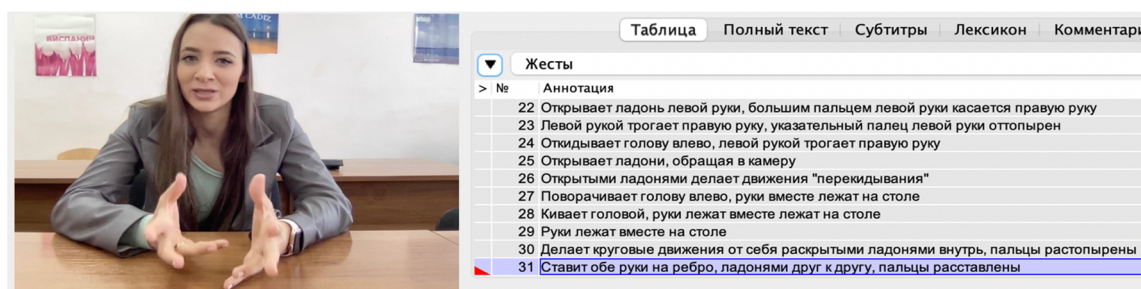

Рис. 11. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие кинему «жест-лимитатор»

Fig. 11. Annotation element and screenshot illustrating a limiter gesture

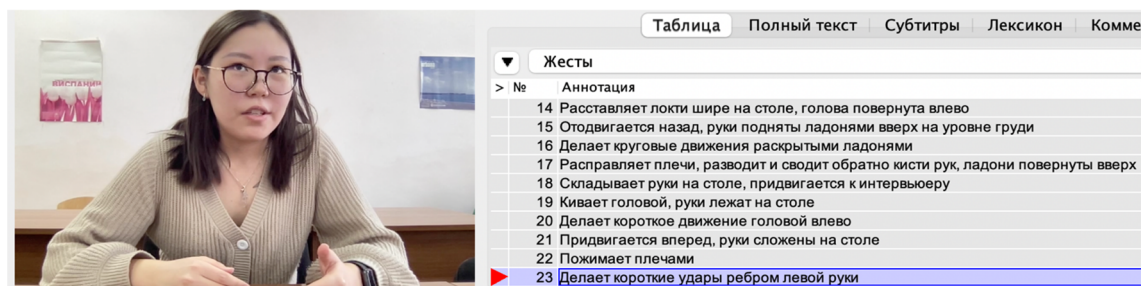

Рис. 12. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие кинему «жест-лимитатор»

Fig. 12. Annotation elements and a screenshot illustrating a limiter gesture

В табл. 3 приведены количественные данные разметки, иллюстрирующие невербальные единицы анализа.

На рис. 13 представлена статистика использования каждого из четырех невербальных маркеров проявления эмоций у русскоговорящих респондентов. Так, информанты используют около 25 эмоциональных жестов в минуту, меняют мимику примерно 10 раз в минуту, однако при этом точка фокусировки взгляда на объектах меняется реже – 6 раз в минуту. Количество интонационных изменений – 6 раз в минуту.

В рамках данного исследования мы разметили также положительно и отрицательно окрашен-

ные невербальные и вербальные маркеры эмоций у русскоговорящих респондентов (рис. 14).

На рис. 14 представлена диаграмма, иллюстрирующая статистику использования положительно и отрицательно окрашенных вербальных и невербальных маркеров эмоций в дискурсе о бодипозитиве. Так, участники нашего эксперимента задействовали в речи 73 положительно окрашенных вербальных маркера, при этом отрицательно окрашенных оказалось в два раза больше. Аналогичная тенденция наблюдается и в случае с невербальными маркерами эмоций: 42 положительно окрашенных невербальных эмотива и 87 отрицательно окрашенных.

Таблица 3 / Table 3

Общая статистика времени говорения и количества невербальных маркеров у русскоязычных респондентов

General statistics on speaking time and the number of nonverbal markers in the speech of Russian-speaking respondents

Единицы анализа	Числовой показатель
Общее время говорения	108 минут
Количество жестов	2720
Количество мимических изменений	1105
Количество движений глаз	2509
Количество интонационных изменений	680
Сумма невербальных маркеров	7014

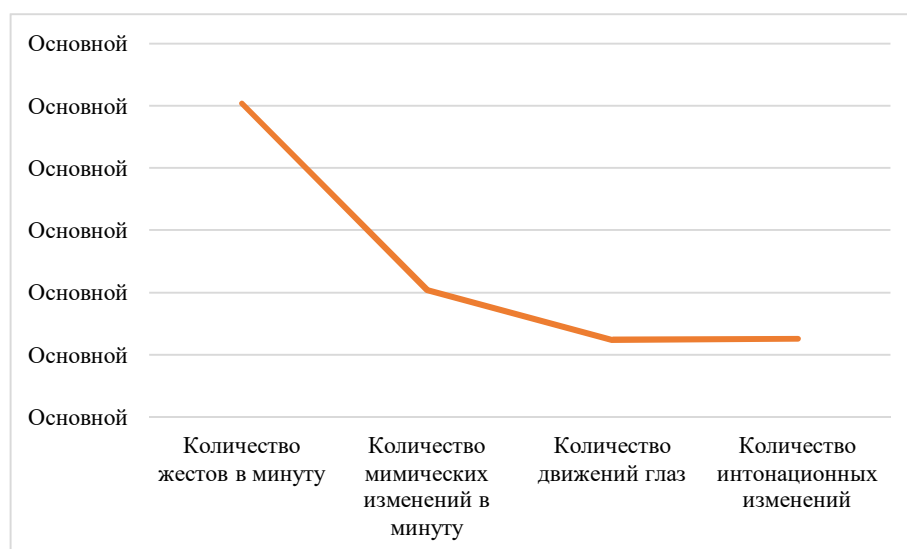

Рис. 13. Статистика употребления невербальных маркеров субъективной оценки бодипозитива в минуту русскоговорящими респондентами

Fig. 13. Statistics on the use of nonverbal markers of subjective assessment of body positivity per minute by Russian-speaking respondents

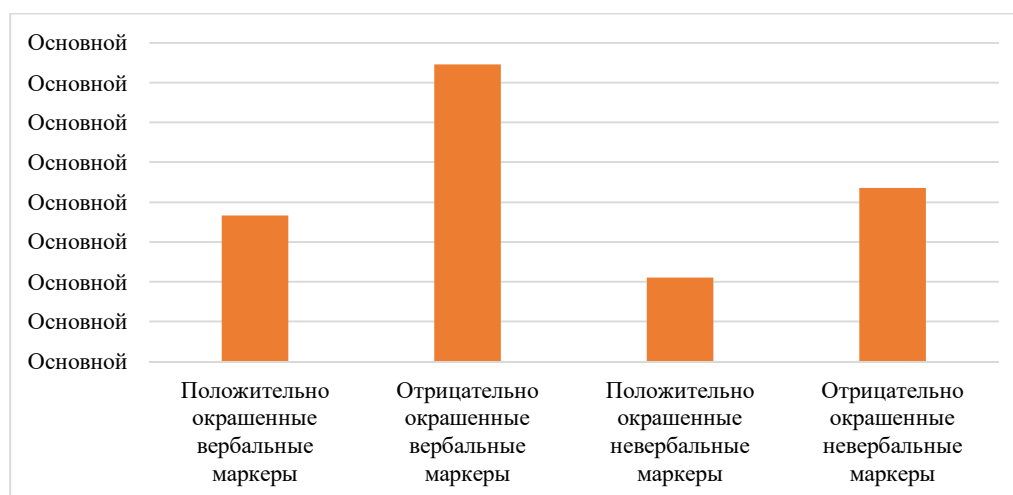

Рис. 14. Статистика использования положительно и отрицательно окрашенных вербальных и невербальных маркеров эмоций у русскоговорящих респондентов

Fig. 14. Statistics on the use of positive and negative verbal and nonverbal markers of emotions by Russian-speaking respondents

Выводы

Таким образом, специфика эмоционального поведения русскоговорящих респондентов имеет свои вербальные и невербальные манифестации, позволяющие сделать вывод об их отношении к бодипозитиву как остросоциальной проблеме. С одной стороны, явно прослеживается позиция говорящего «нужно принимать себя таким, какой ты есть», которая вербально репрезентирована языковыми клише, фразеологизмами, нецензурной лексикой и заимствованиями из английского языка. С другой стороны, информанты нередко демонстрируют свое ироничное отношение к сторонникам бодипозитива, что находит свое вербальное воплощение в жанре пародии. Под давлением общепринятых социальных норм приемлемости русскоязычные респонденты вынуж-

дены прибегать к автокоррекции, которая на языковом уровне проявляется в виде особых средств, названных нами маркерами толерантности.

Для русскоговорящих респондентов характерна позиция «бодипозитив – это про женское тело», подчеркивающая гендерный характер остросоциального вопроса, при этом при вербализации данного аспекта информанты прибегали к языковому клише «мужчина – добытчик». Категория оценочности нередко вербализовывалась через отсылки к поп-культуре, подчеркивалась «нормальность» разного телосложения и других особенностей внешности.

Эмотивность ярче всего проявлялась на невербальном уровне коммуникации. Невербальные манифестации эмоций усиливали вербальный модус или же вовсе являлись основным

уровнем их репрезентации. Так, респонденты использовали невербальные маркеры недоумения, смущения, сомнения, одобрения: ухмылку, нахмуривание бровей, мимику, смех, улыбку, прищуривание. Данные невербальные манифестации характеризуются повторяемостью и способностью появляться каждый раз, когда человек находится в определенном эмоциональном состоянии, что, в свою очередь, и позволяет отнести их к категории невербальных маркеров эмоций. Чтобы расставить эмоциональные акценты в речи, русскоязычные респонденты опускали вниз уголки губ. Для выражения одобрения информанты покачивали головой или пританцовывали. Рассуждая о текущем состоянии проблемы, респонденты часто использовали жесты-лимитаторы, чтобы обозначить условное разделение двух объектов, визуализировать «щит» или же обозначить рамки. Респонденты также делали жест, визуализирующий кавычки, чтобы нормализовать сказанное и подчеркнуть свое несогласие.

Перспективы настоящего исследования видятся нами сразу в нескольких направлениях: 1) рассматривается возможность автоматического обнаружения нейросетями разного рода эмоциональных состояний человека в ситуации речевого общения с помощью выделенных вербальных и невербальных маркеров эмоциональности и оценочности; 2) возможно создание анализатора речи, который будет способен детектировать истинную оценку определенного события говорящим; 3) целесообразно расширение группы респондентов – привлечение информантов в возрасте от 30 до 50 лет и старше 50 лет, что позволит проанализировать различия в манифестациях эмотивности и оценочности при обсуждении бодипозитива в зависимости от возраста участников эксперимента. Кроме того, привлечение видеointервью на другом иностранном языке позволит более комплексно рассмотреть вербальные и невербальные маркеры эмоций и оценки при обсуждении бодипозитива и выявить национальную специфику вербального и невербального поведения другой лингвокультуры. Наконец, нам кажется интересным раскрыть гендерный аспект эмотивности и оценочности как в контексте репрезентации самого бодипозитива как исключительно женской проблемы, так и с точки зрения восприятия данного движения людьми разной гендерной принадлежности.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 336 с.
Арутюнова Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 130–272.

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1989. 184 с.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Лингвистическое наследие XX века. М.: URSS, 2002. 228 с.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. С. 217–237.

Колмогорова А. В., Горностаева Ю. А. Дискурсивная специфика эмоциональной легитимации монархии в испанских СМИ // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 3. С. 79–94. doi 10.25688/2076-913X.2021.43.3.08

Маликова А. В. Невербальные маркеры эмоций для сентимент-анализа русскоязычных интернет-текстов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 97–107. doi 10.37482/2227-6564-V038

Стаценко А. С. Эмоционально-оценочная лексика как средство реализации речевой интенции: монография. М.: МПГУ, 2011. 118 с.

Цесарская А. Е. Лексическая автокоррекция в речевом поведении говорящего // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 4. С. 53–62.

Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–42.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шиллер А. В. Роль теорий воплощенного познания в исследованиях и моделировании эмоций // Философские науки. 2019. № 62(5). С. 124–138.

Argaman O. Linguistic Markers and Emotional Intensity // Journal of Psycholinguistic Research. 2010. No. 39. P. 89–99.

Billie. Red, White, and You Do You. URL: <https://youtu.be/XYsacX9LwSw> (дата обращения: 25.08.2022).

Jackson J. C. et al. Emotion semantics show both cultural variation and universal structure // Science. 2019. Issue 366(6472). P. 1517–1522.

Jackson J. C., Watts J., List J.-M., Puryear C., Drabble R., Lindquist K. A. From Text to Thought: How Analyzing Language Can Advance Psychological Science // Perspectives of Psychological Science. 2022. Issue 17(3). P. 805–826.

Lindquist K. A. Language and Emotion: Introduction to the Special Issue // Affective Science. 2021. Issue 2. P. 91–98.

Maia A., Santos D. Language, emotion, and the emotions: The multidisciplinary and linguistic background // Language and Linguistic Compass. 2018. Vol. 12. Issue 3. P. e12280.

Majid A. Current emotion research in the language sciences // *Emotion Review*. 2012. Issue 4(4). P. 432–443.

Mesquita B., Boiger M. Emotions in context: A sociodynamic model of emotions // *Emotion Review*. 2014. Issue 6(4). P. 298–302.

Negri A., Andreoli G., Barazzetti A., Zamin C., Christian C. Linguistic Markers of the Emotion Elaboration Surrounding the Confinement Period in the Italian Epicenter of COVID-19 Outbreak // *Frontiers in Psychology*. 2020. Issue 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.568281>

Patel S., Scherer K., Sundberg J., Björkner E. Acoustic Markers of Emotions Based on Voice Physiology // *Proceedings of the International Conference on Speech Prosody, International Speech Communications Association*. 2010. Vol. 100865. P. 1–4.

References

Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 336 p. (In Russ.).

Arutyunova N. D. Otsenka v mekhanizмах zhizni i yazyka [Evaluation in the mechanisms of life and language]. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 1999, pp. 130–272. (In Russ.).

Babenko L. G. *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke* [Lexical Means of Designating Emotions in the Russian Language]. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1989. 184 p. (In Russ.).

Vol'f E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki. Lingvisticheskoe nasledie XX veka* [Functional Semantics of Evaluation. Linguistic Legacy of the 20th Century]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 228 p. (In Russ.).

Grice H. P. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and Conversation]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The New in Foreign Linguistics], 1985, issue 16, pp. 217–237. (In Russ.).

Kolmogorova A. V., Gornostaeva Yu. A. Diskursivnaya spetsifika emotsional'noy legitimatsii monarkhii v ispanskikh SMI [The discursive specificity of the emotional legitimization of the monarchy in the Spanish media]. *Vestnik MGPU. Seriya 'Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie'* [MCU Journal of Philology, Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2021, issue 3, pp. 79–94. doi: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.08. (In Russ.).

Malikova A. V. Neverbal'nye markery emotsiy dlya sentiment-analiza russkoyazychnykh internet-tekstov [Non-verbal emotion markers in the sentiment analysis of Russian-language Internet texts]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye*

nauki [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University], 2020, issue 4, pp. 97–107. doi: 10.37482/2227-6564-V038. (In Russ.).

Statsenko A. S. *Emotsional'no-otsenchnaya leksika kak sredstvo realizatsii rechevoy intentsii* [Emotional-Evaluative Vocabulary as a Means of Implementing Speech Intention: a monograph]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Press, 2011. 118 p. (In Russ.).

Tsesarskaya A. E. Leksicheskaya avtokorreksiya v rechevom povedenii govoryashchego [Lexical self-correction in speech behaviour]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2016, vol. 15, issue 4, pp. 53–62. (In Russ.).

Shakhovskiy V. I. Emotsii kak ob'ekt issledovaniya v lingvistike [Human emotions as an object of the study in linguistics]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2009, issue 9, pp. 29–42. (In Russ.).

Shakhovskiy V. I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p. (In Russ.).

Shiller A. V. Rol' teorii voploshchennogo poznaniiya v issledovaniyakh i modelirovaniy emotsiy [The role of theories of embodied cognition in research and modeling of emotions]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2019, issue 62 (5), pp. 124–138. (In Russ.).

Argaman O. Linguistic markers and emotional intensity. *Journal of Psycholinguistic Research*, 2010, issue 39, pp. 89–99. (In Eng.).

Billie. *Red, White, and You Do You*. Available at: <https://youtu.be/XYsacX9LwSw> (accessed 25 Aug 2022).

Jackson J. C. et al. Emotion emantics show both cultural variation and universal structure. *Science*, 2019, issue 366 (6472), pp. 1517–1522. (In Eng.).

Jackson J. C., Watts J., List J.-M., Puryear C., Drabble R., Lindquist K. A. From text to thought: How analyzing language can advance psychological science. *Perspectives of Psychological Science*, 2022, issue 17 (3), pp. 805–826. (In Eng.).

Lindquist K. A. Language and emotion: Introduction to the special issue. *Affective Science*, 2021, issue 2, pp. 91–98. (In Eng.).

Maia A., Santos D. Language, emotion, and the emotions: The multidisciplinary and linguistic background. *Language and Linguistic Compass*, 2018, vol. 12, issue 3, e12280. (In Eng.).

Majid A. Current emotion research in the language sciences. *Emotion Review*, 2012, issue 4(4), pp. 432–443. (In Eng.).

Mesquita B., Boiger M. Emotions in context: A sociodynamic model of emotions. *Emotion Review*, 2014, issue 6 (4), pp. 298–302. (In Eng.).

Negri A., Andreoli G., Barazzetti A., Zamin C., Christian C. Linguistic markers of the emotion elaboration surrounding the confinement period in the Italian epicenter of COVID-19 outbreak. *Frontiers in Psychology*, 2020, issue 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.568281>. (In Eng.).

Patel S., Scherer K., Sundberg J., Björkner E. Acoustic Markers of Emotions Based on Voice Physiology. *Proceedings of the International Conference on Speech Prosody, International Speech Communications Association*, 2010, vol. 100865, pp. 1–4. (In Eng.).

Emotional Specifics of Verbal and Nonverbal Behavior When Discussing Body Positivity (based on interviews with informants from Russia)

Yulia A. Gornostaeva

Associate Professor in the Department of Romance Languages and Applied Linguistics
Siberian Federal University

82, prospekt Svobodnyi, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. yulyatald@yandex.ru

SPIN-code: 8680-9639

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Polina A. Kolmogorova

Master's Student at the School of Arts and Humanities

HSE University (National Research University 'Higher School of Economics')

123A, naberezhnaya kanala Griboedova, Saint Petersburg, 190068, Russian Federation. kolmogorovapa@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1708-5437>

Submitted 08 Oct 2022

Revised 01 Dec 2022

Accepted 01 Feb 2023

For citation

Gornostaeva Yu. A., Kolmogorova P. A. Emotsional'naya spetsifika verbal'nogo i neverbal'nogo povedeniya pri ob-suzhdenii bodipozitiva (na primere interv'yuu s informantami iz Rossii) [Emotional Specifics of Verbal and Nonverbal Behavior When Discussing Body Positivity (based on interviews with informants from Russia)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 24–39. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-24-39 (In Russ.)

Abstract. The article focuses on the problem of describing the specifics of verbal and nonverbal behavior of Russian-speaking respondents in oral discourse on body positivity as a topical social issue. The relevance of the problem is determined by: 1) the growing interest of scientists in the study of emotional processes in language and speech; 2) the lack of scientific papers describing the national and cultural specifics of the emotional behavior of Russophones; 3) its interdisciplinarity. The aim is to describe the emotional specifics of verbal and nonverbal behavior of Russian-speaking informants in the discourse about body positivity and, by identifying emotional markers, to describe the attitude of Russophones to the movement of radical body positivity. The leading research method is multimodal analysis implemented using ELAN software. During the experiment, it was found that, on the one hand, through language clichés, phraseological units, obscene vocabulary and borrowings from the English language, the proposition 'you need to accept yourself as you are' is verbalized; on the other hand, there is an ironic attitude toward the supporters of body positivity, embodied in the genre of parody. To comply with generally accepted norms of acceptability, respondents resort to self-correction, verbalized by tolerance markers. The gender aspect of body positivity is manifested in the actualization of the propositions 'body positivity is about the female body' and 'the male is the earner'. References to pop culture are used for emotional reinforcement, which is also realized through nonverbal manifestations of emotions, including nonverbal markers of bewilderment, embarrassment, doubt, approval (a smirk, frown, facial expressions, laughter, smile, squinting). In addition, there are limiter gestures used to indicate a conditional separation of two objects, to visualize a 'shield' or show a frame, as well as a gesture visualizing quotation marks to normalize what has been said and emphasize disagreement.

Key words: emotions; emotivity; evaluativity; verbal markers; nonverbal markers; oral discourse; body positivity.

УДК 81'374
doi 10.17072/2073-6681-2023-2-40-52

Проект толкового словаря нестандартной лексики камня

Сергей Владиславович Жужгов

аспирант кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. sergey_zhuzhgov@mail.ru

SPIN-код: 7669-3080

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2328-0063>

ResearcherID: ABU-7551-2022

Статья поступила в редакцию 05.03.2023

Одобрена после рецензирования 10.03.2023

Принята к публикации 10.04.2023

Информация для цитирования

Жужгов С. В. Проект толкового словаря нестандартной лексики камня // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 40–52. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-40-52

Аннотация. Статья посвящена детальному рассмотрению возможностей лексикографического описания нестандартной лексики камня – таких обозначений минералов, минералоидов, а также горных пород и сопутствующих реалий, которые не входят в официальную минералогическую номенклатуру. Автор разрабатывает проект толкового словаря, основанный на полевых материалах картотеки лексики, топонимии и этнографии камня, которая формируется сотрудниками кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета. Сбор материала осуществлялся в 2019–2023 гг. в ходе экспедиционной работы на Среднем и Южном Урале с геологами, камнерезами, ювелирами и другими группами любителей камня. Эта картотека продолжает пополняться. Для статьи выбран вариант именно толкового словаря, описываются достоинства такого словаря для исследуемой группы лексики, комментируются задачи словаря, особенности отбора материала, описывается состав словаря и структура словарной статьи, даются пробные словарные статьи, посвященные таким тематическим группам, как «минерал низкого качества, недрагоценный минерал», «ненастоящий, искусственный минерал», «непродуктивная, пустая жила». Особое внимание в словарных статьях уделено мотивационно-этимологическим данным. Статья представляется важным вкладом в лексикографическую науку и разработку нового неизученного пласта лексики. Данные картотеки будут пополняться, и в будущем мы надеемся, что толковый словарь нестандартной лексики камня будет издан и окажется полезен не только лингвистам и геологам, но и массовому читателю, для которого проверенная научная информация о каменной лексике сегодня остается малодоступной.

Ключевые слова: нестандартная лексика камня; геммонимия; Средний Урал; лексикография; толковый словарь.

Настоящая статья продолжает цикл работ автора (см.: [Жужгов 2022: 5–17]), посвященных лексикографическому описанию одной малоизученной группы русской лексики – нестандартной лексики камня. Под последней «мы понимаем названия минералов, минералоидов, горных пород (т. е. всего того, что наивное сознание категоризирует как “камень”), не относящиеся к офи-

циальной (научной) минералогической и геологической номенклатуре, которая, как правило, закреплена в международной практике и в кодифицирующих документах» [Березович 2020: 9]. При широком рассмотрении эта группа лексики включает в себя не только названия камней, но и другие лексемы, называющие также сопутствующие добыче минералов реалии, которые отра-

жают специфику поиска, обработки и использования минералов и горных пород etc. В данной статье термин *нонстандартная лексика камня* используется в широком понимании.

Настоящий текст содержит очередную попытку рассмотреть особенности лексикографической интерпретации лексики камня. Материал собирается коллективом сотрудников кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета в ходе полевой работы на Среднем и Южном Урале (где активно ведется добыча и обработка камня) и анализа письменных источников. В предыдущей статье мы представили описание одной тематической группы («кристаллы»), показав на ее примере возможности идеографической подачи изучаемого материала. Безусловно, такая подача значима, но ей должна предшествовать (и ее с необходимостью дополнять) разработка материала в жанре толкового словаря, ср.: «Толковые словари отражают (с той или иной степенью полноты) семантику единиц словарного состава языка, а также информацию о написании, об орфоэпических, о стилистических и грамматических признаках слов. В таких словарях даются обычно фразеологические и устойчивые обороты, в которых употребляются слова, иногда этимологические, исторические и некоторые другие справки. Понимание того, что толковый словарь может быть ориентирован на представление лексико-семантической системы языка в определенный период времени, вырабатывалось очень медленно» [Шимчук 2009: 37].

В силу того, что представить лексическую систему языка в одном толковом словаре невозможно, сегодня обретают популярность так называемые тематические толковые словари, отражающие какой-либо определенный лексический пласт, ср., например: [Саяхова, Хасанова, Морковкин 2010; РСР; Жмурко 2001; Кириллова 2006] (есть и тематические ономастические словари, например: [Воронцова 2011; Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015]).

В настоящей статье мы представляем проект тематического «Толкового словаря нонстандартной лексики камня». В словаре описываются названия минералов и сопутствующих реалий.

История лексикографического описания русской «каменной» лексики складывалась парадоксально. С одной стороны, есть интереснейшие словари (преимущественно номенклатурной лексики), с другой – даже они мало известны лингвистам. Появление лексикографических источников по минералогии отмечается с XVIII в., со времени зарождения русской научной минералогии, но количество подобных трудов – при всем

богатстве и многообразии лексики камня – невелико. В числе таких источников можно назвать словарь основателя русской научной минералогии В. М. Севергина [Севергин 1807], книгу М. И. Пыляева «Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление» [Пыляев 1888], более современный энциклопедический словарь – «Цветные камни: Энциклопедия» [Буканов 2014] и некоторые другие.

В этих источниках, особенно современных, акцент делается на научную терминологию, а нонстандартная лексика попадает в минералогические словари очень редко. Кроме того, эти книги нацелены преимущественно на подачу собственно минералогической информации – и по жанру тяготеют к энциклопедиям.

Из книг, которые в большей степени соответствуют жанру словаря, можно назвать работу Б. Ф. Куликова «Словарь камней самоцветов» [Куликов 1982] (и последующие переиздания). Однако автор тоже не является профессиональным лингвистом – и, несмотря на то что в книге собрано большое количество важных сведений, они далеко не всегда верифицированы в смысле своей языковой принадлежности (неясно, автор переводит то или иное слово с иностранных языков или оно реально есть в русском узусе), социолингвистических характеристик и др. Этот источник может считаться не сугубо научным, но научно-популярным. Автор уделяет чуть большее, чем другие, внимание нонстандартной лексике, но все же ее очень мало по сравнению с реальным количеством слов, функционирующих в обиходе.

Из сказанного вытекает необходимость составления толкового словаря лексики камня, нацеленного на обиходную речевую стихию и собственно лингвистическую информацию.

Общая характеристика толкового словаря нонстандартной лексики камня

Разрабатываемый словарь является **дифференциальным**. В нем будут репрезентированы такие лексические единицы, которые записаны у информантов на Среднем и Южном Урале и представляют собой факты профессиональных жаргонов, арг, диалектной лексики и так называемые торговые названия (подробнее см.: [Березович 2020]). Подчеркнем, что территориальная привязка весьма условна: возможно, то или иное слово употребляется еще где-то (кроме Урала), но по объективным (отсутствие практики добычи или обработки камня) или по субъективным (отсутствие данных о полевом сборе нонстандартной лексики камня) причинам мы не можем быть в этом уверенными.

Представляемый словарь является не только толковым – включает также **сведения этимолого-мотивационного характера**. Такие прецеденты были (см.: [ТСРЯ]).

Отбор материала

Проект толкового словаря основан на материале картотеки ЛТЭК (лексика, топонимия, этнография камня), формируемой сотрудниками кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ. Эти данные записаны в ходе полевой работы на Среднем и Южном Урале в 2019–2023 гг. Такая работа представляет собой не только привычные очные встречи с информантами, она также предполагает привлечение интернет-ресурсов, т. е. общение на профессиональных форумах, объединяющих любителей камня. Кроме того, материал пополняется благодаря письменным источникам: специальной минералогической литературе, «каменной» беллетристике и др.

Из этого массива для составления словаря мы выбираем только **полевые данные** (записи очных бесед и фиксации из интернет-форумов – особенно те, которые верифицированы нами).

Что касается **социолингвистических характеристик** описываемой лексики, то здесь есть значительные трудности. Поскольку мы работаем с информантами, имеющими разный уровень образования (в том числе с высокообразованными людьми), целый ряд лексем может иметь «книжное» происхождение. Но мы включаем их в словарь нестандартной лексики, поскольку они фиксируются в актуальном речевом обиходе. Только таким образом мы можем достичь цели, поставленной в рамках подготовки «Толкового словаря нестандартной каменной лексики», – наиболее полно описать языковое сознание горщика, минералога, любителя камня.

Состав и структура словаря

В толковом словаре нестандартных гемминимов все заголовочные единицы подаются в алфавитном порядке, при этом буква *ё* приравнивается к букве *е*. Составные гемминимы располагаются по определяющему слову. Если это сочетание *прил + суц*, то на первое место ставится прилагательное – **ТУРМАЛИНОВОЕ СОЛНЦЕ, УРАЛЬСКИЙ АЛМАЗ** (есть некоторые исключения в случаях типа **СКВАРЬ ТЯЖЕЛОВЕСНАЯ**, когда вид заглавного слова отражает его инверсивную природу в узусе). Если описывается сочетание *суц и. п. + суц*, то на первом месте ставится существительное в именительном падеже – **ГОЛОВА МАВРА, ВОЛОСЫ ВЕНЕРЫ**. Фразеологические сочета-

ния разных типов подаются на месте входящего в сочетание диалектного или социолектного слова (если такое имеется) – например, сочетание *дать криуля* подается на букву К: **КРИУЛЬ ДАТЬ КРИУЛЯ**. В других случаях (когда сочетание состоит из немаркированных слов) оно выделяется в отдельную статью. Фонетические варианты, параллельные названия, синонимы, антонимы, гиперонимы, словообразовательные варианты подаются в отдельных словарных статьях. Все словарные статьи оснащены ссылочными элементами – такой выбор сделан в пользу точности, системности и практичности использования словаря. Слова-омонимы подаются в разных словарных статьях с числовыми индексами: **АРАБСКИЙ КАМЕНЬ [1], АРАБСКИЙ КАМЕНЬ [2]**.

Структура словарной статьи

Структура словарной статьи представлена в виде определенной системы «зонирования». Система подачи информации о слове основана на опыте «Толкового словаря русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина [ТСРРР], она была заимствована как самая подходящая для исследуемой лексической системы и переработана с учетом ее специфики.

Статья выглядит таким образом:

ЗАГЛАВНОЕ СЛОВО

ЗНАЧ: зона толкования;

МОРФ: зона морфологических характеристик;

КОНТЕКСТ: иллюстративная зона;

СИСТЕМ: зона системной информации (имеются в виду связи в лексической системе);

ЭТИМОЛ: зона этимолого-мотивационного комментария;

АНАЛОГ: зона фиксации иноязычных аналогов;

ПИ (письменные источники): зона фиксации в письменных источниках.

Если для того или иного слова нет определенной информации, то в таком случае указание зоны опускается.

ЗАГЛАВНОЕ СЛОВО

Заглавное слово словарной статьи представлено нестандартным гемминимом – **АКВАРИУМ, САЛО, БЕЗБИЛЕТНИК, ПОДСЕЧЬ, САХАРНЫЙ**.

Заглавное слово оформляется в верхнем регистре, имеет жирное начертание. Указывается также акцентологическая характеристика с помощью знака «'» (**ЧУМА́ЗИК, АРЛЕКИ́Н, УКРО́П**), где это возможно, так как в некоторых спорных случаях, когда номинация была зафиксирована в

письменном варианте, установить правильный вариант постановки ударения не представляется возможным, например **ПОДДЕРНОВИК**.

Заголовочная единица может быть представлена различными частями речи: *существительным, прилагательным, глаголом* – или *словосочетанием*. Заголовочная единица подается в начальной форме: для существительного – И. п., ед. ч., – однако если название употребляется только во множественном числе, то заглавное слово также подается во множественном числе; для прилагательного – И. п., м. р., ед. ч.; для глагола – форма инфинитива.

Что касается номинаций в виде словосочетаний, то они различны по структуре, но основных типов два – *сущ + сущ* (**ГОЛОВА́ МА́ВРА**) и *прил + сущ* (**ЧЁРНЫЙ ВОЛОСА́ТИК**).

При омонимии заглавное слово также сопровождается квадратными скобками с указанием числового индекса, набираемого арабской цифрой и выделяемого жирным начертанием и квадратными скобками – **АРА́БСКИЙ КА́МЕНЬ [1]**.

ЗНАЧ (Значение)

При составлении дефиниции делается упор на наиболее полное представление реалии. Приводятся те признаки, которые могут быть важными для интерпретации названия: физико-химические свойства, родовая принадлежность, драгоценностная характеристика, например:

УГОЛЁК

ЗНАЧ: Морион, разновидность кварца черного цвета.

При составлении дефиниции перед нами встал вопрос об уровне ее усложненности. Ясно, что нельзя перегружать дефиницию формулами и специальной минералогической информацией, которая затруднит чтение словаря широкому читателю. Вместе с тем такую информацию невозможно исключить полностью, поскольку тогда будет утрачена точность описания и ориентация на языковое сознание горщика. Поэтому, не усложняя описание химической формулой и проч., мы все же привлекаем сведения научного плана (указание на родовую принадлежность минерала, драгоценностность и проч.). При толковании названий различных разновидностей и форм минералов используется устоявшаяся научная терминология.

Слова, обозначающие связанные с минералами реалии, определение которых не требует научной привязки, трактуются описательно (во-первых, по причине нередкого отсутствия синонимов в литературном языке, во-вторых, для наиболее полного представления реалии):

АДРЕНАЛИ́НЩИК

ЗНАЧ: Человек, добывающий минералы быстро, неаккуратно, с использованием техники.

Если слова имеют одинаковые дефиниции (являются полными синонимами), то толкуется только одно из них (как правило, первое в словнике), а в словарных(-ой) статьях(-е) последующих(-его) слов(-а) в зоне **ЗНАЧ** дается отсылка к словарной статье первого слова, которая оформляется в виде **То же, что**.

В словарных статьях многозначных слов перед меткой **ЗНАЧ** ставится номер значения, набираемый арабской цифрой. Ссылка на определенное значение в статье происходит посредством заключения номера значения в круглые скобки: см. **АО́РТА (1)**.

В зону **ЗНАЧ** вводятся пометы стилистического и социолингвистического характера: *инд., окказ., эвфем., шутл., книжн., жарг., диал.*

При одном слове возможны как одна, так и несколько помет.

• Помета *окказ.* используется для единичных фиксаций, носящих, как правило, игровой характер, ср.:

ПОДПИ́РИТ

ЗНАЧ: *окказ.* Наименование минерала, который при залегании «подпирает» другой минерал.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: *А вот еще подпи́рит* – *подпирал кристаллик корунда. Подпи́рит с сюрпризом: корочка родохрозита на карбонате, а в нем мелкие полости с каким-то минералом* (Мин. фор.).

• Помета *инд.* используется в том случае, когда информант указывает на принадлежность слова чьему-либо идиолекту;

• Помета *шутл.* используется стандартно:

ВЕНЕ́РИЧЕСКИЙ КА́МЕНЬ

ЗНАЧ: *инд., шутл.* То же, что **ВОЛО́СЫ ВЕНЕ́РЫ** [кварц с игольчатыми включениями рутила или турмалина]¹.

МОРФ: (-ого) (-мня) м.

КОНТЕКСТ: *Я еще этот ка́мень вене́ры называю вене́рическим ка́мнем* (ЛТЭК) (с. Кайгородское, Пригородный р-н).

• Помета *эвфем.* используется, как правило, при описании лексических единиц, принадлежащих аргю:

ШУ́РИК

ЗНАЧ: *эвфем.* Александрит.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: *Александриты* – *шурики* (ЛТЭК) (г. Асбест); *Александрит у копачей шурик, демантоид* – *дёмик* (ЛТЭК) (г. Реж); *Сло-*

ва **изюм**, **шурик**, **зеленка** (**зелень**) я бы в отдельную группу отнес – в жаргон или сленг. Это не народные или образные, а названия несколько зашифрованные, понятные в определенных кругах. Туда же можно добавить **кошатики** (кошачий глаз), **демик** (демантоид), **даляр** (долерит), **змеи** (змеевик) (Хита Ур.); Кроме того, там куча откровенной дезы на тему «сходили с фонариком – насобирали **изюма с шуриками**» (Мин. фор.).

ЗЁЛЕНЬ

1. ЗНАЧ: То же, что **зелёнка** [ценный кристалл берилла, не характеризующийся как изумруд].

МОРФ: (-и) ж.

КОНТЕКСТ: Слова **изюм**, **шурик**, **зеленка** (**зелень**) я бы в отдельную группу отнес – в жаргон или сленг. Это не народные или образные, а названия несколько зашифрованные, понятные в определенных кругах. Туда же можно добавить **кошатики** (кошачий глаз), **демик** (демантоид), **даляр** (долерит), **змеи** (змеевик) (Хита Ур.).

2. ЗНАЧ: эвфем. Изумруд.

МОРФ: (-и) ж.

КОНТЕКСТ: На Малышевке стоял я лагерь прямо на вскрышной полке у отвалов. Это северней старого карьера, который у поселка. Здесь тоже начали копать, но времена были трудными, голодными (2003 год), стране бериллий стал не нужен; шахту затопили, 1 экскаватор грузил пару-тройку КРАЗов, которые возили породу на рудный двор, огороженный бетонным забором с колючкой, но без ворот и охраны, а изумруды... изумруды добывали местные хитники, ползающие по отвалам после дождя (и размывает малеха, и на сырой породе **зелень** видна лучше) (Мин. фор.); **Зелень** сегодня прёт, нет? Видел что? – Ну, пару **зеленушек** ниочёмных достал (ЛТЭК) (г. Асбест).

• Проиллюстрируем использование помет **диал.**, **жарг.**:

КОБЫЛЬИ РЁБРА

ЗНАЧ: **диал.** То же, что **ГРАФИКА** [графический пегматит – С. Ж.].

КОНТЕКСТ: **Кобыльи рёбра** – это старое уральское название графического пегматита, сейчас практически не употребляется (Хита Ур.). О **кобыльих рёбрах** – вполне себе термин применяется (Хита Ур.).

ЭТИМОЛ: **Кобыльи рёбра** (и не только **кобыльи**) – устойчивый образ в народной лексике и топонимии Урала. Е. Э. Иванова в своем топонимическом словаре «По Чусовой» отмечает камень **Собацьи Рёбра** и два камня **Кобыльи Рёбра**: «Географический термин **ребро** означает край, грань, хребет. Характерно сравнение подобных пластин с ребрами животного. Однако чаще их сравнивают с ребрами кобылы. Возможно, это связано с оценочным употреб-

лением слова **кобыла** ‘кляча’, у которой выступают рёбра» [Иванова 2014: 117]. Таким образом, **кобыльи рёбра** – то, что выделяется, выступает (кварц на поверхности породы), ср.: «Кристаллы кварца в пегматите пытаются вырасти, как росток, а до полости не доходят. Похожи на **рёбра**» (ЛТЭК) (г. Нижний Тагил).

• Помета **книжн.** может быть использована в том случае, когда очевидно книжное происхождение зафиксированной номинации. Часто такая помета используется для геммонимов, функционирующих под влиянием так называемых «лапидариев» – сочинений о магических свойствах камней:

МОЛОКО СВЯЩЁННОЙ КОРОВЫ

ЗНАЧ: **книжн.** Кахолонг, камень молочно-белого цвета, разновидность опала.

МОРФ: (-а) ср.

КОНТЕКСТ: В Индии верили, что кахолонг – застывшие капли коровьего молока, поэтому называли его «**молоко священной коровы**» (ЛТЭК) (г. Екатеринбург).

МОРФ (Морфологическая характеристика)

В зоне морфологической характеристики для каждого слова указывается грамматическая информация:

• окончание Р. п., род – для существительных и словосочетаний:

СУРГУЧНАЯ ЯШМА

ЗНАЧ: Разновидность яшмы темно-красного цвета.

МОРФ: (-ой) (-ы);

ТИТЬКА

ЗНАЧ: То же, что **БАСТИОННИК** [о кристалле кварца со сложными гранями – С. Ж.].

МОРФ: **об. множ.**? (-и) ж.

• окончания И. п. ж. р., И. п. ср. р. – для прилагательных и причастий:

МЫЛКИЙ

ЗНАЧ: О камне, имеющем «жирную» поверхность, вызывающем ощущение соприкосновения с чем-то жирным.

МОРФ: (-ая) (-ое).

• форма 1-го лица, ед. ч., форма 2-го лица, ед. ч. для глаголов.

ПОДСЕЧЬ ЖИЛУ

ЗНАЧ: Найти и обнажить жилу.

МОРФ: подсеку, подсечешь

В зоне **МОРФ** также указываются пометы **об. множ.**, **чаще множ.**, **только множ.** При использовании помет **об. множ.**, **чаще множ.** заглавное слово приводится к форме ед. ч., при использовании пометы **только множ.** заглавное слово подается в исходной форме мн. ч.

КАМЕННАЯ НЕЗАБУДКА

ЗНАЧ: О скоплении кристаллов топаза.

МОРФ: *об множ. (-ой) (-и) ж.***ГРИБ**

ЗНАЧ: Форма роста кристаллов, напоминающая гриб.

МОРФ: *чаще множ. (-а) м.*

Для лексем в форме только множественного числа в зоне морфологической информации указывается лишь помета:

ВОЛОСЫ ФЕМІДЫ

ЗНАЧ: Кварц с игольчатыми включениями рутила или турмалина.

МОРФ: *только множ.***БЛИЗНЕЦЫ**

ЗНАЧ: О сростке двух кристаллов; двойник.

МОРФ: *только множ.***КОНТЕКСТ (Иллюстративный материал)**

Иллюстративный материал подается курсивом с последующим ссылочным элементом (паспортизацией материала). Заглавное слово выделяется в контексте жирным начертанием; если в контексте встречается другое нестандартное слово, оно также выделяется.

Если учесть специфику сбора материала, можно выделить две возможности привязки иллюстративного материала:

- (ЛТЭК) (и указание на территорию записи) – для «очных» полевых сборов. В таком случае, если запись сделана в городе областного подчинения, в привязке указывается название города: (ЛТЭК) (г. Нижний Тагил). Если запись сделана в селе, деревне и пр., в привязке указывается название населенного пункта и название района: (ЛТЭК) (с. Кайгородское, Пригородный р-н);

- [сокращение названия интернет-источника] – для фиксаций в интернет-источниках: (Мин. фор.)

Если контекст малоинформативен или отсутствует, но номинация зафиксирована, в зоне иллюстрации приводится только привязка, например: (ЛТЭК) (пос. Нейво-Шайтанский, Алапаевский р-н).

Перечень географических помет в словаре на данном этапе отсутствует, так как при указании территории используется полный вариант написания.

СИСТЕМ (Информация о лексической системности)

В настоящей зоне приводится информация из сферы лексико-словообразовательной системности: указываются словообразовательные варианты, а также все возможные варианты парадигматических отношений:

↗ – словообразовательные варианты:

СЛЕПАЯ ЖИЛА

ЗНАЧ: Жила, не выходящая на поверхность.

СИСТЕМ: ↗ **СЛЕПНУТЬ** [о жиле – уходить в глубину].

// – параллельные названия:

БАРХАТНЫЙ МАЛАХИТ

ЗНАЧ: Разновидность малахита с характерным переливом.

СИСТЕМ: // **ЛУЧИСТЫЙ МАЛАХИТ, ПЛИСОВЫЙ МАЛАХИТ, СИТЦЕВЫЙ МАЛАХИТ, ШЁЛКОВЫЙ МАЛАХИТ.**

‡ – антонимы, оппозицы:

ФАНТОМ

ЗНАЧ: Включение в кристалле в виде остаточных твердых фаз.

СИСТЕМ: // ‡ **ХОЗЯИН** [кристалл кварца, в котором находятся остаточные фантомные включения], **ХОЗЯЙСКИЙ** [о кристалле, в котором находятся остаточные фантомные включения].

□ – номинации, связанные с данной другими видами семантических или семантико-словообразовательных связей:

ДВОЙКАЗНАЧ: Разновидность изумруда в зависимости от насыщенности цвета: изумруд чуть менее насыщенного тёмно-зелёного цвета, чем **ОДНЁРКА**, однако тоже ценный и редкий.СИСТЕМ: □ **ОДНЁРКА, ТРОЙКА, ЧЕТВЁРКА, ПЯТЁРКА.****ЭТИМОЛ (Этимологический/мотивологический комментарий)**

В настоящей зоне автором предпринимается попытка этимолого-мотивационного комментария или этимолого-мотивационной интерпретации. Комментарии даются выборочно. При отсутствии ссылок решения и комментарии принадлежат автору словаря.

Если два слова, являющиеся заглавными, имеют одинаковые интерпретации, то комментируется только одно из них: как правило, первое в словнике, а в словарных(-ой) статьях(-е) последующих(-его) слов(-а) в зоне **ЭТИМОЛ** дается отсылка к соответствующей словарной статье. Если в комментарии актуализируется связь с другой словарной статьей, то слово, к которому отсылает статья, выделяется жирным начертанием.

Эта зона не ограничена по объему, она может представлять собой как внушительную статью, так и небольшое описание или сравнение, указание на мотивационный признак (примеры см. ниже).

АНАЛОГ (Зона фиксации иноязычных аналогов)

В этой зоне даются иноязычные параллели зафиксированному названию. Источниками таких сведений являются иноязычные минералогические словари, например Dictionary of Gems and Gemology [Manutchehr-Danaï 2009].

Приводимые здесь сведения можно рассматривать и как дополнение к зоне ЭТИМОЛ; когда иноязычные фиксации имеют непосредственное отношение к этимологической интерпретации, они также используются в зоне ЭТИМОЛ (в таком случае указания дублируются).

ГОЛОВÁ НЁГРА

ЗНАЧ: То же, что ГОЛОВÁ АРА́БА [полихромный кристалл турмалина с черной, темной верхней частью].

МОРФ: (-ы) (-а) ж.

КОНТЕКСТ: Турмалин с шерловой шапочкой называют голова негра – как голова черная (ЛТЭК) (г. Нижний Тагил).

СИСТЕМ: // ГОЛОВÁ АРА́БА, ГОЛОВÁ МА́ВРА, ГОЛОВÁ МА́УРА.

ЭТИМОЛ: См. ГОЛОВÁ МА́ВРА.

АНАЛОГ: **niggerhead**. Локальный термин для обозначения розовой, желтой, зеленой или партикольной разновидности турмалина, который в верхней части кристалла имеет черный цвет [Manutchehr-Danaï 2009: 604]².

ПИ (Письменные источники)

В этой зоне подаются фиксации заглавного слова в письменных источниках: 1) фиксации в русскоязычных источниках; 2) фиксации в иноязычных источниках.

Фиксации в русскоязычных источниках подаются следующим образом: **фиксация** контекст [паспортизация]. Если значение зафиксированной номинации не совпадает с заголовочной единицей, то регулярным начертанием вводится отличающееся значение: **фиксация** значение контекст [паспортизация].

Иноязычные источники отделяются абзацным отступом и подаются так: **слово**; перевод словарной статьи (выполняется автором с опорой на лексикографические источники) [привязка].

КО́НСКИЙ ХВОСТ

ЗНАЧ: Игольчатые включения в кристалле демантоида.

МОРФ: (-ого) (-а) м.

КОНТЕКСТ: Волокнистые (тремолитовые) включения в кристаллах демантоида, напоминающие по форме конский хвост, могут быть расходящиеся пучки волокон, могут давать легкую шелковистость. Если они не замутняют камень и видны при хорошем увеличении, то повышают ценность ограненного камня;

особенно ценимы американцами. Включения **конский хвост** наиболее характерны именно для уральских камней (Хита Ур.).

АНАЛОГ: **horsetail inclusion**; крошечные шелковистые волокна асбеста, образующие часто лучистые включения хвоста в демантоидном гранате [Manutchehr-Danaï 2009, 435]; **ponytails**; кристалл демантоида содержит волокна асбеста или так называемый биссолит [там же: 681].

ПИ: **конский хвост** – игольчатые включения рутила, турмалина или актинолита в кристалле. Эти включения под микроскопом смотрятся как тонкие волоски. В профессиональной среде их называют конскими хвостами [Николашвили 2015: 69].

Учитывая ограниченный формат статьи, мы предлагаем ознакомиться с лишь с несколькими статьями из будущего словаря.

Одна из самых интересных и уникальных тематических групп словаря – слова, называющие минерал низкого качества, недрагоценный минерал.

БЕСПОРО́ДНЫЙ

ЗНАЧ: Неблагородный, плохого качества (о кристалле).

МОРФ: (-ая) (-ое).

КОНТЕКСТ: Очень нравятся турмалины, но как-то все не складывалось. Жаль, оба **беспородные**, но лиха беда начало (Мин. фор.). А разную фигню полирую типа местных **беспородных** «яшмоидов», так это руку набиваю, учусь на них. Нормального материала мало. Жалко портить! [там же].

СИСТЕМ: ВШЙВЫЙ.

БУ́ТОР

ЗНАЧ: диал.? Камень низкого качества, не годящийся для обработки.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: **Цимус** весь отобрали самый, уже везут нам **бутор** (ЛТЭК) (с. Кайгородское, Пригородный р-н).

СИСТЕМ: // БУТЫЛІ́Т, ВЫБРОСИ́Т, ГОВНОТОЛІ́Т, ДУРМА́Н, ДУРМА́ШКА, КУВАЛДОЛІ́Т, ЛОХОЙ́Т, СОБАКИ́Т.

ЭТИМОЛ: От диал. шир. распр. **бу́тор**, ср. **бу́тор** вят., сиб. 'хлам', самар., сарат., курск., новг., сиб., 'мусор, щебень' моск., 'бульжник' подмоск., 'мусор, хлам' новг. [Аникин 5: 221]

БУТЫЛІ́Т

ЗНАЧ: То же, что БУ́ТОР.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: Это битое стекло – **бутылит** (ЛТЭК) (Реж).

СИСТЕМ: // БУ́ТОР, ВЫБРОСИ́Т, ГОВНОТОЛІ́Т, ДУРМА́Н, ДУРМА́ШКА, КУВАЛДОЛІ́Т, ЛОХОЙ́Т, СОБАКИ́Т.

ЭТИМОЛ: Номинация образована по довольно популярной для названной идеограммы модели: мотивировочное слово (часто с пейоративной семантикой) + аффиксы *-ит-*, *-лит-* и др., характерные для официальной номинации минералов. Так реализована игровая модель номинации, с помощью которой называется кристалл плохого качества или не имеющий ценности.

АНАЛОГ: **bottle stone**; синоним драгоценного камня, ограненного из зеленого молдавиты, разновидности тектита, встречающегося в Чехии и Молдавии. Называется также бутейленштейн, еще ошибочно именуется водным хризолитом, псевдохризолитом. [Manutchehr-Danai 2009: 104].

ВШІВЫЙ

ЗНАЧ: То же, что **БЕСПОРОДНЫЙ**.

МОРФ: (-ая) (-ое).

КОНТЕКСТ: *А это изумрудик, только вишневый – трещины. Если дно отполировать, лучше будет* (ЛТЭК) (с. Кайгородское, Пригородный р-н).

СИСТЕМ: // **БЕСПОРОДНЫЙ**.

ЭТИМОЛ: От литер. *вишневый* ‘низкого качества’ [ТСРРР 1: 250].

ВЫБРОСИТ

ЗНАЧ: То же, что **БУТОР**.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: *Химик И. Д. Борнеман-Старынкевич, приехав в Хибин, отправилась вместе с геологами в маршрут. Ее первые неудачные сборы камней Александр Евгеньевич окрестил «великолепными выброситами»* (ЛТЭК) (г. Екатеринбург).

СИСТЕМ: // **БУТОР, БУТЫЛИТ, ГОВНОТОЛИТ, ДУРМАН, ДУРМАШКА, КУВАЛДОЛИТ, ЛОХОИТ, СОБАКИТ**.

ЭТИМОЛ: См. **БУТЫЛИТ**.

АНАЛОГ: **dumpr**; Термин, используемый австралийскими шахтерами для обозначения грязи и пустой породы возле шахты, в которых часто искали куски опала. [Manutchehr-Danai 2009: 286].

ГОВНОТОЛИТ

ЗНАЧ: То же, что **БУТОР**.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: *Говнотолит – то же, что никчемный, у камня ни огранки, ни в коллекцию его; есть камень, но его нет, мёртвый камень, никуда его* (ЛТЭК) (г. Асбест).

СИСТЕМ: // **БУТОР, БУТЫЛИТ, ВЫБРОСИТ, ДУРМАН, ДУРМАШКА, КУВАЛДОЛИТ, ЛОХОИТ, СОБАКИТ**.

ЭТИМОЛ: См. **БУТЫЛИТ**.

ДУРМАН

1. **ЗНАЧ:** То же, что **БУТОР**.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: *Слышал про дурманы. Я такие камни зову собаки́ты, значит, такие, что собаке выбросить не жалко* (ЛТЭК) (с. Кайгородское, Пригородный р-н).

СИСТЕМ: – **ДУРМАШКА // БУТОР, БУТЫЛИТ, ВЫБРОСИТ, ГОВНОТОЛИТ, КУВАЛДОЛИТ, ЛОХОИТ, СОБАКИТ**.

ЭТИМОЛ: От *дурман* перен. ‘то, что опьяняет, опьяняющее, отупляющее средство’ [ТСРЯ: 220]. *Дурман* применительно к кристаллу несет семантику одурманивания, когда в ситуации добычи минералов первое впечатление от образца не совпадает с его действительной качественной характеристикой: радость от нахождения кристалла быстро сменяется разочарованием от понимания низкой степени его драгоценности.

2. **ЗНАЧ:** Кристалл аметиста низкого качества.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: *Дурманы – это по-простому плохие аметисты* (Хита Ур.).

ДУРМАШКА

1. **ЗНАЧ:** Уменьш. к **ДУРМАН**.

МОРФ: (-и) ?

КОНТЕКСТ: *Про любой негодный камень так говорили. Ты ищешь турмалин, а тебе попадетсся морион трещиноватый – это дурмашка* (ЛТЭК) (с. Черемисское, Режевской р-н).

СИСТЕМ: – **ДУРМАН // БУТОР, БУТЫЛИТ, ВЫБРОСИТ, ГОВНОТОЛИТ, КУВАЛДОЛИТ, ЛОХОИТ, СОБАКИТ**.

2. **ЗНАЧ:** Кристаллы горного хрусталя низкого качества.

МОРФ: (-и) ?

КОНТЕКСТ: *Дурмашками называли горный хрусталь, причём говорят, что зависело от качества* (ЛТЭК) (с. Черемисское, Режевской р-н).

ПИ: *дурмашки о кристаллах (аметиста?) низкого качества. Думал, что аметисты, а оказались только дурмашки* [Бирюков 1953: 67]; *дурмашки кристаллы аметиста? Ведь с чего началось? Искал Ерофей Марков дурмашки да строганцы и нашёл в той яме золотые комышки* [Бажов 2019: 531]; *дурмашки камень белого цвета? Мода, видишь, была из камней ягоды делать. Виноград, там, смородину, малину и протча. И на все установ имелся. Чёрну, скажем, смородину из агату делали, белу – из дурмашков, клубнику – из сургучной яшмы, княженику – из мелких шерловых шариков клеили. Одним словом, всякой ягоде свой камень. Для корешков да листочков тоже свой порядок был: кое из малахита либо из орлеца и там еще из какого-нибудь камня* [Бажов 1963: 135]; *дурмашек? опаловидный кальцит или полупрозрачный / непрозрачный белый кварц. То ли она из стекла, то ли из дурмашка на простую грань обделана* [Бажов 2019: 156].

КУВАЛДОЛИТ

ЗНАЧ: То же, что БУТОР.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: *Так это кувалдолит же* (Мин. фор.).

СИСТЕМ: // БУТОР, БУТЫЛИТ, ВЫБРОСИТ, ГОВНОТОЛИТ, ДУРМАН, ДУРМАШКА, ЛОХОИТ, СОБАКИТ.

ЭТИМОЛ: См. БУТЫЛИТ.

ЛОХОИТ

ЗНАЧ: То же, что БУТОР.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: (ЛТЭК) (г. Реж).

СИСТЕМ: // БУТОР, БУТЫЛИТ, ВЫБРОСИТ, ГОВНОТОЛИТ, ДУРМАН, ДУРМАШКА, КУВАЛДОЛИТ, СОБАКИТ.

ЭТИМОЛ: См. БУТЫЛИТ.

МЁРТВЫЙ КАМЕНЬ

ЗНАЧ: Беспольный, «бросовый» камень.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: *Говнодолит – то же, что никчёмный, у камня ни огранки, ни в коллекцию его; есть камень, но его нет, мёртвый камень, никуда его* (ЛТЭК) (г. Асбест).

АНАЛОГ: **dead**; Потеря света драгоценного камня для глаза, вызванная внутренним и внешним отражением, зависящим от блеска, дисперсии и сцинтилляции в камне в сочетании с неточным дизайном, огранкой и дефектами камня, такими как мертвая жемчужина из-за отсутствия блеска [Monsen Manutchehr-Danai 2009: 237].

СОБАКИТ

ЗНАЧ: То же, что БУТОР.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: Александр Евгеньевич [Ферсман] часто употреблял меткие выражения и сравнения. Так, он очень возмущался, когда витрины Минералогического музея оформлялись плохо. Неудачные образцы ученые называли *собаками* и *швырк-штайнами* (ЛТЭК) (г. Екатеринбург); *Еще есть термин собакаит*. Буквально сегодня в соседних темах обсуждали. У меня в бригаде есть термин, пардон, *зеленоговнит*. Означает некие куски породы зеленого цвета, не имеющие ценности, но встречающиеся в преддверии *занорышей* в пегматитовых жилах. Если напрячься, то и минералогическое название одного можно вспомнить (Хита Ур.); *Собакаит* – собаке дать! (ЛТЭК) (с. Кайгородское, Пригородный р-н); *Собакаит* ввел Ферсман, пригоден только для того, чтобы кидать собакам (ЛТЭК) (г. Реж).

СИСТЕМ: // БУТОР, БУТЫЛИТ, ВЫБРОСИТ, ГОВНОТОЛИТ, ДУРМАН, ДУРМАШКА, КУВАЛДОЛИТ, ЛОХОИТ.

ЭТИМОЛ: См. БУТЫЛИТ.

Как можно заметить, в этой тематической группе очень популярна игровая словообразовательная модель стилизации нестандартного наименования под официальное. Для собственно номенклатурной (официальной) лексики, обозначающей минералы, помимо однозначности и отсутствия экспрессивности, также характерны узнаваемые лингвистические маркеры (например, словообразовательных суффиксов *-ит*-, *-ин*-, *-ан*-, суффиксоида *-лит*), ср.: *кианит* ‘минерал, силикат алюминия, $Al_2O_3[SiO_4]$ ’ [ГС 2: 45], *обсидиан* ‘природное вулканическое стекло, эффузивная горная порода’ [ГС 2: 361], *родонит* ‘минерал, силикат марганца, $CaMn_4[Si_5O_{15}]$ ’ [ГС 3: 43] и др.

Эта модель распространяется и на другие тематические группы, близкие в смысловом отношении к вышеописанной.

ЛОХОВСКИТ

ЗНАЧ: Ненастоящий, искусственный кристалл.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: *Человек много лет торгует на МШ этими кристаллами. Даже «сертификат» одно время прилагался с описанием и формулой. НО! Ни слова о том, что это сварено на кухне. Поэтому синоним этому минералу – лоховскит или фуфлонит, ибо десятки людей покупали это в неведении. Не приемлю обман* (Хита Ур.).

СИСТЕМ: // ФУФЛОНИТ

ЭТИМОЛ: См. БУТЫЛИТ.

ФУФЛОНИТ

ЗНАЧ: То же, что ЛОХОВСКИТ.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: *Фуфлонит* – эпоксидка с тараканами (Мин. фор.); *Человек много лет торгует на МШ этими кристаллами. Даже «сертификат» одно время прилагался с описанием и формулой. НО! Ни слова о том, что это сварено на кухне. Поэтому синоним этому минералу – лоховскит или фуфлонит, ибо десятки людей покупали это в неведении. Не приемлю обман* (Хита Ур.).

СИСТЕМ: // ЛОХОВСКИТ

ЭТИМОЛ: См. БУТЫЛИТ.

ОХРЕНИТ

ЗНАЧ: окказ.? Неопределенный минерал.

МОРФ: (-а) м.

КОНТЕКСТ: *Это вот волосатики, только внутри не рутит, мне называли как-то этот минерал, не знаю, как называется, охренит какой-нибудь, и не вспомню* (ЛТЭК) (с. Кайгородское, Пригородный р-н).

ЭТИМОЛ: По всей видимости, от грубопростореч. *хрень* ‘предмет, название, которого говорящему не известно или трудно вспомнить’.

Ниже приведем примеры словарных статей, в которых заглавные слова обозначают не собственно минералы, а непродуктивные горные породы, жилы, места выработки.

ТОЩАЯ ЖИЛА

ЗНАЧ: Непродуктивная жила.

МОРФ: (-ей) (-ы) ж.

КОНТЕКСТ: *Тощая жила* – изначально непродуктивная. Идешь по проводнику – и ничего нет (ЛТЭК) (с. Черемисское, Режевской р-н).

СИСТЕМ: // УБОГАЯ ЖИЛА.

ЭТИМОЛ: От *тощий* ‘разг. бедный, убогий, скудный в каком-либо отношении’ [БАС 15: 762]. Ср. также *тощак* ‘скудная золотая жила’ «Тощак говорят применительно к золоту. Когда порода с низким содержанием золота, а её бросить жалко. Одна надежда, что или тощак кончатся, или карманчик где» (ЛТЭК) (г. Сысерть).

УБОГАЯ ЖИЛА

ЗНАЧ: То же, что **ТОЩАЯ ЖИЛА**.

МОРФ: (-ой) (-ы) ж.

КОНТЕКСТ: *Раз нету ничего – говорят: убогая жила* (ЛТЭК) (с. Кайгородское, Пригородный р-н).

СИСТЕМ: // **ТОЩАЯ ЖИЛА**.

ЭТИМОЛ: От *убогий* ‘незначительный (по объему, количеству); небогатый, скудный’ [БАС 16: 64].

ГЛУХАРЬ

ЗНАЧ: Шурф, в котором не оказалось камней, пустой.

МОРФ: (-я) м.

КОНТЕКСТ: *Все поисковые предпосылки есть, а результата нет. Такой шурф называют «глухарь».* Когда мы начинали копать, *глухарей* было больше (ЛТЭК) (г. Нижний Тагил). *Глухарь* – всё, приехали, ничё тут нету в шурфе (ЛТЭК) (с. Кайгородское, Пригородный р-н).

СИСТЕМ: // **ВДОВА**.

ЭТИМОЛ: От разг. *глухо* ‘безнадежно, бесперспективно’ [ТСРРР 1: 317]. Ср. также *глухарь* ‘нераскрытое уголовное дело’ [там же].

ВДОВА

ЗНАЧ: Заброшенный шурф.

МОРФ: (-ы) ж.

КОНТЕКСТ: *Раньше копали по многу лет. Копают, копают, скажут: «Ну, вдова чёртова, ничего не нашли», и бросали шахту* (ЛТЭК) (с. Черемисское, Октябрьский р-н). *Подлинную историю происхождения термина «вдовий камень» поведал один из ветеранов Хиты (кто и когда не суть важно). В старину хитник в поисках изумрудов бил шурф – «дудку» (небольшой шурф круглого сечения) и, если в породе попадались александриты, бросал ее и уходил на другое место. Известно всем, что где александрит, там изумруды искать бесполезно. «Дудка» без мужика, в ней работа-*

ющего, брошенная, называлась «вдовой». Соответственно, камень из такой «дудки» – вдовий. Все просто и исторически обосновано. А байка с ушедшими на войну и погибшими мужьями – бред полный! Просто совпадение обстоятельств (Хита Ур.).

СИСТЕМ: // **ГЛУХАРЬ**.

ЭТИМОЛ: Метафорическое образование от *вдова* ‘женщина, живущая безбрачно после смерти мужа’.

Примечания

¹ Здесь и далее даются сноски с поясняющей дефиницией к слову, на которое дается ссылка (его значение может быть неочевидным). Такие сноски предусмотрены только в рамках настоящей статьи.

² Здесь и далее перевод с англ. наш. – С. Ж.

Список источников

ЛТЭК – картотека «Лексика, топонимия, этнография камня» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Мин. фор. – Минералогический форум. URL: <https://www.mineralforum.ru/> (дата обращения: 10.02.2022).

Хита Ур. – Хита Среднего Урала. URL: <http://форум.хитник.рф/index.php?sid=3d54964c189fb0b04339dfd7ae643982/> (дата обращения: 10.02.2022).

Список литературы

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.

Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 544 с.

Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. Уральские сказы. Свердловск: Свердл. обл. изд-во, 1963. 272 с.

Бажов П. П. Малахитовая шкатулка: научное издание. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. 896 с.

Березович Е. Л. К изучению нестандартной лексики камня в русском языке: постановка вопроса // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4. С. 9–28. doi 10.15826/izv2.2020.22.4.060

Бирюков В. П. Урал в его живом слове. Свердловск: Свердл. книж. изд-во, 1953. 292 с.

Буканов В. В. Цветные камни и коллекционные минералы: энцикл. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Левша, 2014. 464 с.

Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ: Who is Who по-русски. М.: АСТ-Пресс, 2010. 446 с.

ГС – Геологический словарь: в 3 т. 3-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. О. В. Петров. СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2010–2012.

Жмурко О. И. Лексика природы. Опыт тематического словаря говоров Ивановской области. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2001. 120 с.

Жужгов С. В. К изучению нестандартной лексики камня: обозначения кристаллов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 5–17. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-5-17

Иванова Е. Э. По Чусовой: топонимический словарь. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. 159 с.

Кириллова Т. В. Тематический словарь говоров Тверской области: в 5 вып. Тверь: ТГУ, 2003–2006.

Куликов Б. Ф. Словарь камней-самоцветов. Л.: Недра, 1982. 159 с.

Николашвили М. Н. Названия драгоценных камней в русском языке XI–XXI веков. М.: Спутник+, 2015. 111 с.

Пыляев М. И. Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление. 3-е изд., доп. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1888. 386 с.

Попова Н., Рождественская К. Живители камня. Свердловск, 1950. 148 с.

РСРП – Рыболовный словарь Прикамья / Бакланов М. А. [и др.; науч. ред.: И. А. Подюков]. СПб.: Маматов, 2013. 216 с.

Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка. М.: Дрофа, 2010. 560 с.

Севергин В. М. Подробный словарь минералогический, содержащий в себе подробное изъяснение всех в минералогии употребительных слов и названий, также все в науке сей učinенные новейшие открытия: в 2 т. СПб.: Имп. Акад. наук, 1807. Т. 1. 668 с.; Т. 2. 616 с.

ССД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 5. М.: Междунар. отношения, 2012. 736 с.

СРГСУД – Словарь русских говоров Среднего Урала: дополнения / гл. ред. А. К. Матвеев. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.

ТСРРР – Толковый словарь русской разговорной речи / гл. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.

Шимчук Э. Г. Русская лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2009. 336 с.

Manutchehr-Danai M. Dictionary of Gems and Gemology. Berlin; Heidelberg: Springer Science & Business Media, 2009. 1037 p.

References

Anikin A. E. *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow, *Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ.*, 2007–, issue 1–. (In Russ.)

Atroshenko O. V., Krivoshechpova Yu. A., Osipova K. V. *Russkiy narodnyy kalendar'. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Russian Folk Calendar. An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2015. 544 p. (In Russ.)

Bazhov P. P. *Malakhitovaya shkatulka. Ural'skie skazy* [The Malachite Box. Folk Tales of the Urals]. Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe izdatel'stvo Publ., 1963. 272 p. (In Russ.)

Bazhov P. P. *Malakhitovaya shkatulka* [The Malachite Box]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyy uchenyy Publ., 2019. 896 p. (In Russ.)

Bazhov P. P. *Malakhitovaya shkatulka: nauchnoe izdanie* [The Malachite Box: a scientific publication]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyy Uchenyy Publ., 2019. 896 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. K izucheniyu nonstandartnoy leksiki kamnya v russkom yazyke: postanovka voprosa [On the study of nonstandard mineral vocabulary in the Russian language: Articulation of the issue]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2020, vol. 22, issue 4, pp. 9–28. doi 10.15826/izv2.2020.22.4.060. (In Russ.)

Biryukov V. P. *Ural v ego zhivom slove* [The Urals in the Living Word]. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1953. 292 p. (In Russ.)

Bukanov V. V. *Tsvetnye kamni i kollektsionnye mineraly: entsiklopediya* [Colored Gemstones and Collectors' Minerals: an Encyclopedia]. 3rd rev. and ext. ed. St. Petersburg, Levsha Publ., 2014. 464 p. (In Russ.)

Vorontsova Yu. B. *Slovar' kolektivnykh prozvishch: Who is Who po-russki* [A Dictionary of Collective Nicknames: Who is Who in Russian]. Moscow, AST-Press Publ., 2010. 446 p. (In Russ.)

Geologicheskii slovar' [A Geological Dictionary]. In 3 vols. Ed. by O. V. Petrov. 3rd rev. and ext. ed. St. Petersburg, Russian Geological Research Institute Press, 2010–2012. (In Russ.)

Zhmurko O. I. *Leksika prirody. Opyt tematicheskogo slovaryaya govorov Ivanovskoi oblasti* [Voca-

bulary of Nature. An Experience of Compiling a Thematic Dialect Dictionary of the Ivanovo Region]. Ivanovo, Ivanovo State University Press, 2001. 120 p. (In Russ.)

Zhuzhgov S. V. K izucheniyu nonstandartnoy leksiki kamnya: oboznacheniya kristallov [On the Study of Nonstandard Mineral Vocabulary: The Names of Crystals]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 5–17. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-5-17. (In Russ.)

Ivanova E. E. *Po Chusovoy: toponimicheskiy slovar'* [Along the Chusovaya River: A Toponymic Dictionary]. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2014. 159 p. (In Russ.)

Kirillova T. V. *Tematicheskiy slovar' govorov Tverskoy oblasti* [A Thematic Dictionary of the Tver Region Dialects]. In 5 issues. Tver, Tver State University Press, 2003–2006. (In Russ.)

Kulikov B. F. *Slovar' kamney-samotsvetov* [A Dictionary of Gemstones]. Leningrad, Nedra Publ., 1982. 159 p. (In Russ.)

Nikolashvili M. N. *Nazvaniya dragotsennykh kamney v russkom yazyke XI–XXI vekov* [Gemstone Names in the Russian Language of the 11th–21st Centuries]. Moscow, Sputnik + Publ., 2015. 111 p. (In Russ.)

Pylyayev M. I. *Dragotsennye kamni. Ikh svoystva, mestonakhozhdeniya i upotrebleniye* [Precious Stones. Their Properties, Deposit Sites and Usage]. 3rd ext. ed. St. Petersburg, Publishing House of A. S. Suvorin, 1888. 386 p. (In Russ.)

Popova N., Rozhdestvenskaya K. *Zhiviteli kamnya* [Those Bringing Life to Stones]. Sverdlovsk, 1950. 148 p. (In Russ.)

Rybolovnyy slovar' Prikam'ya [A Fishery Dictionary of the Kama Region]. St. Petersburg, Mamatov Publ., 2013. 216 p. (In Russ.)

Sayakhova L. G., Khasanova D. M., Morkovkin V. V. *A Tematicheskiy slovar' russkogo yazyka*

[A Thematic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Drofa Publ., 2010. 560 p. (In Russ.)

Severgin V. M. *Podrobnyy slovar' mineralogicheskoy, sodержashchiy v sebe podrobnoe iz'yasnenie vseh v mineralogii upotrebitel'nykh slov i nazvaniy, takzhe vse v nauke sey uchinennye novyeshie otkrytiya* [A Detailed Mineralogical Dictionary Containing a Detailed Explanation of All the Words and Names Used in Mineralogy, As Well As All the Newest Discoveries Made in This Science]. In 2 vols. St. Petersburg, The Imperial Academy of Sciences Publ., 1807, vol. 1. 668 p.; vol. 2. 616 p. (In Russ.)

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvistiicheskiy slovar' [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Moscow, International Relations Publisher, 2012, vol. 5. 736 p. (In Russ.)

Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: dopolneniya [A Russian Dialect Dictionary of the Middle Urals: A Supplement]. Ed. by A. K. Matveev. Yekaterinburg, Ural University Press, 1996. 580 p. (In Russ.)

Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoj rechi [An Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech]. Ed. by L. P. Krysin. Moscow, LRC Publishing House, 2014. 776 p. (In Russ.)

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkluyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov [The Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information About the Origin of Words]. Moscow, 'Azbukovnik' Publ., 2011. 1175 p. (In Russ.)

Shimchuk E. G. *Russkaya leksikografiya: uchebnoye posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshykh uchebnykh zavedeniy* [Russian Lexicography: A Learning Guide for Philological Faculty Students]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 336 p. (In Russ.)

Manutchehr-Danai M. *Dictionary of Gems and Gemology*. Berlin, Heidelberg, Springer Science & Business Media Publ., 2009. 1037 p. (In Eng.)

The Project of a Nonstandard Mineral Vocabulary Dictionary

Sergey V. Zhuzhgov

**Postgraduate Student at the Department of Russian Language,
General Linguistics and Verbal Communication**

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, prospect Lenina, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. sergey_zhuzhgov@mail.ru

SPIN-code: 7669-3080

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2328-0063>

ResearcherID: ABU-7551-2022

Submitted 05 Mar 2023

Revised 10 Mar 2023

Accepted 10 Apr 2023

For citation

Zhuzhgov S. V. Proekt tolkovogo slovarya nonstandartnoy leksiki kamnya [The Project of a Nonstandard Mineral Vocabulary Dictionary]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 40–52. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-40-52 (In Russ.)

Abstract. The article discusses in detail the possibilities for lexicographic description of nonstandard mineral vocabulary, i. e. those names of minerals, colloid minerals, geological materials and related objects and phenomena that do not fall under official international mineralogical terminology. The author is developing a project of an explanatory dictionary based on field materials from the card index on stone vocabulary, toponymy and ethnography (the index is created by the staff of the Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University). The material was collected in 2019–2023 during expeditions in the Middle and South Urals. It was gathered through interviews with geologists, stonecutters, jewellers, and other groups of stone lovers. The article describes the advantages of the explanatory dictionary as the type of dictionary appropriate for the vocabulary in question, explains the objectives of the dictionary and special aspects of material selection, describes the dictionary contents and the structure of dictionary entries, provides sample entries. These are devoted to the following thematic groups: ‘low-quality mineral, non-precious mineral’, ‘imitative, artificial mineral’, ‘non-productive, barren lode’. Special attention in the dictionary entries is paid to motivational and etymological data. The article appears to be an important contribution to lexicography and to the study of the new, little-explored vocabulary layer. The card index will further be supplemented. It is hoped that the nonstandard mineral vocabulary dictionary will be published and prove to be useful both for specialists (linguists and geologists) and for the general reader, currently having poor access to verified academic information on stone vocabulary.

Key words: nonstandard mineral vocabulary; gemstone names; Middle Urals; lexicography; explanatory dictionary.

UDC 811'373.43(111+133.1)
doi 10.17072/2073-6681-2023-2-53-61

Corpus-Based Analysis of French and English Neologisms in Media Discourse

Natalia M. Nepomniashchikh

**Associate Professor in the Department of Foreign Languages in Theory and Practice
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)**

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. nepomnyashchikh-nm@rudn.ru

SPIN-code: 5488-5346

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6235-6534>

ResearcherID: AES-0675-2022

Anna S. Zhandarova

Master's Student at the Department of Romance Philology

Moscow Region State Pedagogical University

24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation. annazhandarova@mail.ru

SPIN-code: 5168-7480

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1307-954X>

ResearcherID: HKN-9040-2023

Andrey S. Korzin

Assistant Lecturer in the Department of Foreign Languages

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. korzin-as@rudn.ru

SPIN-code: 8229-7233

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2441-7954>

ResearcherID: AAB-6520-2022

Submitted 19 Jan 2023

Revised 18 Feb 2023

Accepted 05 Mar 2023

For citation

Nepomniashchikh N. M., Zhandarova A. S., Korzin A. S. Corpus-Based Analysis of French and English Neologisms in Media Discourse. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 53–61. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-53-61 (In Eng.)

Abstract. Language development is an ongoing process, and changes occur at all levels of the language. This article discusses the changes in the lexical composition of French and English, namely neologisms. Media discourse was chosen as the material for the study because it is characterized by a high dynamism of changes and reflects, interprets many new phenomena of objective reality, with new language structures used to describe them. The study was based on linguistic data from Néoveille and WebCorp platforms. In addition to quantitative and distributive methods, a qualitative and component analysis of neologisms was applied to their word-formation models and connotations. In 2022 the most frequent neologisms in French were personnes-années, demies-journées, grande-reporters, and tout-mots, in English – liveaboard, micro-mobility, effective altruism, and tomato flu. Additionally, some neologisms were analyzed in context. In 2022 metaphorical neologisms were found to be more common in English than in French. Neologisms appear more often in contexts that are related to technology and politics. Based on the study, lists of the most common neologisms were compiled, which can be used in the teaching of foreign languages at high levels. Undoubtedly, it is necessary to further study neologisms that appear in different languages and the ways of

detecting them in various texts because, despite the high level of development of the tools of computational and corpus linguistics, their methods and tools still have limitations and shortcomings that require an expert assessment of the results obtained.

Key words: media discourse; neologisms; corpus linguistics; diachronic perspective; dynamic corpus.

Introduction

The study of discourse is of significant interest to researchers. The main principles of the study of discourse are related to the French school, which combines historical, philosophical, and psychoanalytic aspects. The study of discourse allows researchers to learn the language as a means of transmitting a worldview in an analyzed social context. Media discourse plays an important role in creating public opinion, which is emphasized in M. Edelman's linguopolistic concept, presuming that any language can shape social moods and that the choice of lexical units can have manipulative aspects. Therefore, the problem of choosing lexical means is still pertinent, and neologisms have recently become subjects of linguistic research [Edelman 1985; Edelman 2013]. I. A. Vorobyova studied the degree of influence of neologisms on sociopolitical changes [Vorob'yova 2019]. V. I. Zabotkina, J. Anderson and K. Malmkjær explored the peculiarities of the terminology associated with neologisms [Zabotkina 1982; Anderson, Malmkjær 1995]. I. V. Skuratov established the typology of neologisms in modern French and analyzed them from the standpoint of sociolinguistics [Skuratov 2006]. Despite increased interest, the problem of methodology for studying neologisms remains relevant because of the variability of the language.

Linguistic corpora serve as a source of information regarding the number of occurrences of lexical units. It also provides the context in which words are used. The implementation of corpora helps in gaining access to the culture and ideology of the studied language. The corpus-based approach reveals the linguistic features of the text; it contains quantitative data on the grammatical, stylistic, and syntactic attributes of lexical units.

This article aims to study how a corpus-based approach can be applied to analyse neologisms in French and English media. Within the scope of this study, neologisms were analyzed in relation to the context and means of their formation. Another purpose of this research is to create a frequency list of common neologisms in the French and English media.

Literature Review

The term "discourse" is applied in several fields of modern science, such as philosophy, sociology, literature, and linguistics. Currently, there are several approaches to defining this term. In American linguistics, discourse is considered a connected seg-

ment that is longer than a sentence [Anderson, Malmkjær 2006]. Discourse is closely related to the use of language in various social contexts as well as the interactions between participants of the speech act. Discourse is associated with the French School because it merges the historical, philosophical, and psychoanalytic aspects of this phenomenon [van Dijk 1998]. In linguistics, discourse describes the use of the language in its models and dynamics. The theory of discourse was developed by P. Serio and T. van Dijk [Serio 2002; van Dijk 1998]. T. van Dijk introduced cognitive discourse studies and mentioned that discourse is a communicative event, considered as a combination of linguistic form, cognitive structure, and speech act [van Dijk 1998]. In Russian linguistics, there is a similar definition of discourse; it is regarded as a complex communicative event that includes the text itself and extralinguistic factors, such as the speakers' intentions and points of views [Karaulov 1981].

Media discourse is connected to political discourse as it aims to report and comment on information about events that occur in society, including political aspects. Therefore, media discourse plays an important role in sharing public opinion and political situations [Filippovich, Prokhorov 2002]. M. S. Kardumyan suggests that media discourse and political discourse have several similar features; for example, they both target mass audiences and aim to describe cultural contexts. Another feature of political discourse is that it is situational and media discourse [Kardumyan 2010]. According to American politologist Murray Edelman, political language is the "language of the political phenomena that take place in society" [Edelman 1985: 34]. At the same time, he believes that this term is not only a means of nomination and description of political actions but is also considered a part of them. Later, Russian researchers introduced a wider explanation of this term; for instance, T. V. Kisileva points out that political language is a special subsystem of the national language used in political communication, and the vocabulary of the language reflects socio-political processes [Kisileva 1997; Rozen 2009].

Ozhegov's dictionary defines neologisms as "new words or expressions as well as the new meaning of an old word" [Ozhegov 2000: 487]. Russian and foreign researchers have provided similar definitions. For example, V. I. Zabotkina suggested that neologisms are lexical units that combine the novelty of form and content [Zabotkina 1982]. According to J. Anderson and K. Malmkjær, neologisms have

recently been introduced into language vocabulary. A lexical unit should be understood as any type of lexeme including single-word units, multiword expressions, and abbreviations [Anderson, Malmkjær 2006; Bragina 1973, Lopatin 1973].

Material and methods

Corpus linguistics is a branch of modern linguistics that has developed rapidly and continuously. This includes the implementation of corpora to analyze textual data. M. S. Kogan, V. P. Zakharov, N. V. Popova, N. I. Almazova study the impact of corpus linguistics in language teaching in Russia's educational context [Kogan et al. 2020; Zakharov et al. 2020]. The authors considered corpora as part of the Data-Driven Learning (DDL) approach, which requires quantitative data to prove theories [Chujo et al. 2012; O'Halloran, 2010]. At the same time implementation of corpora can be divided in two different approaches: Corpus-Based Approach (CBA) and Corpus-Driven Approach (CDA). The corpus-based approach is deductive because it uses corpora to test the hypotheses. According to V. P. Zakharov, corpus linguistics is not just a methodology but also a distinct scientific field that is in the process of development. This can also illustrate its dual nature. On the one hand, corpus linguistics studies methods and approaches of implementation of corpora [Biber, Finegan 2014]. On the other hand, corpus linguistics develops a process for creating corpora [Kogan et al. 2020].

The study of neologisms can be challenging because these lexical units are not widely represented in general languages, and the implementation of corpora overcomes this challenge as it provides patterns and lexical units in context, which helps to analyze not only the word itself but also the context. J. Firth paid special attention to context and semantics; according to him, words should be studied in context [Firth 1949].

Néoveille was used to perform a quantitative analysis of the French neologisms. Néoveille is a platform that automatically detects neologisms in a dynamic corpora. This platform was introduced in 2015 as a collaboration between several universities, such as the COMUE Sorbonne Paris Cité and the University of Sao Paulo. Néoveille supports seven languages (French, Greek, Polish, Portugal, Czech, Chinese, and Russian) [Cartier 2017]. The main advantage of dynamic corpora is the possibility of retrieving the relevant information. The general architecture of Néoveille aims to reproduce language discourse flow. The platform collects text data from web sources and performs pre-processing.

WebCorp was used to retrieve data and information about the absolute frequency of lexical units

presented in New Words by Cambridge dictionary. WebCorp was developed by the Research and Development Unit for English Studies at the University of Central England, Birmingham. This allows the users to obtain raw data from the web. WebCorp is a dynamic corpus that can process journalistic texts chronologically and provides a large amount of information about contemporary language, which allows the analysis of the frequency of occurrences of neologisms [Renouf, Kehoe, Banerjee 2007].

Results

Internet neologisms can be considered a new lexical unit; they affect the linguistic expression of objective reality and are constantly changing under the impact of a new means of communication – the Internet. During the study, the frequency of Internet neologisms was compiled and analyzed. This list includes lexical units that have appeared in the French media discourse over the last five years.

Table 1

Top 26 neologisms of 2022

Rank	Lexical unit	Frequency
1	personnes-années	2522
2	demies-journées	2207
3	grande-reporter	1709
4	tout-mots	799
5	voiture-parking	589
6	effet-prix	587
7	ateliers-conférences	484
8	personnels-résidents	136
9	vidéo-témoin	133
10	pair-impair	128
11	médecin-infectiologue	128
12	sous-reconnus	117
13	sous-blocs	101
14	quasi-membre	96
15	bar-boutique	80
16	tours-bus	78
17	pseudo-théories	37
18	pain-chocolatine	27
19	mi-pompe	27
20	débunkées	26
21	élèves-journalistes	25
22	squirts	23
23	couvert-bar	21
24	tchéco-russes	18
25	non-égalitaires	17
26	weezevent	16

Table 1 contains information about the 26 most frequent neologisms in the modern French media discourse in 2022. The most frequent neologisms are: *personnes-années* (2522), *demies-journées* (2207), *grande-reporter* (1709), *tout-mots* (799), *voiture-parking* (589), *effet-prix* (587), *ateliers-*

conférences (484). The least frequent neologisms are: *weezevent* (16), *non-égalitaires* (17), *tchécorusses* (18), *couvert-bar* (21), *squirts* (23). The most commonly used lexical unit is *personnes-années* (2522), it is found in *Le Journal de Québec*, *Futura Sciences*, *Science et Avenir*, *Le Journal de Montréal*, *Science et Santé*, *Le Monde*, *La Croix*, *Libération*, *Le Point*, *Midi Libre*. This neologism is formed through compounding. Some examples of the lexical unit use are presented below:

(1) *Cette différence est encore plus spectaculaire dans la population âgée de plus de 80 ans : alors qu'il y a 420 décès pour 10 000 personnes-années chez les non-vaccinés, seulement 14 décès pour 10 000 personnes-années sont observés chez les doublements vaccinés, soit 30 fois moins* [Béliveau 2021].

The neologism *personnes-années* is used to refer to people of older age, when analyzing the examples, it can be assumed this expression belongs to topic of science and medicine, this lexical unit can be considered politically correct. The lexical unit *demies-journées* refers to the theme of sport and it is found in media like *Sportregions.fr*, *Le Journal de Saone et Loire Réinitialiser*, *Le Dauphiné Libéré Réinitialiser*, *Sud-Ouest Réinitialiser*, *La voix du nord*. This neologism was also formed by composition. However, not only were French lexical units used in compound neologisms, but also borrowings from other languages. For example, the neologism *voiture-parking* is formed as a result of the compounding of the French noun *la voiture* and the English noun *parking*. This lexical unit appears in the following media resources: *Le Dauphiné Libéré*, *L'Indépendant*, *La Dépêche de Kabylie*, *L'Express*, *Le Figaro*, *Le Télégramme*, *Midi Libre*, *Santé Magazine*, *L'Est Républicain*.

It is presumed that the most common ways to form Internet neologisms in French media discourse are by compounding and borrowing. At the same time, the origin of borrowing lies not only in English. For example, the neologism *liquamat* originates in Greek, which is also found in *Courrier International*. An example of the use of this term is presented below:

(2) *La lokma [aussi appelée luqaimat, ou loukoumas en Grèce], est généralement dégustée après l'iftar [la rupture du jeûne] et la prière de tarawih* [Courrier International 2022].

Nevertheless, the most common are borrowings from English. For example, the lexical unit *science-fiction* is formed as a result of the compounding of two English nouns, *science* and *fiction*.

(3) *Ce mardi en avant-première dans "Sur vos écrans", le podcast ciné/séries de L'Indépendant, on vous conseille "Le visiteur du futur" la comédie de*

science-fiction du jeune réalisateur de 37 ans François Descraques qui rajeunit le cinéma français [Bonet 2022].

Table 2

Top 20 neologisms from 2016 to 2022

Rank	Lexical Unit	Frequency	Date
1	cookie	31797	18.03.2016 18:13
2	smartphone	26273	10.05.2017 15:37
3	qualif	16371	21.03.2016 06:27
4	adopters	16070	25.03.2016 16:35
5	coaching	13087	18.03.2016 18:12
6	loi-travail	12043	24.03.2016 16:29
7	appart	10626	18.03.2016 18:13
8	brexiters	10099	09.05.2016 12:21
9	reporting	9803	18.03.2016 18:13
10	composable	9081	06.06.2016 12:10
11	revendable	8055	06.07.2016 12:17
12	instagramable	7297	11.08.2016 06:19
13	provoc	4988	21.03.2016 00:43
14	sollicitable	4807	18.03.2016 18:13
15	covid	4683	02.03.2020 23:20
16	macroniste	4116	08.06.2016 18:38
17	cybersécurité	3444	25.06.2018 23:15
18	lobbying	3262	21.03.2016 20:30
19	macronistes	3234	22.04.2016 20:35
20	ex-chef	3032	10.05.2017 23:34

Table 2 presents a frequency list of French neologisms that appeared in media discourse from 2016 to 2022. The lexical units were sorted according to their absolute frequency. The most common neologisms appeared in the French media discourse in 2016. The column «Date» contains the date and the time of the first appearance of the neologism in the media, it can be assumed that the most common lexical units are: *cookie* (31797), *smartphone* (26205), *qualif* (16371), *adopters* (16070), *coaching* (13087), *loi-travail* (12043), *appart* (12043). The least frequent words were *vintagemania* (1), *sub-genre* (1), *straping* (1), *ultrarobuste* (1), *conseil-marathon* (1), and others. Probably, these lexical units can be considered the author's occasionalisms since their absolute frequency equals one. The lexical units presented in Table 2 refer to both technology and politics. Neologisms *cookie*, *smartphone*, *adopters*, *reporting*, *coaching*, *lobbying*, and *brexiters* appeared as a result of borrowing from English. Word *macronistes* is formed with the mean of suffixation, this neologism is used in relation to French president Emmanuel Macron, this lexical unit first appeared in media discourse in 2016 during the election.

The online resource of the Cambridge Dictionary New Words was used for the quantitative analysis of neologisms in the English language. This platform publishes daily information about lexical units that have recently appeared in the English language.

Table 3

Top 30 English neologisms in 2022

Rank	Lexical Unit	Frequency
1	liveaboard	1262
2	micromobility	1165
3	effective altruism	961
4	tomato flu	665
5	brown noise	562
6	spiritual bath	547
7	romantasy	401
8	hoverbike	383
9	barkitecture	364
10	superskinny	239
11	inactivist	238
12	motion pillow	218
13	nepo baby	178
14	wearapy	118
15	nap box	114
16	silver exodus	80
17	flying ferry	77
18	sidescraper	56
19	stealth help	49
20	thrifitarian	41
21	sibling novel	33
22	milestone anxiety	30
23	sea allotment	30
25	momtern	28
26	super-smeller	26
27	moth motorway	23
28	scream pot	18
29	disco nanny	2
30	luxury detective	1

Table 3 contains data on the number of occurrences of lexical units, which are sorted in descending order. The most frequent lexical units are: *liveaboard* (1262), *micromobility* (1165), *effective altruism* (961), *tomato flu* (665), *brown noise* (562), *spiritual bath* (547). The least frequent neologisms are: *luxury detective* (1), *disco nanny* (2), *scream pot* (18), *moth motorway* (23), *super-smeller* (26). The most common neologism is *liveboat* (1262), which appeared in the media in August 2022 and describes people who live permanently on a ship.

(4) *The couple are currently in Greece, “a seagoing nation” they adore for its free mooring and the warm welcome extended to liveaboards. They dropped anchor on the small island of Meganisi when Covid struck but plan to cruise on towards Turkey. “Loads of liveaboards want to lap the world in five years or whatever,” Natalie says. “But we like to get to know new places rather than mindlessly circumnavigating the globe* [Howard 2022].

Analysing the example (5), it can be presumed that the lexical unit *liveboard* has a positive connotation, epithets *free mooring* and *warm welcome* illustrate this, and verbs like *adore* also contribute to the

formation of a positive connotation. The neologism *liveboat* is created by compounding the verb *live* and the noun *board*.

Another example is the neologism *micromobility* (1165), which refers to the use of small vehicles for short-distance travel.

(5) *Micromobility devices may be privately owned but are often shared-use vehicles that are maintained by a municipal government or private entity. Micromobility devices are particularly appealing to residents of densely populated areas, as they provide quick and convenient transportation to nearby destinations such as grocery stores, shops, or entertainment venues* [Locke 2022].

The neologism *micromobility* is formed as a result of prefixation. Table 2 includes not only words but also collocations such as *effective altruism*. This lexical unit refers to an activist movement and study that aims to develop the best way to help people solve global problems.

(6) *In the past few years, effective altruism has become the giving philosophy for many Silicon Valley programmers, hedge funders, and even tech billionaires. At its core, effective altruism is devoted to the question of how one can do as much good as possible with the money and time available to them* [Kulish 2022].

The collocation *tomato flu* has also become common recently and describes a disease during which patients experience redness on the skin, which can be considered a metaphorical neologism since the meaning of colour is transferred.

(7) *Ever since COVID-19 was declared a global pandemic, people have been more concerned than ever about potential disease threats. The newest of these is called «tomato flu», and has affected over 100 children in India, according to a recent correspondence in The Lancet. The authors report that tomato flu, likely a viral disease, was first identified in the Kollam district of Kerala, India on May 6, 2022* [Citroner 2022].

The neologism *tomato flu* is more often used in scientific discourse than in media discourse, which may be a consequence of the specifics of the topic, suitable for a certain target audience.

The lexical unit of *romantasy* is formed by compounding two nouns, *romance* and *fantasy*. Neologism denotes a genre of books that contains elements of fantasy and romance novels. The word *romantasy* first appeared in The Book Seller magazine in August 2022.

(8) *Rosie is a distinctively talented author, and this is a once-in-a-lifetime acquisition. Sixteen Souls is a swoony romantasy where Rosie has intricately plotted a stunning mystery with a fantastically diverse cast of characters. With Rosie’s TikTok platform and job as a bookseller, she has a masterful understand-*

ing of the YA market and is uniquely placed to reach a strikingly engaged readership [Bayley 2022].

The lexical unit *romantasy* is used in a positive connotation, as indicated by epithets *swoony romantasy* and the hyperbole *stunning mystery with a fantastically diverse cast of characters*.

The neologism *inactivist* is formed as a result of affixation using the prefix *in-* with a negative meaning and the noun *activist*. This lexical unit appeared in the *Nesta* magazine in January 2022. The time of its appearance coincided with the period of activity of the environmental movement, which was trying to draw public attention to the problem of the climate crisis. At the same time, the neologism *inactivist* can be used not only in relation to environmental activists but also to other political and social groups.

Discussion

The results indicated that French Internet neologisms were mostly formed as a result of borrowing and compounding. However, borrowings originate not only from English, but also from other languages. According to the results, lexical units can be borrowed from Greek and Japanese. French neologisms primarily refer to technology and politics. The results demonstrated that among the analyzed examples of English neologisms, there are not only words but also collocations; words are mostly formed with compounding and affixation, and they also refer to technology and politics. The findings provide evidence that the topics of neologisms are broadly comparable in French and English; similar topics are politics and technology. Neologisms extracted from the Néoville dynamic corpus from 2015 to 2022 indicate that the most common neologisms appeared in 2016 [Cartier 2017]. The majority of lexical units corresponding to the topic of technology and political neologisms are also represented.

The results agree well with the previous studies wherein E. Cartier, J. F. Sablayrolles, N. Boutmgharine, J. Humbley, M. Bertocci, C. Jacquet-Pfau, N. Kübler, G. Tallarico automatically detected neologisms in the corpus of contemporary French language, according to authors the most productive ways of forming neologisms are: prefixation, compounding, borrowing and suffixation [Cartier et al. 2018]. A similar conclusion was reached by A. Y. Golubeva, who discovered new politically correct lexical units [Golubeva 2019]. French Neologism *personnes-années* denotes people of older age. This illustrates the tendency to extend politically correct discourse. This correlates with Edelman's linguopolitical concept. According to this concept, language is the center of social and political processes, as it influences people's ways of thinking.

The results of this study can be applied to teaching French and English. Frequency lists consisting

of neologisms and concordances extracted from media discourse can be used as authentic materials for developing intercultural competence [Galskova, Gez 2005; Nosonovich, Milrud 1999].

Although the corpus-based approach is widely accepted, it suffers from some limitations owing to the data-extraction process. In some cases, there are a certain number of inaccuracies in the linguistic descriptions of lexical units. This limitation can be overcome by manually reviewing data. Another limitation is associated with the architecture of WebCorp, which was used to perform a quantitative analysis of English neologisms [Renouf, Kehoe, Banerjee 2007]. WebCorp only provides users with linguistic data collected from the following search engines: Bing, Bing News, and The Guardian Open Platform, which leads to the compilation of the dynamic corpus with text from a limited quantity of sources. To overcome this limitation, the further development of dynamic corpora is required.

Conclusion

In modern linguistics, language is considered as a complex and constantly changing system, in which the processes of development and improvement do not stop. Changes occur most often in the language vocabulary. The need for change can be explained by the fact that lexis reflects objective reality; it also illustrates the socio-political situation in the country. The linguistic picture of the word demonstrates the changes taking place in society as well as the results of these changes. An analysis of the language development makes it possible to answer the questions about the means of new words formation and the needs of society.

An attempt was made to create frequency lists of the most common neologisms in French and English discourse. Despite these limitations, the corpus-based approach was effective for the quantitative analysis of neologisms. This allowed to obtain information on the absolute frequencies of lexical units and their contexts. Further research is needed on this topic along with the development of dynamic corpora. The current study could serve as a basis for a novel investigation into the implementation of corpus-based approaches in the study of neologisms in media discourse.

References

- Malmkjær K. (ed.) The Routledge Linguistics Encyclopedia. Routledge, 2009. 600 p.
- Bayley S. Scholastic falls for BookTok star and Waterstones bookseller Talbot's 'spooky romantasy'. *The Book Seller*. Available at: <https://www.thebookseller.com/rights/scholastic-falls-for-booktok-star-and-waterstones-bookseller-talbots-spooky-romantasy> (accessed 21 Nov 2022). (In Eng.)

- Béliveau R. Réduction spectaculaire de la mortalité par la double vaccination contre la COVID-19 [Spectacular reduction in mortality from double vaccination against COVID-19]. *Le Journal de Montréal*. Available at: <https://www.journaldemontreal.com/2021/11/08/reduction-spectaculaire-de-la-mortalite-par-la-double-vaccination-contre-la-covid-19> (accessed 20 Nov 2022). (In Fr.)
- Biber D., Finegan E. On the exploitation of computerized corpora in variation studies. *English Corpus Linguistics*. Routledge, 2014, pp. 216–232. (In Eng.)
- Bonnet F. Le visiteur du futur, la comédie de science-fiction qui rajeunit le cinéma français [The visitor from the future, the science fiction comedy that rejuvenates French cinema]. *L'Indépendant*. Available at: <https://www.lindependant.fr/2022/09/06/le-visiteur-du-futur-la-comedie-de-science-fiction-qui-rajeunit-le-cinema-francais-10524155.php> (accessed 20 Nov 2022) (In Fr.)
- Bragina A. A. Neologizmy v russkom yazyke [Neologisms in the Russian Language: a course book for students and teachers]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1973. 224 p. (In Russ.)
- Cartier E., Sablayrolles J. F., Boutmgharine N., Humbley J., Bertocci M., Jacquet-Pfau C., Tallarico G. Détection automatique, description linguistique et suivi des néologismes en corpus: point d'étape sur les tendances du français contemporain [Automatic detection, linguistic description, and monitoring of neologisms in corpus: An overview of trends in modern French]. *SHS Web of Conferences*. EDP Sciences, 2018, vol. 46, article number 08002 (In Fr.)
- Cartier E. Neoveille, a web platform for neologism tracking. *Proceedings of the Software Demonstrations of the 15th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics*, 2017, pp. 95–98. (In Eng.)
- Chujo K., Anthony L., Oghigian K., Uchibori A. Paper-based, computer-based, and combined data-driven learning using a web-based concordance. *Language Education in Asia*, 2012, vol. 3, issue 2, pp. 132–145. (In Eng.)
- Le Courier des recettes. Deux desserts du Moyen-Orient pour célébrer l'Aïd El-Fitr [The Recipe Courier. Two Middle Eastern desserts to celebrate Eid El-Fitr]. *Courrier International*, 2022. Available at: <https://www.courrierinternational.com/article/le-courrier-des-recettes-deux-desserts-du-moyen-orient-pour-celebrer-l-aid-el-fitr> (accessed 20 Nov 2022). (In Fr.)
- Edelman M. Political language and political reality. PS: *Political Science & Politics*, 1985, vol. 18, issue 1, pp. 10–19. (In Eng.)
- Edelman M. *Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail*. Elsevier, 2013. (In Eng.)
- Filippovich Yu. N., Prokhorov A. V. Semantika informatsionnykh tekhnologiy: Opyty slovarno-tezaurusnogo opisaniya [Semantics of Information Technology: Experiments with Thesaurus and Dictionary Definitions]. Moscow, Moscow State University of Printing Arts of Ivan Fedorov Press, 2002. 368 p. (In Russ.)
- Firth J. R. The Semantics of Linguistic Science. *Lingua*, 1949, vol. 1, pp. 393–404. (In Eng.)
- Galskova N. D., Gez N. I. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika* [Theory of Teaching Foreign Languages: Linguodidactics and Methods]. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
- Golubeva A. Yu. Leksicheskaya dinamika frantsuzskikh neologizmov v nachale XXI veka [Lexical dynamics of French neologisms at the beginning of the 21st century]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2019, vol. 8, issue 4(29), pp. 207–210. (In Russ.)
- Howard S. 'We feel truly alive': meet the 'liveaboards' sailing away to a new life. *The Guardian*, 2022, 28 August. Available at: <https://www.theguardian.com/travel/2022/aug/28/we-feel-truly-alive-meet-the-liveaboards-sailing-away-to-a-new-life> (accessed 21 Nov 2022). (In Eng.)
- Karaulov Yu. N. *Lingvisticheskoe konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo yazyka* [Linguistic Construction and a Thesaurus of Literary Language]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 366 p. (In Russ.)
- Kardumyan M. S. Diskurs mass-media: osnovnye priznaki, kharakteristiki i funktsii [Mass-media discourse: main features, characteristics and functions]. *Yazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse], 2010, issue 8, pp. 385–394. (In Russ.)
- Kiseleva T. V. Kommunikativnaya korrektnost' v yazykovoy kartine mira [Communicative correctness in the language picture of the world]. *Yazykovaya semantika i obraz mira. Kniga 1*. [Language Semantics and the Picture of the World. Book 1]. Kazan, 1997, pp. 115–117. (In Russ.)
- Kogan M., Zakharov V., Popova N., Almazova N. The impact of corpus linguistics on language teaching in Russia's educational context: systematic literature review. *International Conference on Human-Computer Interaction*. Springer, Cham, 2020, pp. 339–355. (In Eng.)
- Kulish N. How a Scottish moral philosopher got Elon Musk's number. *New York Times*, 2022, 8 October. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/10/08/business/effective-altruism-elon-musk.html> (accessed 21 Nov 2022). (In Eng.)
- Locke J. What is micromobility and what is the market for developers? Available at: <https://www.digi.com/blog/post/what-is-micromobility> (accessed 21 Nov 2022). (In Eng.)
- Lopatin V. V. *Rozhdenie slova: neologizmy i okazional'nye obrazovaniya* [The Birth of the Word: Neologisms and Occasional Formations]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 152 p. (In Russ.)

Nosonovich E. V., Mil'rud R. P. Parametry autentichnogo uchebnogo teksta [Parameters of authentic educational text]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign Languages at School], 1999, issue 1, pp. 18–23. (In Russ.)

O'Halloran K. How to use corpus linguistics in the study of media discourse. *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. Routledge, 2010, pp. 563–577. (In Eng.)

Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 4th ext. ed. Moscow, Azbukovnik Publ., 2020. 944 p. (In Russ.)

Renouf A., Kehoe A., Banerjee J. WebCorp: an integrated system for web text search. *Corpus Linguistics and the Web*. Brill, 2007, vol. 59, pp. 47–67. (In Eng.)

Rozen E. V. *Novye slova i ustoychivye slovosochetaniya* [New Words and Collocations]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 2009. 187 p. (In Russ.)

Serio P. *Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of Meaning: The French School of Discourse Analysis]. Moscow, Progress Publ., 2002. 416 p. (In Russ.)

Skuratov I. V. *Tipologicheskaya kharakteristika neologizmov v sovremennom razgovornom i de-*

lovom frantsuzskom yazyke: lingvisticheskiy i sotsiolingvisticheskiy aspekty [Typological characteristics of neologisms in modern colloquial and business French: linguistic and sociolinguistic aspects. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 406 p. (In Russ.)

van Dijk T. A. Towards a theory of context and experience models in discourse processing. *The Construction of Mental Models During Reading*. Ed. by H. van Oostendorp and S. Goldman. Hillsdale, New Jersey, Erlbaum, 1997, pp. 123–148.

Vorob'eva I. A. Ponyatie 'neologizm', klassifikatsiya neologizmov v angliyskom yazyke [The concept of 'neologism', the classification of neologisms in English]. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law], 2019, issue 3(101), pp. 158–166. (In Russ.)

Zabotkina V. I. *Novaya leksika sovremennogo angliyskogo yazyka* [New Vocabulary of Modern English]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982. 128 p. (In Russ.)

Zakharov V. P., Bogdanova S. Yu. *Methods in Corpus Linguistics: Course book*. 3rd rev. ed. St. Petersburg, Saint Petersburg University Press, 2020. 234 p. (In Russ.)

Корпусно-ориентированный анализ французских и английских неологизмов в медиадискурсе

Наталья Максимовна Непомнящих

к. филол. н., доцент кафедры теории и практики иностранных языков

Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. nepomnyashchikh-nm@rudn.ru

SPIN-код: 5488-5346

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6235-6534>

ResearcherID: AES-0675-2022

Анна Сергеевна Жандарова

магистрант кафедры романской филологии

Московский государственный областной педагогический университет

141014, Россия, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24. annazhandarova@mail.ru

SPIN-код: 5168-7480

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1307-954X>

ResearcherID: HKN-9040-2023

Андрей Сергеевич Корзин

ассистент кафедры иностранных языков

Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. korzin-as@rudn.ru

SPIN-код: 8229-7233

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2441-7954>

ResearcherID: AAB-6520-2022

Статья поступила в редакцию 19.01.2023

Одобрена после рецензирования 18.02.2023

Принята к публикации 05.03.2023

Информация для цитирования

Непомнящих Н. М., Жандарова А. С., Корзин А. С. Корпусно-ориентированный анализ французских и английских неологизмов в медиадискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 53–61. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-53-61

Аннотация. Развитие языка – это непрекращающийся процесс, причем изменения происходят на всех его уровнях. В статье рассматриваются изменения в лексическом составе французского и английского языков, а именно неологизмы. В качестве материала исследования выбран медиадискурс, поскольку он характеризуется высокой динамичностью изменений и отражает, осмысляет многие новые явления объективной реальности и для этого используются новые языковые структуры. Для проведения исследования применены платформы Néoveille и WebCorp. Помимо количественных и дистрибутивных методов использован качественный и компонентный анализ неологизмов, а именно их словообразовательных моделей и коннотаций. Установлено, что в 2022 г. самые частые неологизмы во французском языке – это *personnes-années*, *demies-journées*, *grande-reporter* и *tout-mots*, в английском – *liveaboard*, *micromobility*, *effective altruism* и *tomato flu*. Дополнительно проанализированы некоторые неологизмы в контексте. Обнаружено, что в 2022 г. метафорические неологизмы были более распространены в английском языке, чем во французском. Неологизмы чаще появлялись в контекстах, связанных с наукой и техникой, а также политикой. На основании проведенного исследования составлены списки наиболее часто встречающихся неологизмов, которые могут найти применение в преподавании иностранных языков на высоких уровнях. Безусловно, необходимо дальнейшее изучение появляющихся в разных языках неологизмов и способов их обнаружения в различных текстах, поскольку, несмотря на высокий уровень развития инструментов количественной лингвистики, ее методы и инструменты всё еще ограничены и в них присутствуют недостатки, которые требуют экспертной оценки полученных результатов.

Ключевые слова: медиадискурс; неологизмы; корпусная лингвистика; динамический корпус; диахронический аспект.

УДК 81'38; 81'42

doi 10.17072/2073-6681-2023-2-62-71

Коммуникативная категория «ясность речи» в цифровом диалоге власти с обществом (на материале официальных ответов на обращения граждан в социальной сети «ВКонтакте»)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00171,
<https://rscf.ru/project/23-28-00171/>*

Мария Андреевна Ширинкина

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. m555a@yandex.ru

SPIN-код: 2096-0890

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6951-0653>

ResearcherID: G-9997-2017

Кристина Алексеевна Верхокамкина

студентка факультета современных иностранных языков и литератур

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. krisver2312@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.03.2023

Одобрена после рецензирования 25.03.2023

Принята к публикации 08.04.2023

Информация для цитирования

Ширинкина М. А., Верхокамкина К. А. Коммуникативная категория «ясность речи» в цифровом диалоге власти с обществом (на материале официальных ответов на обращения граждан в социальной сети «ВКонтакте») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 62–71. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-62-71

Аннотация. В статье обсуждается проблема коммуникативной категории «ясность речи» в приложении к текстам официальных ответов органов исполнительной власти на сообщения граждан в социальной сети «ВКонтакте». На основе анализа научной литературы установлено, что коммуникативное качество ясности входит в ряд таких свойств речи, как доступность, понятность, доходчивость и простота, и противопоставляется неясности, неопределенности, недостоверности, двусмысленности, а также семантической и структурной усложненности. Утверждается, что потенциальными носителями неясности оказываются следующие языковые средства: лексика ограниченного употребления (термины, канцеляризмы, заимствования, устаревшие и новые слова и др.), лексемы с семантической неопределенности, абстрактные существительные, многочленные словосочетания, предложения с несколькими видами осложнения, пассивные и безличные синтаксические конструкции. На материале объемом более 300 текстов выявлены технологии повышения ясности текста: замена канцелярских оборотов и юридических терминов общеупотребительной и конкретной лексикой, использование разных видов онимов вместо обобщающих родовых наименований, уточнение и конкретизация значений юридических терминов с помощью вставных конструкций, обоснование ответа на вопрос гражданина посредством ссылки на нормативный акт, употребление простых предложений и намеренное структурирование многокомпонентных высказываний. Приведены результаты экспериментального пилотажного исследования, ориентированного на определение степени сложности и читабельности официального онлайн-ответа с помощью интернет-сервиса «Текстометр» (<https://textometr.ru/>).

Авторы приходят к выводу, что цифровизация диалога власти и общества обуславливает необходимость формирования нового официального коммуникативного стиля. Этот коммуникативный стиль призван обслуживать инновационные форматы речевого взаимодействия органов власти и широкой аудитории на платформах социальных сетей и мессенджеров.

Ключевые слова: диалог власти и общества; исполнительная власть; ясность речи; доступность речи; трудность текста; социальная сеть «ВКонтакте».

Введение

Общение государственных органов с гражданами – одна из сфер употребления государственного языка [О государственном языке...: Федер. закон № 53]. В быстроразвивающемся мире социальные сети играют важную роль в жизни человека и с недавних пор являются не только средством неофициального общения, но и инструментом коммуникации между властью и гражданами. Так, в открытых пабликах социальной сети «ВКонтакте» органы власти публикуют посты. В комментариях к постам граждане высказывают свое мнение, оценивают деятельность должностных лиц, задают вопросы, на которые специалисты органов власти в соответствии с законодательством должны реагировать – давать официальные ответы.

Учитывая этот факт, представителям власти следует говорить с гражданами в социальных сетях, с одной стороны, на государственном языке Российской Федерации, с другой – на языке, доступном пониманию широкой массовой аудитории, ориентироваться на то, чтобы передаваемая информация без затруднений воспринималась гражданами. В связи с этим возникает проблема понятности языка властных коммуникаций в интернете. В частности, перед исследователем встает вопрос о том, какие языковые средства позволяют сделать текст доходчивым и ясным для понимания широкой аудитории. Необходимостью решения этого вопроса обуславливается актуальность нашего исследования.

Основные задачи коммуникации власти в социальных сетях состоят в доведении до гражданского общества актуальной информации о своей деятельности, а также в повышении уровня правовой грамотности населения. Социальная сеть создает у пользователей полное ощущение прямого диалога с властью, предоставляющего возможность открыто задать вопросы и сформулировать предложения. Подчеркнем, что одним из основных параметров общения в интернете является быстрота восприятия и понимания сообщений.

Важно, по нашему мнению, еще одно обстоятельство. Официальность ситуации предписывает власти давать наиболее полные ответы на обращения граждан, детально объяснять им, как действовать, обстоятельно излагать причины отказа в решении проблемы. Однако динамичность

и оперативность общения в социальных сетях требуют отвечать быстро, лаконично, компактно и не предполагают объемного, развернутого сообщения. В связи с этим перед составителем текста, а следовательно, и перед лингвистом-исследователем возникает следующая проблема: означает ли стремление к ясности и доступности речи в социальных сетях отказ от норм традиционного делового общения и формирование под влиянием цифровизации нового официального коммуникативного стиля? Логично предположить, что автор, создавая текст, должен ориентироваться на потенциального адресата – широкую массовую аудиторию: употреблять понятные для этой аудитории слова, отказаться от лексических единиц ограниченного употребления, строить несложные предложения небольшого объема с очевидными смысловыми связями между компонентами.

Цель настоящей работы – осмысление коммуникативного и культурно-речевого феномена «ясность речи» в приложении к официальным ответам власти на обращения граждан в социальной сети «ВКонтакте».

Методология и материал исследования

Материалом послужила предоставленная ЦУР (Центром управления регионом) Пермского края база обращений граждан в социальной сети «ВКонтакте» и ответов на них органов исполнительной власти за 2021 г. Обследовано свыше 300 текстов ответов, посвященных актуальным проблемам системы образования в регионе.

Основные исследовательские задачи заключаются в следующем. Прежде всего на основе анализа научной литературы важно установить место ясности среди других коммуникативных свойств текста (доступности, понятности, доходчивости) и конкретизировать требования к реализации этого качества в текстах разной функционально-стилистической принадлежности. Далее следует определить речевые явления и отдельные языковые средства, представляющие потенциальную опасность и затрудняющие понимание смысла текста адресатом. Наконец, проанализировать материал и описать наиболее продуктивные речевые приемы повышения ясности речи.

Для решения перечисленных задач мы опирались на функционально-стилистический подход, который предполагает объяснение особых прие-

мов составления ответа на обращения граждан в социальной сети новыми условиями коммуникации власти и общества, образуемыми цифровой средой. Культурно-речевой аудит избранного материала позволил нам выявить типичные речевые погрешности в текстах онлайн-ответов на обращения граждан. Контекстуальный семантический анализ применялся для того, чтобы установить уместность использования отдельных лексем и определить нарушения лексической сочетаемости в текстах. Автоматический анализ текста с помощью компьютерной программы «Текстометр» помог определить уровень сложности текста.

Исследовательские подходы к изучению ясности

Феномены доступности, ясности и понятности нечасто привлекают внимание исследователей [Васильева 1990; Головин 1988; Дронова 2006; Орлова 2014; Голев 2021] и «в теоретическом плане дефинируются весьма приблизительно с общезыковых и общелогических позиций» [Голев 2021: 163]. Так, Б. Н. Головин рассматривает качество доступности текста в рамках соотношения неречевых структур «речь – человек, ее адресат (получатель)» и считает доступной такую речь, «языковая структура которой облегчает опознавание получателем выраженной ею информации» [Головин 1988: 29]. А. Н. Васильева связывает критерий доступности с действительностью речи, выражающейся как ее способность «заинтересовать адресата, быть ему понятной» [Васильева 1990: 74], эффективной, полезной, например, в контексте выполнения какой-либо деятельности. При этом исследователь подмечает, что критерии ясности и доходчивости «не идентичны, в частности, у них разные антиподы: ясность – неясность, неопределенность, доходчивость – усложненность, непонятность» [там же: 75–76].

Н. В. Орлова разделяет представленное мнение (ср.: «Понятие доступности текста лежит в плоскости адресанта и адресата» [Орлова 2014: 185]), связывая степень доступности текста с его объективной трудностью, «которая традиционно определяется в собственно лингвистических параметрах свернутости / развернутости информации, удельного веса абстрактной лексики, длины предложения и других» [там же: 185].

Рассуждая о понятиях ясности, доступности, доходчивости, исследователи подчеркивают, что эти качества отличным образом проявляют себя в разных сферах коммуникации. Применительно к научной коммуникации В. И. Карасик отмечает, что «стремление к максимальной точности в научном тексте иногда приводит авторов к чрез-

мерной семантической (терминологической) и синтаксической усложненности текста» и делает его «содержание недоступным для недостаточно подготовленных читателей» [Карасик 2002: 233]. Иными словами, исследователь противопоставляет качества доступности и чрезмерной сложности текста.

О доступности как одном из обязательных требований к языку законов и иных документных текстов заявляют и лингвисты, и юристы [Ушаков 2008; Язык закона 1990; Власенко 1997; Мирошников 2000 и др.]. Е. Г. Мирошников выстраивает иерархию признаков хорошего юридического языка: помещает доступность на вершину иерархии как обобщающее понятие, включающее в свой состав в качестве основных ясность и точность, а также, наряду с ними, простоту, краткость, стандартность и унифицированность [Мирошников 2000: 213]. Н. А. Власенко считает эффективное усвоение законодательного текста «важным условием надлежащей реализации норм права» [Власенко 1997: 22] и вслед за А. С. Пиголкиным предостерегает от чрезмерного усердия как в направлении к максимальной точности, так и в стремлении к наибольшей простоте текста [Язык закона 1990: 20; Власенко 1997: 22, 115–118]. Для того чтобы избежать «искусственного упрощенчества» в законодательной технике, А. А. Ушаков предлагает разделить все законы с точки зрения доступности на две группы: а) законы, рассчитанные на широкие массы населения, и б) законы, «рассчитанные на специалистов, регулирующие специальные узкие области общественной жизни» [Ушаков 2008: 235].

Исследователь из Ирландии С. Каччагиди-Фахи изучает концепцию ясности в законах и дает практические рекомендации о том, как избежать неточностей при составлении юридических документов. По мнению автора, ясность с лингвистической точки зрения рассматривается как удобочитаемость, простота и краткость. Однако с юридической точки зрения ясность следует определять с упором на точность формулировок и с учетом применимости правовой нормы к конкретному случаю. Ясность, таким образом, – баланс между двумя гранями, а не наивное стремление к предельной удобочитаемости или к предельной точности [Obscurity... 2008].

Американский специалист по правовой лингвистике Питер М. Тиерсма подчеркивает, что профессиональные юристы текстуализируют контракты и уставы, не просто записывая суть, а **подбирая слова**, которые будут служить окончательным вариантом изложения условий завещания, контракта или закона. Одной из отличительных характеристик письма Питер М. Тиерсма называет доступность, реализующуюся преж-

де всего за счет деления письменного текста на блоки, главы, части, что облегчает читателям поиск необходимой информации [Tiersma 2009].

В связи с рассуждением о деловых и законодательных текстах следует упомянуть о междисциплинарном исследовательском проекте, направленном на выявление в текстах языковых характеристик, «которые влияют на интерпретацию этих текстов носителями языка как “простых” или “сложных”, “понятных” или “непонятных”» [Понятность...: эл. ресурс]. Весьма значимым материальным результатом проекта стала «автоматическая модель оценки сложности русских правовых текстов», включающая 130 различных лингвистических параметров [Блинова 2022].

В дополнение укажем, что в лингводидактике разработаны специальные компьютерные программы, определяющие степень простоты / сложности текста (см., например: <https://textometr.ru/>) для использования его при обучении русскому языку как родному и как иностранному. Среди основных показателей сложности текста разработчики подобных программ обычно называют количество слов и знаков в речевом произведении, длину слов и предложений, коэффициент лексического разнообразия, статистику вхождения слов в лексические минимумы и в список 5000 самых частотных слов русского языка [Лапошина, Лебедева 2021]. Думается, что анализ текстов официальных ответов в социальных сетях с помощью указанной программы позволит получить первичное представление о степени сложности этих текстов.

Итак, исследователи рассматривают коммуникативное качество ясности на базе соотношения «речь – адресат»; встраивают в комплекс таких признаков, как доступность, понятность, доходчивость, простота; соотносят с точностью и логичностью и противопоставляют неясности, неопределенности, недостоверности, двусмысленности, семантической и структурной усложненности. Иными словами, указывают на его многомерный, многоуровневый, объемный характер.

В науке подчеркивают, что затруднение восприятия и понимания возникает вследствие использования лексики ограниченного употребления (включая термины, диалектизмы, жаргонизмы, канцеляризмы, заимствования, устаревшие и новые слова), употребления многочисленных словосочетаний, предложений с несколькими видами осложнения. К признакам, усугубляющим адекватное понимание текста, относят также количество лексем с семантикой неопределенности и долю в нем абстрактных существительных, значительное преобладание имен существитель-

ных над глаголами, пассивные и безличные синтаксические конструкции.

В свою очередь, среди способов, облегчающих восприятие и понимание, а следовательно, делающих речь более ясной, доступной, отмечают: включение в речь общепонятных слов, отказ от злоупотребления заимствованиями, неприменение конструкций с причастными и деепричастными оборотами, целесообразное ограничение использования канцелярских оборотов, бюрократических штампов и архаических выражений, однозначное употребление понятийных номинаций и определение их значений в тексте.

Нарушения ясности в официальных ответах власти на обращения граждан

Ясность текста может страдать по разным причинам: из-за допущенных автором речевых ошибок, в результате неуместного употребления языковых единиц, вследствие несоблюдения законов логики. Рассмотрим несколько текстов.

Детский сад оборудован всеми необходимыми мерами обеспечения безопасности. Образовательное учреждение оснащено ограждением с домофоном, физической охраной, наружным и внутренним видеонаблюдением, турникетами, охранной сигнализацией и средствами передачи тревожных сообщений.

Употребление существительного *меры* в несвойственном ему значении (здесь уместна лексема *средства*), а также многочисленные официальные наименования и терминологические единицы затрудняют понимание этого текста адресатом. В подобных случаях рекомендуется заменять юридические термины общеупотребительными лексемами или видовыми наименованиями (гипонимами), имеющими более конкретные значения: *образовательное учреждение – детский сад, школа; физическая охрана – охранники; наружное и внутреннее видеонаблюдение – камеры наблюдения* и т. д.

Причиной неясности в следующем примере оказывается нарушение лексической сочетаемости – типичная речевая ошибка, «скопированная», кстати, составителем ответа из текста ст. 207 УК РФ: *Напоминаем, что за совершение заведомо ложных сообщений об актах терроризма Уголовным Кодексом¹ Российской Федерации предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 8 лет.* Отглагольное существительное *сообщение* в объектном значении сочетается с различными глаголами, называющими конкретные действия, направленные на него (*получить, передать, сделать* и мн. др.). Словосочетание *совершить сообщение* возникло по аналогии с конструкцией *совершить преступление*, поскольку в данном случае *заведомо*

ложное сообщение об актах терроризма является с юридической точки зрения преступлением и регулируется нормами права.

Излишняя лаконичность также может повлечь за собой неясность ответа: *Добрый день. Сироты могут получить 2 раза бесплатно профессию и 1 раз специальность. Все это может происходить до 23 лет. При получении специальности в первое обучение уже даётся профессия внутри специальности. Поэтому, получив специальность, на профессию поступить уже нельзя.*

Отсутствие развернутого пояснения о разнице в значениях профессионализмов *специальность* и *профессия* осложняет понимание текста адресатом-неспециалистом.

На вопрос о том, будут ли праздничные линейки для первоклассников в школе города Кунгура последовал официальный ответ: *Добрый день! На территории Пермского края торжественные линейки, посвященные празднованию начала учебного года, пройдут 1 сентября только для обучающихся первых и выпускных классов. Такое решение было принято из-за сложной эпидемиологической ситуации, связанной с ростом заболеваемости новой коронавирусной инфекцией (COVID-19). В МАОУ «СОШ № 12 им. В.Ф. Маргелова» торжественные линейки 1 сентября будут проведены для 1 и 9 классов на улице. Для 2-8х классов предусмотрено проведение классных часов в кабинетах образовательной организации. Для создания атмосферы праздника центром досуга микрорайона начальным классам предлагается возможность принять участие в мероприятии, посвященному Дню Знаний и организованному МБУК «Центр досуга «Нагорный». Участие строго по желанию.*

В МБУК «Центр досуга «Нагорный» соблюдаются санитарные требования, выполняются противоэпидемические мероприятия, согласно всем указам и рекомендациям в связи с сложной эпидемиологической ситуацией. По всем интересующим вопросам можно обращаться по телефону 64720 доб.203, 221.

Этот ответ не противоречит стилистическим требованиям деловой речи, он отличается точностью выражения и полнотой содержания, а также опорой на законодательную базу, т. е. в целом соответствует нормам современного русского литературного языка в его письменной форме. Иными словами, такой ответ был бы уместен на бумажном носителе в случае официального обращения гражданина в орган власти [О порядке...: Федер. закон № 59]. В отличие от письменной формы, коммуникация в социальных сетях предполагает несколько иной – более лаконичный и менее официальный – стиль общения.

Продуктивные приемы повышения ясности речи

В результате анализа текстов онлайн-ответов власти на обращения граждан нами выявлены некоторые приемы повышения ясности речи – использование языковых и речевых средств, которые делают ответы более убедительными, обоснованными, определенными, конкретными и в целом понятными для адресата: 1) общеупотребительная лексика; 2) онимы разных видов; 3) уточняющие конструкции; 4) ссылки на нормативные акты; 5) простые предложения вместо сложных.

Одним из средств достижения доступности в текстах – ответах на обращения граждан в социальной сети «ВКонтакте» служит **общеупотребительная лексика**, заменяющая специальные термины, значение которых может быть непонятно адресату: *Добрый день. Администрацией Перми проведен анализ необходимости создания новых мест в общеобразовательных учреждениях [...] Строительство школ и детских садов в каком районе города Вас интересует? Употребленные в тексте слова школа и детский сад относятся к общеупотребительной лексике и заменяют термин образовательное учреждение. Совершенно ясно, что общедоступная лексика делает текст комментария более конкретным и понятным.*

Весьма действенным приемом повышения ясности является конкретизация, которая заключается в переключении внимания адресата с общего на частное. Инструментом конкретизации на лексическом уровне могут выступить разные типы **онимов** (топонимы, антропонимы, эргонимы и др.) – слова или словосочетания, которые служат для выделения именуемого объекта среди других объектов, его индивидуализации, идентификации.

Приведем пример. На вопрос о том, *Планируется ли строительство новой школы в с. Лобаново? Когда?* представители властных структур дают следующий ответ: *Добрый день! Владимир Юрьевич в ходе прямого эфира дал ответ на этот вопрос: на сегодняшний день сформировано 4 земельных участка: в д. Кондратово, п. Гамово, п. Култаево и в п. Лобаново. Со своей стороны, Пермский район все обязательства выполнил, земельный участок сформирован и передан краевым властям. Надеемся, что в 2022 году мы увидим начало строительства школы в Лобаново и уже в 2024 году двери школы уже откроются для учеников.*

Ответ на обращение не велик по объему, однако в нем можно заметить порционную, ступенчатую подачу информации: автор сначала в целом говорит о нескольких участках, выделен-

ных в Пермском районе под строительство школ, а затем сообщает более конкретные сведения, относящиеся только к поселку Лобаново. В данном примере употреблены топонимы – названия конкретных населенных пунктов Пермского края: *Гамово, Култаево, Лобаново и Кондратово*. Кроме того, в ответе ссылаются на депутата Законодательного собрания Пермского края *В. Ю. Жукова*, что вызывает больше доверия у читателя. Наконец, указывают временные рамки выполнения работ по строительству школы: *начало в 2022 году, открытие в 2024 году*. Примечательно, что автор ответа вместо канцелярских оборотов *планируется начало строительства школы, запланировано открытие школы* использует целый комплекс специальных средств диалогичности: определенно-личную вводную конструкцию с положительной семантикой *надемся*, объединяющую автора и читателя личную конструкцию *мы увидим*, ставшее уже публицистическим стандартом (а значит, понятное и привычное) выражение *двери школы откроются для учеников*. Очевидно, что все эти средства направлены на сближение с адресатом, ориентированы на доступное изложение информации, обеспечивают простоту и легкость восприятия смысла высказывания и, кроме того, способствуют поддержанию непринужденной тональности общения.

Следующий прием повышения доступности текста – **уточняющие конструкции**.

На вопрос гражданина *Почему детям нельзя перездать в июне, а только осенью? И какая разница 2 или 1 не сдал экзамен* представитель власти отвечает: *В соответствии с Порядком проведения ГИА допуск до сдачи ГИА в резервные дни основного этапа (июнь, июль) возможен при пропуске по уважительной причине (например, болел или был на соревнованиях), подтвержденных документально и в случае получения 1 неудовлетворительного результата (т.е. по 1 предмету двойка, по второму нет). На сентябрь назначаются те участники, которые получили 2 неудовлетворительных результата (две двойки) или повторно сдавшие этот предмет на 2.*

Уточняющие конструкции в скобках, как видим, представляют собой пояснение стоящего перед ними терминологического словосочетания общеупотребительными словами; как правило, вводятся специальными языковыми средствами (вводным словом *например* или союзом *то есть*), облегчают понимание текста.

Для обоснования ответа на вопрос гражданина часто используются **ссылки на нормативные акты**. Наличие этих ссылок не только делает ответы представителей государственных органов

более определенными, убедительными для граждан, но и повышает правовую грамотность последних.

Приведем пример текста-ответа:

Добрый день. Школа в с. Тюндюк будет построена в рамках государственной программы «Образование и молодежная политика». В настоящее время проект находится на государственной экспертизе.

Автор данного текста ссылается на *государственную программу «Образование и молодежная политика»*, которая действует на территории Пермского края с 2014 г. Упоминание программы делает ответ исчерпывающим: любой пользователь «ВКонтакте», прочитав этот ответ, может перейти на сайт Министерства образования и науки Пермского края и ознакомиться с полным текстом документа. Кроме того, ссылка на нормативный акт повышает авторитет представителя государственных органов, которому адресуют вопрос, указывает на его компетентность. Все перечисленное делает ответ власти веским и аргументированным.

Рассматривая синтаксический уровень анализируемых ответных текстов, отметим, что **простые синтаксические конструкции** также способствуют преодолению неопределенности в тексте.

Сравним два ответа:

Добрый день. Строительство детского сада будет возобновлено после утверждения нового технического задания и устранения недостатков

и
Добрый день! в связи с неисполнением своих обязательств, с подрядчиком расторгнут контракт на строительство школы и стадиона СОШ № 121. По строительству стадиона планируется завершение работ в 2021 году, в связи с чем объявлен конкурс по выбору нового подрядчика. Строительство здания школы планируется завершить в 2023 году. В настоящее время проектная документация направлена на корректировку в связи с удорожанием строительных материалов.

Заметим, что первый ответ представляет собой простое предложение, тем самым способствует концентрации внимания читателя на проблеме сообщения (*строительство школы*) и условиях решения этой проблемы (*утверждение технического задания и устранение недостатков*). Во втором примере можно отметить нарушение логики изложения, избыток неоправданных повторов, а также сложноподчиненное предложение, в котором составной подчинительный союз *в связи с чем* присоединяет придаточную часть со значением следствия. Несмотря на то что в ответе сообщаются дополнительные

сведения, внимание читателя рассеивается и тем самым затрудняется восприятие и понимание ключевой информации текста.

Представляется, что еще одним продуктивным приемом повышения ясности может стать подчеркнутое структурирование объемного многокомпонентного высказывания, тем более что этот прием широко используется активными пользователями социальных сетей и мессенджеров для привлечения целевой аудитории и продвижения своего товара или услуги.

Автоматический анализ сложности официальных онлайн-ответов на обращения граждан

В предварительном плане 50 текстов официальных ответов проанализированы нами с помощью сервиса «Текстометр» (<https://textometr.ru/>). Группа текстов сформирована методом случайной выборки из разных тематических подразделов предоставленной ЦУР базы сообщений и ответов.

18 баллов из 100. Очень простой текст, подойдет для возраста 7-8 лет (1-2 класс).	
Структурная сложность	3 из 10
Лексическая сложность	2 из 10
Динамичность текста	7 из 10
Описательность текста	3 из 10
Знаков с пробелами	69
Предложений	2
Слов	11
Уникальных слов	11
Средняя длина слова	5,2
Средняя длина предложения	5,5
Формула Флеша	69 из 100 (чем больше - тем текст легче)
Формула Флеша-Кинкейда	5 (примерно должна соответствовать школьному классу)
Лексическая плотность ⑦	8 из 10
Лексическое разнообразие ⑦	1
Список Русский детский 5000 ⑦	91 %

Рис. 1. Параметры простого текста
Fig. 1. Parameters of a plain text

По формуле Флеша, указывающей на степень читабельности, текст 1 существенно отличается от текста 2 (69 против 7; чем больше показатель, тем текст легче для восприятия). При подсчете этого индекса программа учитывает целый комплекс перечисленных параметров текста, а рассчитанный с помощью формулы показатель соотносится с уровнем образованности человека по

Самый простой текст, по оценке компьютерной программы, отличается следующими характеристиками (рис. 1): он состоит из двух предложений и включает 11 слов. Средняя длина слова в тексте – 5,2 буквы, средняя длина предложения – 5,5 слова. Лексическое разнообразие равно единице: это означает, что все слова в тексте являются уникальными, т. е. встречаются по одному разу. Показатель «Список русский детский 5000» равен 91 %: столько процентов лексики текста покрывается списком из 5000 самых частотных слов, употребляемых в детской литературе.

Самый трудный текст (рис. 2) обладает такими параметрами: его объем составляют 124 слова, объединенные в шесть предложений. Средняя длина предложения значительно превосходит длину предложений в тексте 1 и составляет 20,7 слова. Даже средняя длина слова оказывается больше, чем в тексте 1, и соответствует 7,1 буквы. При этом только 55 % лексических единиц текста входят в «русский детский список слов».

90 баллов из 100. Сложный текст, подойдет для студента ВУЗа и старше	
Структурная сложность	10 из 10
Лексическая сложность	8 из 10
Динамичность текста	0 из 10
Описательность текста	10 из 10
Знаков с пробелами	1076
Предложений	6
Слов	124
Уникальных слов	76
Средняя длина слова	7,1
Средняя длина предложения	20,7
Формула Флеша	7 из 100 (чем больше - тем текст легче)
Формула Флеша-Кинкейда	19 (примерно должна соответствовать школьному классу)
Лексическая плотность ⑦	8 из 10
Лексическое разнообразие ⑦	0,64
Список Русский детский 5000 ⑦	55 %

Рис. 2. Параметры трудного текста
Fig. 2. Parameters of a difficult text

формуле Флеша – Кинкейда и соответствует школьному классу.

Безусловно, нельзя говорить о том, что степень сложности текста «прямо пропорциональна» его объему. Однако более конкретные выводы требуют детального обследования текстов официальных онлайн-ответов с помощью различных программ и сервисов.

Заключение

В соответствии с российским законодательством в деятельности органов государственной власти обязательно использование русского языка как государственного языка Российской Федерации. Новые условия коммуникации власти с обществом требуют иных форматов речевого взаимодействия, иной манеры ответа на вопросы граждан.

Под влиянием цифровизации видоизменяется характер официального общения. Стилистические средства деловой речи (канцелярские обороты, официально-деловая лексика, юридические термины) при употреблении в сфере массовой коммуникации требуют пояснения и уточнения, затрудняют понимание смысла текста широкой массовой аудиторией и тем самым оказываются непригодными для новой коммуникативной среды.

Ответ властных органов на обращение гражданина во «ВКонтакте» должен быть понятным любому пользователю. Неясный ответ не дает представления о необходимом поведении в определенных обстоятельствах, о путях решения проблемы или действиях властных органов. Для того чтобы избежать непонимания и установить контакт с гражданами, представители власти ищут способы и приемы построения ясного, доступного, доходчивого текста.

В ходе исследования были выявлены следующие технологии повышения ясности текста: замена канцелярских оборотов и юридических терминов общеупотребительной и конкретной лексикой, использование разных видов онимов вместо обобщающих родовых наименований, уточнение значений юридических терминов с помощью вставных конструкций, обоснование ответа на вопрос гражданина посредством ссылки на нормативный акт, употребление простых предложений и намеренное структурирование многокомпонентных высказываний. Обращение к перечисленным приемам при ведении официального диалога с обществом не только облегчает коммуникацию, но и положительно влияет на авторитет власти в глазах граждан.

Важно понимать, что стремление к ясности не предполагает примитивизма и упрощенчества, а означает большую степень определенности и оптимальную степень развертывания содержания. Выявление и описание всевозможных приемов достижения ясности, понятности, недвусмысленности текста позволит упорядочить соответствующие им логические приемы и языковые средства и сформулировать предметные рекомендации для специалистов, реализующих диалог власти и общества в социальных сетях.

Примечание

¹ Сохранены авторские орфография и пунктуация в сообщениях граждан и ответах на них представителей власти.

Список литературы

- Блинова О. В. Оценка сложности русских правовых текстов: архитектура модели // Мир русского слова. 2022. № 2. С. 44–13. doi 10.24412/1811-1629-2022-2-4-13
- Васильева А. Н. Основы культуры речи. М.: Рус. язык, 1990. 247 с.
- Власенко Н. А. Язык права. Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1997. 176 с.
- Голев Н. Д. Сложность VS доступность и понятность языка закона как теоретическая и экспертная проблема // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах. СПб: Первый класс, 2021. С. 160–177.
- Головин Б. Н. Основы культуры речи. М.: Высшая школа, 1988. 320 с.
- Дронова Г. Е. Коммуникативная категория «ясность речи» в жанре лекции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 24 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Лапошина А. Н., Лебедева М. Ю. Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному // Русистика. 2021. Т. 19, № 3. С. 331–345. doi 10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345
- Мирошников Е. Г. Ясность и точность как требования к языку закона // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 212–220.
- О государственном языке Российской Федерации: Федер. закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 11.03.2023).
- О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 11.03.2023).
- Орлова Н. В. Доступность современного официально-делового документа: лингвопрагматические аспекты // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (19). С. 184–192.
- Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика: Проект № 19-18-00525, поддержанный РФ. URL: <https://rscf.ru/project/19-18-00525/> (дата обращения: 11.03.2023).
- Ушаков А. А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: РАП, 2008. 314 с.

Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М.: Юрид. лит., 1990. 192 с.

Obscurity and Clarity in the Law. Prospects and Challenges / ed. by A. Wagner and S. Cacciaguidi-Fahy. Taylor & Francis. 2008. 284 p.

Tiersma Peter M. *Parchment, Paper, Pixels: Law and the Technologies of Communication*. University of Chicago Press, 2010. 294 p.

References

Blinova O. V. Otsenka slozhnosti russkikh pravovykh tekstov: arkhitektura modeli [Assessing complexity of Russian legal texts: The model's architecture]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 2022, issue 2, pp. 44–13. doi 10.24412/1811-1629-2022-2-4-13. (In Russ.)

Vasil'eva A. N. *Osnovy kul'tury rechi* [Basic Speech Culture]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. 247 p. (In Russ.)

Vlasenko N. A. *Yazyk prava* [The Language of Law]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1997. 176 p. (In Russ.)

Golev N. D. Slozhnost' VS dostupnost' i ponyatnost' yazyka zakona kak teoreticheskaya i ekspertnaya problema [Complexity vs accessibility and comprehensibility of the language of law as a theoretical and expert problem]. *Voprosy russkogo yazyka v yuridicheskikh delakh i protsedurakh* [The Russian Language Issues in Legal Cases and Procedures]. St. Petersburg, Pervyy klass Publ., 2021, pp. 160–177. (In Russ.)

Golovin B. N. *Osnovy kul'tury rechi* [Basic Speech Culture]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 320 p. (In Russ.)

Dronova G. E. *Kommunikativnaya kategoriya 'yasnost' rechi' v zhanre lektsii*. Avtoreferat diss. cand. philol. nauk [Communicative category 'clarity of speech' in the genre of lecture. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2006. 24 p. (In Russ.)

Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (In Russ.)

Laposhina A. N., Lebedeva M. Yu. Tekstometr: onlayn-instrument opredeleniya urovnya slozhnosti teksta po russkomu yazyku kak inostrannomu [Textometr: an online tool for automated complexity level assessment of texts for Russian language learners]. *Rusistika* [Russian Language Studies], 2021,

vol. 19, issue 3, pp. 331–345. doi 10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345. (In Russ.)

Miroshnikov E. G. Yasnost' i tochnost' kak trebovaniya k yazyku zakona [Clarity and precision as requirements for the language of law]. *Problemy yuridicheskoy tekhniki* [Problems of Legal Techniques]. Ed. by V. M. Baranov. Nizhny Novgorod, 2000, pp. 212–220. (In Russ.)

O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii: Feder. zakon ot 01.06.2005 № 53-FZ [On the State Language of the Russian Federation: Federal Law of June 1, 2005 No. 53-FZ]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (accessed 11 Mar 2023). (In Russ.)

O poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii: Feder. zakon ot 02.05.2006 № 59-FZ [On the Procedure for Consideration of Appeals by Citizens of the Russian Federation: Federal Law of May 2, 2006 No. 59-FZ]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (accessed 11 Mar 2023). (In Russ.)

Orlova N. V. Dostupnost' sovremennogo ofitsial'no-delovogo dokumenta: lingvopragmaticheskie aspekty [Accessibility of a contemporary official document: Lingvopragmatic aspects]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 2014, issue 3(19), pp. 184–192. (In Russ.)

Ponyatnost' ofitsial'nogo russkogo yazyka: yuridicheskaya i lingvisticheskaya problematika. Proekt № 19-18-00525, podderzhanny RNF [The Intelligibility of the Official Russian Language: Legal and Linguistic Issues. Grant Project No. 19-18-00525 supported by the Russian Science Foundation]. Available at: <https://rscf.ru/project/19-18-00525/> (accessed 11 Mar 2023). (In Russ.)

Ushakov A. A. *Izbrannoe: Ocherki sovetskoy zakonodatel'noy stilistiki. Pravo i yazyk* [Selected Works. Essays on Soviet Legislative Stylistics. Law and Language]. Moscow, RAP Publ., 2008. 314 p. (In Russ.)

Yazyk zakona [The Language of Law]. Ed. by A. S. Pigolkin. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1990. 192 p. (In Russ.)

Obscurity and Clarity in the Law. Prospects and Challenges. Ed. by A. Wagner and S. Cacciaguidi-Fahy. Taylor & Francis. 2008. 284 p. (In Eng.)

Tiersma Peter M. *Parchment, Paper, Pixels: Law and the Technologies of Communication*, University of Chicago Press, 2010. 294 p. (In Eng.)

The Communicative Category 'Speech Clarity' in the Digital Dialogue Between the Government and Society (based on official responses to requests of citizens on the social network VKontakte)

The study was supported by grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00171,
<https://rscf.ru/en/project/23-28-00171/>

Mariya A. Shirinkina

Professor in the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. m555a@yandex.ru

SPIN-code: 2096-0890

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6951-0653>

ResearcherID: G-9997-2017

Kristina A. Verkhokamkina

Student at the Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. krisver2312@yandex.ru

Submitted 13 Mar 2023

Revised 25 Mar 2023

Accepted 08 Apr 2023

For citation

Shirinkina M. A., Verkhokamkina K. A. Kommunikativnaya kategoriya «yasnost' rechi» v tsifrovom dialoge vlasti s obshchestvom (na materiale ofitsial'nykh otvetov na obrashcheniya grazhdan v sotsial'noy seti «VKontakte») [The Communicative Category 'Speech Clarity' in the Digital Dialogue Between the Government and Society (based on official responses to requests of citizens on the social network VKontakte)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 62–71. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-62-71 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the communicative category 'speech clarity' in official responses to requests and messages of citizens in the social networking service VKontakte. Following the analysis of scientific literature, the authors of the study conclude that speech clarity is one among such characteristics of speech as accessibility, comprehensibility, intelligibility, and simplicity, these opposed to the lack of clarity, unreliability, ambiguity, as well as semantic and structural complexity. The authors show the following linguistic means to make speech unclear and lead to speech ambiguity: terms, officialese, loanwords, archaisms, and neologisms, lexemes denoting ambiguity, abstract nouns, polynomial phrases, complex sentences with different types of subordinate clauses, passive voice, and impersonal sentences. In the course of study more than 300 texts were analyzed and ways of increasing speech clarity were identified. These include replacing of officialese and legal terms with common and concrete vocabulary, the use of proper names instead of generalizing generic names, clarification of legal terms, substantiating the answer to a citizen's request by reference to a relevant regulatory act, the use of simple sentences, intentional structuring of multi-component statements. As part of research, the authors conducted an experimental pilot study aiming to determine text complexity and readability of official responses using the online service Textometer (<https://textometr.ru/>). It is concluded that the digital dialogue between the authorities and society requires the formation of a new official communicative style. This communicative style is meant to contribute to the development of innovative types of speech interaction between the government and citizens in social networks and messengers.

Key words: dialogue between government and society; executive branch; speech clarity; speech accessibility; text complexity; social network VKontakte.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111
doi 10.17072/2073-6681-2023-2-72-80

Роман инициации в творчестве Дж. Грина

Ксения Михайловна Баранова

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой английской филологии

Институт иностранных языков

Московский городской педагогический университет

129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4. baranovkm@mgpu.ru

SPIN-код: 7744-4741

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>

Надежда Сергеевна Шалимова

к. филол. н., доцент кафедры английской филологии

Институт иностранных языков

Московский городской педагогический университет

129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4. shalimovans@mgpu.ru

SPIN-код: 1894-7562

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9636-1262>

Статья поступила в редакцию 08.10.2022

Одобрена после рецензирования 16.12.2022

Принята к публикации 01.03.2023

Информация для цитирования

Баранова К. М., Шалимова Н. С. Роман инициации в творчестве Дж. Грина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 72–80. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-72-80

Аннотация. Статья посвящена теме взросления, самоидентификации подростков, преодоления кризисов в современной литературе США. Осмысление этих проблем представляется важным с точки зрения литературоведения и изучения жанра «роман инициации», а также с общекультурной и социальной точек зрения. Проведенное исследование направлено на выявление пространственно-временных, сюжетно-композиционных, повествовательных особенностей романа инициации в современной литературе США на примере романов «В поисках Аляски», «Бумажные города», «Винноваты звезды» Дж. Грина. «Носителями жанра» в романе инициации являются такие категории поэтики, как: событийная насыщенность, философская проблематика (самоидентификация героя, преодоление кризисов), субъективизация времени и пространства, исповедальность повествования. В статье впервые предлагается авторская классификация жанровых форм внутри романа инициации. Критерием является экзистенциальный вызов, с которым сталкивается протагонист, а также способ разрешения сюжетной ситуации (выход из кризиса). Разновидностью романа инициации являются «роман-преодоление» и «роман-постижение». Делается вывод о том, что произведения «В поисках Аляски» и «Бумажные города» можно отнести ко второму типу, так как их структура приближена к структуре традиционного романа воспитания – проходя через трудности (сюжетообразующую роль играет детективный элемент), герои расстаются с иллюзиями и взрослеют. Роман «Винноваты звезды» приближен к первому типу, поскольку именно преодолевая болезнь, персонажи обретают самих себя.

Ключевые слова: роман инициации; герой-подросток; взросление; самоидентификация; национальные мотивы.

Джон Грин (*John Green*, род. 1977) – один из наиболее ярких современных писателей США. Особую популярность его произведения имеют у молодежной аудитории. Материалом проводимого исследования являются такие известные романы, как «В поисках Аляски» (“*Looking for Alaska*”, 2005), «Бумажные города» (“*Paper Towns*”, 2008), «Виноваты звёзды» (“*The Fault in our Stars*”, 2012). Цель данной статьи – рассмотреть поэтику романов с опорой на контексты национальной литературы (сюжетно-образные мотивы) и выделить в них черты жанра «роман инициации». В работе сочетаются сравнительно-типологический и нарратологический методы, а также используется мотивный анализ текста.

Главными проблемами романа инициации начала XXI в. становятся проблемы взросления, гендерной, экзистенциальной, культурной самоидентификации подростков («Средний пол» (2003) Дж. Евгенидиса), преодоления кризисов, посттравматического синдрома («Щегол» (2013) Д. Тартт), осознание себя через прошлое семьи, в том числе через противопоставление семейным традициям своей личной истории («Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау» (2014) Дж. Диаса, «Бегущий за ветром» (2003) Х. Хоссейни, «Снежная королева» (2014) М. Каннингема, «Маленький друг» (2002) Д. Тартт). Особое внимание в современной литературе о подростках уделяется теме телесности, духовные поиски могут быть сопряжены с физическим осмыслением себя или заменены им («Средний пол» Дж. Евгенидиса, «Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау» Дж. Диаса). Генетически и типологически роман инициации связан с романом воспитания (см., например: [Бахтин 2000; Гайжюнас 1984; Пашигорев 1993]). «Носителями жанра» в романе инициации становятся такие категории поэтики, как система персонажей, где протагонист – изменяемая величина, поскольку он переживает внутреннюю трансформацию, а второстепенные герои, как правило, остаются статичными; сюжетная структура поиска, пространственно-временная организация, ретроспективная композиция, повествование от первого лица, темы любви и утраты, мотивы преодоления, освобождения, которые являются сюжетообразующими.

По своей жанровой природе роман инициации является синтетичным, так как содержит черты травелога, исповедального, социально-психологического романа. Признаки травелога обнаруживаются в путешествии героя, которое является не только перемещением в пространстве, но и способом самопознания. Расставаясь с привычным миром, он оказывается в новой обстановке и встречается с «новым» собой (см., например:

[Byrnes 1995; Hurst 1990]). Исповедальность раскрывается в форме повествования от первого лица [Шмид 2003: 107], которая становится типичным способом нарративной организации романа инициации («Виноваты звезды» Дж. Грина, «Тайная история», «Щегол» Д. Тартт и др.). Влияние социально-психологического романа на роман инициации видится во взаимосвязи индивидуальных и социальных начал (после испытаний герой либо возвращается в общество, обретает гармонию с внешним миром, либо окончательно покидает его), а также в развернутых интроспекциях, которые раскрывают внутренний мир и позволяют увидеть психологический портрет героя («Тринадцать причин почему» Дж. Эшера). Внутри большой группы романов, сюжетообразующей схемой которых является инициация, можно выделить несколько разновидностей. В основе этой инновационной классификации лежит целостный анализ художественного материала в единстве содержания (тематические и образные пласты, поэтика мотивов, деталей, символов) и формы (нарративные стратегии, жанровые константы). Новым также является критерий выделения той или иной жанровой формы внутри романа инициации – экзистенциальный вызов, с которым сталкивается протагонист, а также способ разрешения сюжетной ситуации (выход из кризиса). Разновидностью романа инициации является **«роман-преодоление»**. В романе такого типа герой преодолевает экзистенциальный кризис, совершает какое-то активное действие: борется с болезнью, совершает убийство или участвует в нем, разгадывает тайну, преодолевает жизненные обстоятельства, к этой жанровой разновидности относится роман Дж. Грина «Виноваты звезды».

Характеризуя **«роман-постижение»**, следует отметить, что эта разновидность романа инициации более приближена к классическому варианту романа воспитания, поскольку изображает становящегося субъекта, это эволюция героя, путь расставания с иллюзиями, дорога потерь и обретений. В творчестве Дж. Грина такими произведениями являются романы «В поисках Аляски» и «Бумажные города».

В центре внимания Дж. Грина практически во всех его произведениях находится внутренний мир подростков. Сам автор объясняет эту особенность тем, что подростки со всей силой высказывают свои чувства: “I love the intensity teenagers bring not just to first love but also to the first time you’re grappling with grief” («Мне нравится та сила, которую подростки привносят не только в переживание первой любви, но и горя») [Talbot 2014] (перевод здесь и далее выполнен авторами статьи).

Дебютный роман Дж. Грина «В поисках Аляски» (“Looking for Alaska”, 2005) вошел в различные списки лучших книг для подростков и стал частью учебных программ школ и колледжей в США. Главный герой романа и повествователь – шестнадцатилетний Майлз Холтер (Miles Halter). Герой интересуется литературой, особенно его привлекают предсмертные высказывания известных людей. Следует отметить, что литературоцентризм является важной частью поэтики романа инициации, Дж. Грин следует этой традиции: его герои находят вдохновение в литературных сочинениях, которые служат для них опорой и ориентиром. В романе «В поисках Аляски» уже на первых страницах упоминаются такие значимые для литературоведения имена, как Р. Фрост, Г. Ибсен, Ф. Рабле и др.

Майлз Холтер оставляет жизнь с родителями и отправляется в школу Калвер Крик, его миссия – найти великое возможно (“seeking a Great Perhaps”, слова Ф. Рабле). Переезд героя из Флориды в Алабаму оказывается значимым моментом в его жизни, из домашнего мира он перемещается в интернат. Прощальная вечеринка, которую ему устраивают родители и которая проваливается (хотя герой изначально понимает, что никто не придет “I knew they wouldn’t come” («Я знал, что они не придут»)) [Green 2006]), сюжет перехода – вышеперечисленные элементы являются сквозными, физическое перемещение протагониста и разрыв с прошлой жизнью становятся исходной точкой его духовных и ментальных перемен.

Первым знаковым событием в школе становится для юноши «посвящение» Майлза, который, вопреки своему худощавому телосложению и высокому росту, получает кличку «Толстячок» (*Pudge*). Перемена имени весьма симптоматична, поскольку это также свидетельствует о лиминальном статусе подростка, прохождении им пути инициации. Клички имеют и другие персонажи романа. Так, друга и помощника Майлза называют «Полковник» (*The Colonel*), а директора школы, его наставника, все окружающие за глаза величают Орлом (*The Eagle*). Ложное «посвящение», которое для Майлза ночью на озере устраивают «выходники» (старшие ребята), служит для юноши началом большого пути инициации, сопряженного с потерями, болью, одиночеством.

Следующее знаковое на пути посвящения героя событие – знакомство с Аляской Янг (*Alaska Young*). При первой встрече Аляска вспоминает предсмертные слова Симона Боливара (латиноамериканский государственный, политический и военный деятель), упомянутые в книге Г. Г. Маркеса «Генерал в своем лабиринте» (“El general en

su laberinto”, 1989): “How will I ever get out of this labyrinth!” («Чёрт возьми, как же я выберусь из этого лабиринта!») [ibid.: 11]. Впоследствии эти слова становятся ключом к разгадке трагической истории девушки / пути постижения Майлза.

Так, роман «В поисках Аляски» имеет черты «школьной истории» или «подросткового романа». В нем можно усмотреть параллельно развивающиеся сюжетные линии нескольких героев, наличие фигуры учителя, директора школы. В нарративе показаны отношения внутри группы учащихся, особое значение имеет топос школы. Однако жанрообразующими являются черты романа инициации (см., например: [Шалимова 2014]): событийная насыщенность, философская проблематика (экзистенциальное познание, преодоление кризисов), переживание потери близкого, детективный элемент.

Повествование ведется от первого лица и наполнено внутренними монологами, пронизано исповедальной тональностью. Каждая смысловая часть романа предваряется обратным отсчетом, где указана информация о том, сколько дней осталось «до...» (имеется в виду гибель Аляски): первая глава начинается со слов “one hundred thirty six before” («сто тридцать шесть дней до...») [Green 2006: 6]. Полагаем, это часть стратегии автора. С одной стороны, писатель стремится максимально удержать читательское внимание, а с другой – здесь можно усмотреть определение главного события, семантического и композиционного центра романа.

Сюжетообразующее событие романа – трагическая гибель Аляски и последующие попытки героев разгадать ее историю. Одной из подсказок становится книга с биографией Симона Боливара, предсмертным высказыванием которого Аляска делится с Майлзом во время их знакомства. В тексте подчеркнуты слова “Straight and fast” (Быстро и по прямой), которым следует героиня и которые приводят к автокатастрофе. По ходу развития сюжета становится ясно, что девушка ехала на могилу матери, в смерти которой она винила себя. В финале романа – философские размышления Майлза о жизни и смерти, обретении и потере, молодости и взрослении. В них юноша подводит итог испытаниям и символически прощается с юностью.

Роман Дж. Грина «Бумажные города» (“Paper Towns”, 2008) повествует об истории подростка Квентина Джейкобсена (*Quentin Jacobsen*). В основе сюжета также находится детективный элемент: герои разгадывают тайну исчезновения Марго (*Margo Roth Spiegelman*), соседки и возлюбленной главного героя. По мере развития сюжета любовная линия усложняется, роман становится историей взросления, персонажи

ищут ответы на глубокие философские вопросы. Особую роль играет метафора «бумажные города», вынесенная в заглавие произведения. Она символизирует искусственность внешнего мира, отражает неприятие героями взрослой жизни: “All those paper people living in their paper houses, burning the future to stay warm...” [Green 2009: 58] («Все эти бумажные люди, живущие в своих бумажных домах, сжигающие будущее, чтобы согреться»).

Ключевым элементом в романах Дж. Грина является книга: в романе «В поисках Аляски» это роман Г. Г. Маркеса «Генерал в своем лабиринте», в «Бумажных городах» – поэма У. Уитмена «Песнь о себе» (Walt Whitman, “Song of Myself”, 1881). Поэтические строки этого сочинения становятся подсказками. Их оставляет Марго для Квентина, надеясь, что он найдет ее. Дж. Грин также проводит параллель между одержимостью, которую испытывает Квентин в отношении Марго, и погоней за Белым Китом в романе Германа Мелвилла «Моби Дик» (Herman Melville, “Moby Dick”, 1851): “You never see Ahab wanting anything else in the whole novel, do you? He has a singular obsession. You can argue <...> that Ahab is a fool for being obsessed. But you could also argue that there is something tragically heroic about fighting this battle he is doomed to lose” («Вы никогда не видите, чтобы Ахав хотел чего-то еще во всем романе, не так ли? У него единственное желание. Вы можете сказать <...> что эта одержимость делает его глупцом. Но невозможно возразить на то, что есть что-то трагически героическое в этой битве, которую он обречен проиграть») [ibid.: 159].

В центре романа «Виноваты звезды» (“The Fault in Our Stars”, 2012) находится история подростков, неизлечимо больных раком. Повествование ведется от лица шестнадцатилетней девушки Хейзел Грейс (*Hazel Grace Lancaster*). Сюжетообразующим событием становится знакомство героини с Огастусом Уотерсом, которого она встречает на собрании группы поддержки неизлечимо больных.

В имени главной героини, как и в имени юноши *Augustus Waters* (*Hazel* – англ. «орешник», *Waters* – англ. «воды, море»), подчеркивается близость природе, что вносит в характеристику героев естественность, натуральность, которую усиливает слово *Grace* (англ. «благодать, милость»). Название романа связано с одним из ведущих мотивов ранней американской словесности – мотивом провиденциальности (*providence*). В ключевых исследованиях, посвященных ранним произведениям американской литературы, миссия писателя определялась следующим образом: «Они старались раскрыть смысл

того или иного события, проинтерпретировать его и, в конечном счете, убедить читателя в том, что все поступки людей на земле – акт проявления воли Господа, следовательно, они заранее предрешены» [Баранова 2011: 10]. Поэтика заглавия романа Дж. Грина (“The Fault in Our Stars”) метафорически отсылает читателя к воле высших сил, предопределенности человеческой жизни, невозможности героев повлиять на свою судьбу.

Персонажей анализируемого романа объединяет не только общий опыт (переживание болезни), но и культурные коды, схожесть мировосприятия, чувство юмора, любовь к чтению: “The Support Group, of course, was depressing as hell. It met every Wednesday in the basement of a stone-walled Episcopal church shaped like a cross. We all sat in a circle right in the middle of the cross, where the two boards would have met, where the heart of Jesus would have been” [Green 2014: 11] («Посещения группы поддержки угнетали хуже некуда. Собрания проходили по средам в подвале каменной епископальной церкви, фундамент которой имел форму креста. Мы садились в кружок посередине – там, где пересекались перекладины и находилось бы сердце Иисуса»). Группа поддержки описывается писателем чуть иронично, как и всё, что связано со стереотипами восприятия рака, отношением к больным, способами борьбы с болезнью. То, что оба героя больны, позволяет им вести себя свободно, искренне, доверительно, поддерживать друг друга, находя нужные слова. Герои встречаются весной и воспринимают это время года как символ начала новой жизни, это своеобразный переход от холода и темноты зимы к чему-то новому, яркому: «...the weather was truly and absolutely extraordinary for March, and how in spring all things are new, and they didn’t even once ask me about the oxygen or my diagnosis, which was weird and wonderful» [ibid.: 32] («...погода была совершенно необыкновенной для марта, и весной всё кажется первозданно новым, и они ни разу не спросили меня о кислородном баллоне или диагнозе, что было необычно и приятно»).

Встреча меняет героев, чувство юмора, открытость, схожесть жизненного пути и ироничное принятие этого пути – вот те черты, которые преобразуют инициацию каждого из них. Обретая любовь, протагонисты переносят выпавшие на их долю испытания мужественно и даже радостно, поскольку физические муки меркнут в сравнении с тем приобретением, которое дает им судьба. Личная история героев становится важнее, значительнее, глубже истории их болезни: “No, not your cancer story. Your story. Interests, hobbies, passions, weird fetishes, etcetera” («Нет,

не история болезни. Твоя история. Интересы, увлечения, страсти, фетиши и тому подобное» [Green 2014: 35].

Как и в романе Ст. Чбоски «Хорошо быть тихоней» (Stephen Chbosky, “The Perks of Being a Wallflower”, 1999), главным героем которого также является подросток, в произведениях Дж. Грина нет конфликта или непонимания между детьми и родителями (см. подробнее: [Татаринов 2015]). Наоборот, последние – чуткие, любящие, понимающие, близкие подросткам люди: “My parents were my two best friends. My third best friend was an author who did not know I existed” («Родители – два моих лучших друга. Третий лучший друг – автор, который не знает о моем существовании») [Green 2014: 18].

Любовь к литературе, чтению, поиск в книгах ответов на вопросы – типичная черта романа инициации. В произведении «Виноваты звезды» присутствуют многочисленные культурные и литературные аллюзии. Еще в начале знакомства героев упоминается фильм «V значит Вендетта»: “You’re like a millennial Natalie Portman. Like V for Vendetta Natalie Portman” [ibid.: 22] («Ты – как Натали Портман в две тысячи втором году. Как Натали Портман из фильма „V значит Вендетта“»). Герои романа смотрят фильм «300 спартанцев» и, рассуждая о мужестве и отваге, жизни и смерти, размышляют о собственной жизни.

Хэйзел посещает лекции по литературе: “My class was American Literature, a lecture about Frederick Douglass” («Была американская литература, лекция о Фредерике Дугласе») [ibid.: 32]. Упоминания о литературе также связаны с именем американской поэтессы и писательницы Сильвии Плат (Sylvia Plath, 1932–1963): “The next morning I had Twentieth-Century American Poetry at MCC. This old woman gave a lecture where she managed to talk for ninety minutes about Sylvia Plath without ever once quoting a single word of Sylvia Plath” («Наутро в колледже была лекция по американской поэзии XXI века. Пожилая женщина, читавшая лекцию, умудрилась полтора часа говорить о Сильвии Плат, не процитировав ни строчки из Сильвии Плат») [ibid.: 53]. Эти отсылки демонстрируют включение героев в контексты национальной литературы и культуры.

В романе присутствуют философские аллюзии. Например, в Амстердаме герои поселяются в гостинице «Философы» (*the Hotel Filosoof*), а их номера символизируют экзистенциальные направления (С. Кьеркегор (1813–1855) считается первым философом-экзистенциалистом, М. Хайдеггер (1889–1976) – немецкий философ-экзистенциалист), знаменуя те «озарения», которые они переживают: “All the rooms in the Hotel

Filosoof were named after philosophers: Mom and I were staying on the ground floor in the Kierkegaard; Augustus was on the floor above us, in the Heidegger” [ibid.: 143] («Все номера в отеле «Философ» были названы в честь философов: мы с мамой жили на первом этаже в “Кьеркегоре”; Август разместился на этаж ниже, у Хайдеггера»).

В романе также упоминается и графически оформлена пирамида потребностей А. Маслоу (Abraham Maslow (1908–1970), американский психолог), герои опровергают выстроенную им иерархию, основанную на том, что человек не может испытывать потребности высокого уровня, пока не удовлетворены базовые (органические потребности, безопасность и др.): “According to Maslow, I was stuck on the second level of the pyramid, unable to feel secure in my health and therefore unable to reach for love and respect and art and whatever else” («По Маслоу, я застряла на втором уровне пирамиды, не в состоянии чувствовать уверенность в своем здоровье и поэтому не в состоянии достичь любви и уважения, познать искусство и все остальное») [ibid.: 192]. Несмотря на страх и болезнь, они искренне любят друг друга и ценят каждый миг жизни. Культурные контексты выполняют нарратологическую и характеризующую функции, расширяют семантическое поле произведения [Stephens 2007].

Одной из ключевых книг для героев становится вымышленный роман «Царский недуг» Питера ван Хуттена (Peter Van Houten, “Imperial Affliction”). Ее автор воспринимается Хэйзел как один из ее друзей, а сама книга сравнивается с Библией: “I’d learned this from my aforementioned third best friend, Peter Van Houten, the reclusive author of An Imperial Affliction, the book that was as close a thing as I had to a Bible” [Green 2014: 19] («Я узнала об этом от вышеупомянутого третьего лучшего друга, Питера ван Хутена, писателя-отшельника, автора «Царского недуга», ставшего для меня второй Библией»).

Книга играет ключевую роль в отношениях героев. Она имеет большое значение для формирования их мировоззрения и служит сюжетообразующим элементом (знакомство героев с автором, письма ему, встреча и последующее разочарование, прощальное письмо Огастуса). Символическое значение имеет и то, что книга не дописана и, по словам автора, не может быть дописана и иметь финал, в то время как жизнь Хэйзел и Гаса конечна.

Во вступлении к роману автор несколько раз подчеркивает, что персонажи книги и сама история вымышлены и не имеют отношения к действительности: “That disease and its treatment are

treated fictitiously in this novel” [ibid.: 280] («В этом романе болезнь и ее лечение вымышлены»). Однако описание течения рака, симптомов, лечения имеют весьма достоверный характер и тщательно прорабатывались Дж. Гринем. Хейзел так описывает свое состояние: “I was looking pretty dead – my hands and feet ballooned; my skin cracked; my lips were perpetually blue. They’ve got this drug that makes you not feel so completely terrified about the fact that you can’t breathe, and I had a lot of it flowing into me through a PICC line, and more than a dozen other drugs besides” [Green 2014: 29] («Я выглядела конкретным трупом: кисти и стопы отекали, кожа потрескалась, губы постоянно были синие. Появилось лекарство, которое позволяло чуть меньше ужасаться невозможности дышать, и мне лили его целыми литрами через ЦВК вместе с десятком других медикаментов»).

Включение *non-fiction* элементов (подробное и достоверное описание болезни, способов борьбы с ней, упоминание фильмов, телепередач, книг, достопримечательностей, торговых марок) раздвигает границы текста, образует так называемую «дополненную реальность» (*augmented reality*): книга стала бестселлером и своеобразной поддержкой в глазах читателей. Те же параллели можно выявить в романе Дж. Эшера «Тринадцать причин почему» (John Mallory Asher, “Thirteen Reasons Why”, 2007). После его публикации вышел сериал и был создан сайт, предлагающий психологическую помощь людям, столкнувшимся с насилием или оказавшимся в безвыходной ситуации.

Отмечается, что «при моделировании художественной реальности автор неизбежно описывает ее как существующую во времени, а сюжет произведения развивается в определенных временных координатах, заданных авторским замыслом» [Афанасьева и др. 2019: 42]. Категория времени в творчестве Дж. Грина носит субъективный, условный характер, временные характеристики зависят от ценности момента. Произведения этого писателя событийно интенсивны, в их основе находится детективно-приключенческий элемент («Бумажные города», «В поисках Аляски»). Время играет ключевую роль также потому, что оно ограничено, и герои не знают, сколько дней им еще отмерено («Виноваты звезды»). Также следует отметить, что в проанализированных романах присутствует элемент ретроспекции. Время нелинейно, а потому можно заключить, что «действие пластично перемещается в различные пространственно-временные отрезки вследствие свободного полета интеллектуальной фантазии авторской мысли» [Меркулова 2018: 8].

Ключевым топосом в романе становится город. Поездка в Амстердам – это чудесное исполнение желания Гаса. Во время путешествия были разочарования и откровения, важные осознания и окончательное обретение героями понимания и любви: “I found my wish” [Green 2014: 86] («Это было мое желание»), – говорит герой. Амстердам описывается как нечто необычайное, как противоположность тому миру, в котором герои находились прежде: “It looked nothing like America. It looked like an old painting” («Это было совсем непохоже на Америку. Это было похоже на живопись старых мастеров») [ibid.: 143]. Для Хейзел это шаг к дальнейшей жизни: героиня переживает рецидивы, беспокоится о близких, которые могут потерять ее в любой момент: “Then I am a cancer-fighting machine” («Я – машина по борьбе с раком»), – заявляет девочка [ibid.: 102]. В начале романа, в апатии и эскапизме она видит возможность «минимизировать последствия взрыва», который обрушится на близких после ее потери: “I’m like a grenade, Mom” («Я как граната, мама») [ibid.: 93], “I was the alpha and the omega of my parents’ suffering” («Я была альфой и омегой страдания родителей») [ibid.: 109].

Общение с писателем Питером ван Хутеном, ради встречи с которым они едут в Амстердам, разочаровывает героев. Он не оправдывает их надежд как человек и как писатель, в том числе потому, что не может ничего сказать о финале романа: “I can no more tell you what happens to her than I can tell you what becomes of Proust’s Narrator or Holden Caulfield’s sister or Huckleberry Finn after he lights out for the territories” («Я не могу сказать вам, что с ней случилось, как не могу рассказать, что происходит с Рассказчиком Пруста, сестрой Холдена Колфилда или Гекльберри Финном после того, как он уезжает») [ibid.: 175]. Эти сравнения представляются неслучайными, поскольку писатель называет произведения, которые связаны с духовными поисками героев и имеют открытый финал.

Знаковым местом в Амстердаме для героев становится Музей Анны Франк. Хейзел потрясена стойкостью и мужеством Анны и фактом трагической неизбежности встречи со смертью: “she was dead and I wasn’t, because she had stayed quiet <...> and done everything right and still died” («Она была мертва, а я нет, она молчала и все делала правильно и все равно умерла») [ibid.: 180].

Тема смерти, ключевая для этого произведения и романа инициации в целом (см. подробнее: [Шалимова 2014]), осмысливается и благодаря упоминанию Рейксмузеума, где хранятся полотна Рембрандта, Вермеера и других голландских мастеров. Музей наталкивает героев на размышления о жизни, смерти и вневременности чувств.

Как уже было сказано выше, главные персонажи прозы Дж. Грина – подростки (см. подробнее: [Куракова 2019]), которые попадают в неординарные обстоятельства: это может быть борьба с болезнью, переживание сильного любовного чувства, утрата близкого человека, разрыв с прежней жизнью, расследование какого-то загадочного дела. Повторяющимися структурными элементами в каждом сочинении являются: повествование от первого лица, трехчастная структура, литературоцентризм.

Во всех проанализированных романах были отмечены такие общие черты, как: усиленная нарративность, событийная насыщенность, философский финал. Проходя через испытания, герой переживает экзистенциальный переворот и в финале подводит итоги жизненного пути, обобщает свой опыт (см. подробнее: [Загарина 2011; Cart 2016]).

Произведения Дж. Грина, являясь бестселлерами, выполняют важную социальную, педагогическую функцию благодаря той атмосфере витальности, любви к ближнему, которой они пронизаны. В романе-преодолении «Винноваты звезды» персонажи борются со смертельной болезнью, Хейзел обретает близкого человека и теряет его, на своем пути инициации героиня встречает много трудностей и много радостей, она познает и находит саму себя. В произведениях «В поисках Аляски» и «Бумажные города» присутствует детективный элемент, это разновидности романа-постижения, поскольку главную роль играет эволюция героя, путь расставания с иллюзиями. Инвариантными моделями поэтики избранных для анализа произведений являются: тип героя (подросток), тема любви, сопряженная с мотивом обретения / утраты, разгадывание тайны / проведение расследования, детективно-приключенческий элемент, литературоцентризм повествования, преодоление кризиса, которое лежит в основе сюжета.

Список литературы

Афанасьева О. В. и др. Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина, О. Г. Чупрына. М.: Диона, 2019. 112 с.

Баранова К. М. Ведущие лейтмотивы ранней американской словесности и их влияние на современную литературу // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 1(7). С. 8–13.

Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа). СПб.: Азбука, 2000. 304 с.

Гайджюнас С. В. Роман воспитания. Динамика жанровой структуры. Вильнюс: МВССО ЛитССР, 1984. 52 с.

Загарина Е. М. Традиции романа воспитания в прозе Дж. Ирвинга конца 1960-х – 1980-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 43 с.

Куракова И. А. Образ подростка в романе воспитания Джона Грина «Бумажные города» // Litera. 2019. № 6. С. 116–127.

Меркулова М. Г. Типология поздней драматургии Дж. Б. Шоу. М.: Библио-Глобус, 2018. 118 с.

Пашигорев В. Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVII–XX веков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 144 с.

Татаринев А. В. Мировоззренческие стратегии в современном американском романе // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 5. С. 395–406.

Шалимова Н. С. Роман инициации как инвариантная форма романа воспитания // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2014. № 4. С. 265–268.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Byrnes A. The Child: an Archetypal Symbol in Literature for Children and Adults. NY: P. Lang, 1995. 114 p.

Cart M. Young adult literature: From romance to realism. Chicago: Neal Schuman Publ., 2016. 242 p.

Green J. Looking for Alaska. London: Penguin Books, 2006. 221 p.

Green J. Paper Towns. New York: Penguin Group, 2009. 320 p.

Green J. The Fault in Our Stars. London: Penguin Books, 2014. 316 p.

Hurst M. J. The Voice of the Child in American Literature. Linguistic Approaches to fictional Child Language. Lexington: The University Press of Kentucky, 1990. 185 p.

Stephens J. Young Adult: A Book by Any Other Name...: Defining the Genre. The Alan Review // Fall. 2007. URL: <http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/ALAN/v35n1/pdf/stephens.pdf> (дата обращения: 05.09.2022).

Talbot M. The Teen Whisperer: How the Author of “The Fault in our Stars” Built an Ardent Army of Fans // The New Yorker. 2014. June 2. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2014/06/09/the-teen-whisperer> (дата обращения: 29.02.2002).

References

Afanas'eva O. V. et al. *Amerikanskaya kul'turno-yazykovaya kartina mira XIX veka: vremya, svoboda, sud'ba, odinochestvo, dostoinstvo* [American

Cultural and Linguistic Picture of the World of the 19th Century: Time, Freedom, Fate, Loneliness, Dignity]. O. V. Afanas'eva, K. M. Baranova, V. S. Mashoshina, O. G. Chupryna. Moscow, Diona Publ., 2019. 112 p. (In Russ.)

Baranova K. M. Vedushchie leytmotivy ranney amerikanskoy slovesnosti i ikh vliyanie na sovremennuyu literaturu [Main leitmotifs of pre-national literature and their influence on modern American literature]. *Vestnik Moskovskogo Gorodskogo Pedagogicheskogo Universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2011, issue 1(7), pp. 8–13. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana)*. [Epic and Novel (Toward a Methodology for the Study of the Novel)]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 304 p. (In Russ.)

Gayzhyunas S. V. *Roman vospitaniya. Dinamika zhanrovoy struktury* [Bildungsroman. The Dynamics of Genre Structure]. Vilnius, Ministry of Higher and Specialized Secondary Education of the Lithuanian SSR, 1984. 52 p. (In Russ.)

Zagarina E. M. *Traditsii romana vospitaniya v proze Dzh. Irvinga kontsa 1960-kh–1980-kh*. [Traditions of Bildungsroman in John Irving's Works of the Late 1960s–1980s]. Kazan, 2011. 43 p. (In Russ.)

Kurakova I. A. *Obraz podrostka v romane vospitaniya Dzhona Grina 'Bumazhnye goroda'*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The image of teenager in bildungsroman 'Paper Towns' by J. Green. Abstract of Cand. philol. sci. diss.], *Litera*, 2019, issue 6, pp. 116–127. (In Russ.)

Merkulova M. G. *Tipologiya pozdney dramaturgii Dzh. B. Shou* [Typology of G. B. Shaw's Late Dramaturgy: monograph]. Moscow, Biblio-Globus Publ., 2018. 118 p. (In Russ.)

Pashigorev V. N. *Roman vospitaniya v nemetskoy literature XVII–XX vekov*. [Bildungsroman in German Literature of the 17th–20th Centuries]. Saratov, Saratov State University Press, 1993. 144 p. (In Russ.)

Tatarinov A. V. Mirovozzrencheskie strategii v sovremennom amerikanskom romane [World outlook strategy in the modern American novel]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [The Liberal Arts in Russia], 2015, issue 5, pp. 395–406. (In Russ.)

Shalimova N. S. Roman initsiatsii kak invariantnaya forma romana vospitaniya [Initiation novel as an invariant form of education novel]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev], Krasnoyarsk, KGPU named after V. P. Astafyev Press, 2014, issue 4, pp. 265–268. (In Russ.)

Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, LRC Publishing House, 2003. 312 p. (In Russ.)

Byrnes A. *The Child: an Archetypal Symbol in Literature for Children and Adults*. NY, P. Lang, 1995. 114 p. (In Eng.)

Cart M. *Young Adult Literature: From Romance to Realism*. Chicago, Neal Schuman Publ., 2016. 242 p. (In Eng.)

Green J. *Looking for Alaska*. London, Penguin Books, 2006. 221 p. (In Eng.)

Green J. *Paper Towns*. New York, Penguin Group, 2009. 320 p. (In Eng.)

Green J. *The Fault in Our Stars*. London, Penguin Books, 2014. 316 p. (In Eng.)

Hurst M. J. *The Voice of the Child in American Literature. Linguistic Approaches to Fictional Child Language*. Lexington, The University Press of Kentucky, 1990. 185 p. (In Eng.)

Stephens J. *Young Adult: A Book by Any Other Name...: Defining the Genre. The Alan Review*. Fall, 2007. Available at: <http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/ALAN/v35n1/pdf/stephens.pdf> (accessed 05 Sep 2022). (In Eng.)

Talbot M. The Teen Whisperer: How the Author of 'The Fault in our Stars' Built an Ardent Army of Fans. *The New Yorker*. 2014, June 2. Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2014/06/09/the-teen-whisperer> (accessed 29 Feb 2002). (In Eng.)

Initiation Novel in Works by J. Green

Kseniya M. Baranova

Professor, Head of the Department of English Philology

Institute of Foreign Languages

Moscow City University

4, 2 Sel'skokhozyaystvennyy proezd, Moscow, 129226, Russian Federation. baranovkm@mgpu.ru

SPIN-code: 7744-4741

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>

Nadezhda S. Shalimova

Associate Professor in the Department of English Philology

Institute of Foreign Languages

Moscow City University

4, 2 Sel'skokhozyaystvennyy proezd, Moscow, 129226, Russian Federation. shalimovans@mgpu.ru

SPIN-code: 1894-7562

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9636-1262>

Submitted 08 Oct2022

Revised 16 Dec 2022

Accepted 01 Mar 2023

For citation

Baranova K. M., Shalimova N. S. Roman initsiatsii v tvorchestve Dzh. Grina [Initiation Novel in Works by J. Green]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 72–80. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-72-80 (In Russ.)

Abstract. This article explicates the theme of growing up and self-identification of adolescents in modern US literature. Analysis of these problems seems important from the point of view of literary research and study of the genre ‘initiation novel’, as well as from general cultural and social perspectives. The study aims at a detailed investigation of narrative features of novels as well as the structure of the plot and the chronotope to identify specific features of the initiation novel in modern US literature on the basis of the novels *Looking for Alaska*, *Paper Towns*, *The Fault in Our Stars* by J. Green. It is concluded that a compelling plot, philosophical problems (the identity of the main character, overcoming of crises), a subjective perception of time and space, confessional narration, traditional motifs of loss, experiencing death, illness, mental pain, disappointment, and self-attainment are typical features of the genre. The paper presents the authors’ original classification of genre forms within the novel of initiation. It is based on existential challenge that the protagonist faces, as well as the plot structure (the characters’ way out of the crisis), narrative method, theme, and message. Two kinds of the initiation novel are distinguished in the article: the ‘overcoming novel’ and the ‘comprehension novel’. It is concluded that novels *Looking for Alaska* and *Paper Towns* can be classified as the second type since their structure is similar to the traditional Bildungsroman. The main character passes through difficulties (the detective element plays a plot-forming role), leaves shattered illusions behind and grows up. The novel *The Fault in Our Stars* is close to the first type: through overcoming illness the main character experienced existential reconsideration.

Key words: initiation novel; teenager; the process of growing; self-identification; national motifs.

УДК 821.161.1

doi 10.17072/2073-6681-2023-2-81-91

«Мой идол, мой учитель, мой недостижимый образец!»:**И. С. Тургенев – читатель А. С. Пушкина****Иван Олегович Волков****к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы****Томский государственный университет**

634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. wolkoviv@gmail.com

SPIN-код: 4823-4376

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

ResearcherID: J-5018-2017

*Статья поступила в редакцию 27.10.2022**Одобрена после рецензирования 06.03.2023**Принята к публикации 15.03.2023***Информация для цитирования**

Волков И. О. «Мой идол, мой учитель, мой недостижимый образец!»: И. С. Тургенев – читатель А. С. Пушкина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 81–91. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-81-91

Аннотация. Статья посвящена целостному анализу читательского восприятия И. С. Тургеневым лирического творчества А. С. Пушкина. В научный оборот вводятся архивные материалы личной библиотеки писателя (ОГЛМТ, г. Орёл), а именно многочисленные пометы в третьем томе из первого посмертного собрания сочинений поэта (1838–1841). Впервые с помощью комплексного изучения всех оставленных на книге рукой Тургенева следов чтения (подчеркивания, отчеркивания, записи) реконструируется картина вдумчивого и отзывчивого отношения писателя к Пушкину-поэту. Характер помет в совокупности указывает на сосредоточенное внимание писателя как к форме пушкинского стиха, так и к его содержанию. Читательская рефлексия писателя собирает и объединяет поэтические тексты в преимущественно три перекликающихся тематических направления: нравственно-философское, любовное и биографическое. Тургенев проявляет особый интерес к широко представленному у Пушкина сопряжению образов жизни и смерти, существенно углубляет драматические ноты в авторских размышлениях о человеке и его положении в мире. Философские смыслы пушкинской лирики, получающие в ходе чтения психологическую огласовку, становятся для писателя также необходимым камертоном трагического звучания темы любви. Подходя к осмыслению феномена жизнотворчества у Пушкина, Тургенев, с одной стороны, расставляет в его стихотворениях определенные биографические акценты, а с другой – подходит к решению проблемы значения и свободы поэтического творчества (сонет «Поэту»).

Ключевые слова: А. С. Пушкин; И. С. Тургенев; пушкинская лирика; пометы; чтение; библиотека писателя.

Тот огромный пиетет, что питал И. С. Тургенев к личности и творчеству А. С. Пушкина, определил широкую линию взаимодействия писателя с лирическим, прозаическим и драматическим наследием «солнца русской поэзии» и обозначил масштабную проблему творческого диалога, литературной преемственности [Курляндская 1975; Мостовская 1997; Дубинина 2011]. Особое место в русле изучения эстетико-художественных связей двух авторов занимают вопросы читательской рецепции, то, каким образом происходило восприятие Тургеневым пушкинского слова в самом процессе его активного и непосредственного постижения [Балыкова 2003: 103–122]. Воссоздать картину чтения позволяют бесценные материалы писательской библиотеки, хранящейся в литературном музее г. Орла (ОГЛМТ).

В рукописном каталоге книжного собрания Тургенева среди произведений Пушкина числятся две книги сочинений без указания названий, том «Стихотворения», отдельные издания поэм «Руслан и Людмила» и «Полтава». До наших дней дошли только два разрозненных тома из первого посмертного собрания, которое редактировал В. А. Жуковский. Это третий том, содержащий жанровые разновидности лирики, и одиннадцатый, где под общим титулом «Смесь» объединены различные сочинения. Сохранившиеся экземпляры достались Тургеневу от В. Г. Белинского, у вдовы которого писатель в 1853 г. приобрел всю его книжную коллекцию.

Обретение и чтение произведений Пушкина происходило у Тургенева в то самое время, когда П. В. Анненков выпускал собственноручно собранные материалы к биографии поэта и принимался за новое печатание его сочинений. Подготовка этого издания писатель не только сочувствовал, но и деятельно помогал. Во-первых, Тургенев на первое время предоставил в полное распоряжение Анненкова купленную им библиотеку Белинского. Во-вторых, он содействовал в установлении возможных источников отдельных пушкинских произведений. С 1852 г. и до самого выхода первых двух томов собрания в феврале 1855 г. в письмах Тургенева к Анненкову последовательно звучат вопросы относительно завершения, цензурирования и печатания Пушкина.

На шмуцтитуле третьего тома Тургенев встретил автограф Белинского: знакомой ему рукой чернилами крупно выведено «Пушкин». Именно эта книга стихотворений явилась единственным свидетельством читательской рефлексии самого Тургенева. Во всем томе писатель карандашом выделил почти четыре десятка текстов, пометая их в привычной манере вертикального отчеркивания, горизонтального подчеркивания, полукруглых и перекрещенных линий. Рефлексия читателя проявила себя и в кратких записях на полях, исправлениях, расшифровках. Общий характер помет и почерк не допускают сомнений в принадлежности всех оставленных читательских следов исключительно Тургеневу. Карандашные пометы в единстве и систематичности своего исполнения указывают на непрерывность рефлексии, в которой, в свою очередь, обнаруживается знакомство с материалами Анненкова, что позволяет отнести момент чтения ко времени пребывания Тургенева в Спасском в середине 1855 г.

Самую обширную рефлексия у Тургенева вызвали «Песни, стансы и сонеты», где им отмечены 25 стихотворений – ровно половина от общего числа текстов этого раздела. В последующих двух выделены по пять произведений. Вы-

бор стихотворений у Тургенева, конечно, не произвольный, но определяется, с одной стороны, его глубоко личным отношением к творчеству Пушкина, а с другой – созвучием и перекличками двух художественных систем. Читательский взгляд писателя собирает и объединяет тексты в преимущественно три тематических направления: нравственно-философское, любовное и биографическое, но это деление не слишком четкое, нередкое между собой они перекликаются.

Первый текст, открывший читателю в рамках третьего тома нравственно-философскую линию пушкинской лирики и ставший объектом специального внимания Тургенева, – это «Стансы Толстому» (1819). В них представлена медитация на тему краткости человеческой жизни с противопоставлением ее ликующего начала и безрадостного конца. Лирический герой стремится преодолеть непостоянство молодости с помощью юношеского азарта, проповедуя горациево *carpe diem*. Тургенев же обращается не к собственно антитезе, а выделяет только одну ее сторону – нависающее мрачной тенью предостережение:

Поверь, мой друг, она придет,
Пора унылых сожалений,
Холодной истины забот
И бесполезных размышлений
[Пушкин 1977–1979, т. 1: с. 383].

Но если у Пушкина эти стихи призваны напомнить о неостановимом течении времени и оправдать веселье юных лет, то в одиночном отчеркивании Тургенева они оказываются смысловой доминантой. В восприятии писателя ударение падает именно на тревожное и неотступное сознание того, что «пора сожалений» непременно придет. Такая акцентуация свидетельствует об общем драматическом свойстве тургеневского отношения к заданному Пушкиным противоречию. В последующей рефлексии это русло все более углубляется.

Двигаясь по развиваемой автором теме сопряжения жизни и смерти с размышлениями о смысле человеческого существования, Тургенев обращается к «Телеге жизни» (1823). Он отметил все стихотворение небольшим крестиком, а непосредственно в его тексте выделил всего две строки, концептуально противопоставив их друг другу. В пределах второй строфы подчеркнут стих «Мы рады голову ломать», а в следующей – «Порастрясло нас» [там же, т. 2: 148]. Два писательских акцента сосредоточены на предельно противоположных смыслах. Вникая в задаваемую Пушкиным метафору быстрой езды как стремительного движения жизни, Тургенев резко сталкивает стремительный энтузиазм молодости и просящую спокойствия зрелость. Ре-

флексируя в пушкинской последовательности, он, как и в предыдущем случае, делает акцент не на равнозначность двух периодов человеческого развития, а на пессимистическое сознание того, что пора беззаботного и лихого самоощущения обязательно сменится следующей, нарушающей блаженную безмятежность.

Как продолжение лирической медитации «Теги жизни» в метафорическом осмыслении человеческого пути Тургенев останавливает свой взгляд на стихотворении «Дорожные жалобы» (1829). Так же помечая его двумя переkreщенными чертами, он в тексте выделяет лишь одно слово «мне» – в самой первой строке: «Долго ль мне гулять на свете...» [Пушкин 1977–1979, т. 3: 121]. Это, конечно, акцент на лирическое «я» с индивидуальным выходом к вечной проблеме. Писатель заостряет личностную сторону этих «жалоб», внутреннюю сосредоточенность философского анализа. Самообращенный поиск ответа на вопрос о том, где же застигнет именно *меня* смерть, у Пушкина завершается мыслью о родном доме, которая и успокаивает, и примиряет с неизбежной участью. Тургенев же единственным подчеркиванием делает эту думу бесконечной, неумолчно заключенной в глубине человеческого сознания и всегда с тревогой отсюда доносящейся.

Подобная же самобытность лирической рефлексии, но в еще более откровенном излиянии сущностных вопросов заинтересовала Тургенева в стихотворении «Дар напрасный, дар случайный...» (1828). Выделяя крестиком этот текст среди прочих, писатель сосредоточенно очеркивает ногтем одну за другой строки в последней строфе:

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум*
[там же: 59].

На первый план снова выходит пессимизм мироощущения. Лирический герой Пушкина находится в поиске смысла своего существования и предназначения, который словно бы затерялся в пустоте и бесплодности прошедших лет. В изображении кризисного состояния Тургенева не интересует обращенность героя к абстрактным вещам, овеванной тайной, – устремление к неведомым силам, определяющим судьбу («Кто меня враждебной властью / Из ничтожества воззвал...» [там же]). Его волнует конкретика жизни в отсутствии цели, содержания и значения, но не сама по себе, а именно в масштабном самочувствии человека. Писателю важно именно нравственно-психологическое состояние личности,

перед которой встали такие вопросы, заставляющие ее сначала мучительно искать ответа, а затем прийти к неутешительному итогу. Это положение человека перед самим собой, который проводит ценностную ревизию, желая отыскать твердую опору для дальнейшего движения.

Помимо представления Пушкиным человеческого бытия через метафору дорожной езды, привлекает Тургенева и аллегория флористического характера. Об этом говорит его отдельный интерес к стихотворению «Цветок» (1828). В самой первой строке («Цветок засохший, безуханный...» [там же: 84]) он вписывает букву «д» между префиксом и корнем слова «безуханный». И одно это изменение придает определению в паре с главным словом дополнительный смысл. В словаре В. И. Даля «безуханный» имеет показательный синонимичный ряд: «неблагоухающий, неблагоприятный, непахнущий, непахучий, безароматный, недушистый» [Даль 1880: 79]. Акцент ставится на поэтическую конкретику слова, связанную с потерей аромата. Пушкин использует это определение в его явном значении и с помощью соседних метафор закольцовывает стихотворение, уподобляя увядший цветок человеческой смерти: «И жив ли тот, и та жива ли?... / Или уже они увяли..?» [Пушкин 1977–1979, т. 3: с. 84]. Превращая «безуханный» в «бездуханный», Тургенев олицетворяет образ цветка и проявляет в нем семантику души, которая соединяется со значением аромата. Не случайно это слово в стихотворении самостоятельно употребляется поэтом: «Душа наполнилась моя...». В результате замены параллель с человеком становится более явной и родственной: лишенный души и лишенный жизни.

Мысль о смерти, которая, по словам Анненкова, «стала мелькать перед глазами Пушкина с неотвязчивостью» [Анненков 1855: 250], еще шире разворачивается в «теснейшем соседстве с думою о жизни» [Грехнёв 1994: 127] в элегии «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829). И Тургенев в своем чтении обращается к ней очень внимательно, оставляя на полях и в тексте самые обильные пометы. Сначала он помечает крестиком всё стихотворение, а затем ступает от строфы к строфе с акцентуацией нужных ему смыслов. Здесь им проявлена та же логика, что и во время чтения «Цветка», – выдвижение на первый план трагических нот. Если сам Пушкин оформляет элегию в равноправном созвучии «скорбной и светлой музыки» [там же: с. 128], то Тургенев сосредоточивается на меланхолической направляющей. Прежде всего он останавливается на первых строках («Брожу ли я вдоль улиц шумных, / Вхожу ль во многолюдный храм» [Пушкин 1977–1979, т. 3: с. 130]), подчеркивая их и делая

таким образом явными неотступность и постоянность размышлений лирического героя (и человека вообще) над быстротечностью и конечностью жизни. В пандан к этим стихам писатель полностью отчеркивает вторую строфу, где ясно проговариваются тягостные думы, центральная из которых – «*Мы все сойдем под вечны своды...*» [Пушкин 1977–1979, т. 3: с. 130]. Проходя мимо темы естественной смены поколений, Тургенев усиливает вертикальной чертой и подчеркиванием другую линию, крепко связанную с его собственным мировоззрением. Он отмечает у Пушкина противопоставленность человеческой бренности природной вечности, целиком отчеркивая строфу с изображением дуба, «патриарха лесов». От этого места его взгляд переходит на момент своеобразного посмертного соединения человека с природой – точно отчеркнуты две строки: «*Или соседняя долина / Мой примет охладелый прах?*» [там же]. При этом ему показалась важной единственная вещь, которая дается в утешение человеку перед лицом смерти, – это возможность быть «ближе к милому пределу». Тургенев подчеркнул здесь лишь определение «к милому», делая его не столько последним проблеском воли человека вообще, сколько конкретно финальным проявлением его сентиментальной природы, в которой сказывается привязанность к земному миру. Закономерным же итогом тургеневской рефлексии становятся две заключительные строки всего стихотворения, которые в логике его чтения утверждают совершенную победу «равнодушной природы», остающейся сиять своей вечной красотой. Помимо косвенных помет, которые идут по касательной авторского смысла, Тургенев делает одно прямое вмешательство в текст стихотворения. Он исправляет строку «Сию ль меж юношей безумных» [там же], в результате чего из-под его маргиналий выходит еще более личная интерпретация: «Сию ль между наследников безумных». Вероятно, слово «наследники» использовано им не в прямом значении и указывает не на прозу семейных отношений, а проецируется в сферу социально-этическую, более родственную мироощущению М. Ю. Лермонтова.

Кульминацией тургеневского движения по нравственно-философской линии лирического мира Пушкина становятся «Подражания Корану» (1824), а именно третье стихотворение цикла. За два года до обращения к книгам Белинского Тургенев в письме к Анненкову от 13 сентября 1853 г. выражал свое восхищение «восточными стихотворениями» поэта, которые вызывают у него «восторг несказанный». Здесь же писатель прямо обращается к «Подражаниям Корану», цитируя начало именно третьей части: «...прочтите,

в мою память, стихотворение “Смутясь, нахмурился пророк” и скажите мне – не есть ли это верх совершенства» [Тургенев 1986: 276]. Во время же чтения или перечитывания Тургенев отмечает особо третью строфу стихотворения, подчеркивая отдельно каждую строку:

*Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?*
[Пушкин 1977–1979, т. 2: 189]

Он выбирает фрагмент, в котором сконцентрирован искомый смысл – откровенное обличение человека в практически шекспировском обнажении сути его природы. При этом важно то, что это разоблачение происходит вне религиозного подтекста. В выделенной строфе человек представлен в непосредственности своего существования, вне определенности высших сил. Тургенев схватывает беспримесное и беспощадное изображение – это, как выражается король Лир, «неприкрашенный человек». И у Пушкина, и у Шекспира главным является смирение гордыни через предъявление гордецу ничтожности его сущности, а в чтении Тургенева тленная природа человека актуализируется сама по себе, без четкой зависимости от присущих ему пороков. В логике писателя имеет значение именно трагическое сознание «недолгого века» и слабости от рождения до смерти, которая может опрокинуть любые его притязания.

Однако, существенно углубляя драматические смыслы в пушкинских размышлениях о человеке и его положении в мире, Тургенев не мог совсем обойти стороной проявление поэтического оптимизма. Идеальным примером этого служит отмеченный им жизнеутверждающий пафос стихотворения «Если жизнь тебя обманет...» (1825). В его небольшом тексте, специально помеченном крестиком, Тургенев подчеркнул последние строки каждого четверостишия: «*День веселья, верь, настанет*» и «*Что пройдет, то будет мило*» [Пушкин 1977–1979, т. 2: 238–239]. Показательна сосредоточенность писателя на ключевых словах стихотворения, в которых звучит пушкинское кредо. Для него принципиально важным оказывается не поэтическое утешение в печали и унынии, успокоение с призывом примирения в тяжелых положениях жизни, а провозглашение самой надежды и устремленность в будущее, т. е. наличие в мире опоры, ясного горизонта как нравственно-философской константы. Такой акцент выглядит явным контрастом в контексте всего прежде и после им отмеченного, но и в нем есть своя логика, связанная с мировоззренческими основами тургеневского творчества. В пони-

мании писателя преимущество трагического в жизни человека не отменяет для него и противоположных сторон, позволяющих устоять в круговороте времени и обстоятельств. Пушкин помогает Тургеневу установить диалектику человеческого существования.

Второе тематическое направление, которое выделяет Тургенев в ходе своего чтения, представлено любовной лирикой. Это более десятка текстов с неоднородным выражением душевного состояния героя, обьятого бурным чувством, и изображением любви «в разнообразнейших состояниях» [Скатов 1987: 163]. Например, в стихотворении «В крови горит огонь желанья...» (1825) писатель выделил самую первую строку, обращая внимание на проявление сильных чувственных порывов, представление любви как страсти, требующей немедленного насыщения. Выделенный стих делается для читателя главным выразителем пылких ощущений лирического героя, движущегося к чистому и откровенному упоению. В послании к Е. Н. Ушаковой («Вы избалованы природой», 1829) интерес Тургенева переходит уже на ироническое обыгрывание Пушкиным романтического воспеваания женской красоты. Писатель отчеркивает строки, с которых происходит смена интонации, когда в обращении лирического героя к уставшей от похвал красавице вдруг появляются ноты двусмысленности, и неоднозначность дальше поддерживает чередой слишком высокопарных сравнений:

*Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...*
[Пушкин 1977–1979, т. 3: 102]

Повторяющееся созвучие союза «что» нивелирует высокое значение череды комплиментов, вскрывая их общую трафаретную форму. Завершающее многоточие, перефразируя недосказанность или невыразимость чувства восхищения, служит намеком на нескончаемость потока давно известных эпитетов, подобрать которые не слишком мудрено. Тургенев оценил прием галантной шутки, которым воспользовался поэт через двоякий образ певца любви.

Однако центральным в рефлексии писателя можно считать обращенное к А. П. Керн любовное послание. Тургенев подчеркивает название стихотворения, где дан лишь предлог «Къ», а имя заменено астериском. Рядом на полях он точно расшифровывает адресата: «К Керн-Виноградской». В имени пушкинской музы Тургенев комбинирует два ее замужества, используя

фамилию Керн как прошлое и наиболее известное наименование, прочно связанное с романтическим увлечением поэта, и добавляя Виноградская как обозначение нового статуса, уже без малейшего намека на русскую поэзию. Подходя к стихотворению как к поэтическому шедевру, вообразившему духовный путь своего автора, Тургенев единожды останавливается на знаменитом стихе «Как гений чистой красоты» [там же, т. 2: 238], концентрирующем эстетический образ любви. Нет сомнений, что им свободно прочитывалась цитатность этой строки и устанавливалась ассоциативная связь со стихотворениями В. А. Жуковского. В центре внимания Тургенева «обнаженная литературность образа» [Грехнёв 1994: 421], которая именно под пером Пушкина кристаллизуется в поэтическую универсалию. Как будто в дополнение к этой возвышенной формуле он дальше выделит единственный эпитет – в словосочетании «небесные черты». Обходя другие родственные определения («мимолетное виденье», «чудное мгновенье»), Тургенев выбирает слово, благодаря которому образ получает полную одухотворенность и окончательно оказывается вне пределов осязаемости.

В пару с читательской рефлексией Тургенева над посланием «К***» можно поставить его реакцию на стихотворение «Красавица» (1832). Здесь как будто продолжается тема «гения чистой красоты», которая переходит в «святыню красоты» с мотивом обожествления земного идеала. В самом тексте писатель не оставил ни одного знака, но, как и в предыдущем случае, для него важно было прописать адресата. Сначала в подзаголовке «В альбом Г***» он поверх астерисков вписывает инициалы «Н. Н.», а затем, раскрывая скобки, на полях крупно выводит: «Натальи Николаевны Гончаровой» и делает прочерк. На этом читатель не останавливается и на книжном развороте страницы со стихотворением трижды очень схематично пытается набросать женский профиль. Хотя рисунки незаконченные и представляют только контуры, в них вполне можно предполагать воображаемый Тургеневым портрет пушкинской музы. Вся рефлексия над стихотворением обнаруживает чуткость отношения и глубокое почтение к невесте и жене поэта. Не отдельные строки или слова обращают внимание читающего их художника, а стихотворение в целом заставляет его высказаться таким образом. Однако Тургенев ошибся, считая Гончарову адресатом этого стихотворения, которое на самом деле было вписано в альбом другой петербургской красавицы – графини Е. М. Заводовской. Утвердительная форма превосходства красоты, выдержанная от первых и до последних

строк, не оставила писателю сомнений в том, что так Пушкин мог запечатлеть только свою невесту.

Обширную рефлексивность вызвало у Тургенева стихотворение «Талисман» (1827). Он отметил его размашистым крестиком и обратил особое внимание на выстроенную Пушкиным антитезу. Вертикальной чертой писатель выделил практически всю вторую строфу – начало прямой речи возлюбленной-волшебницы, которая напутствует милого, одаривая его таинственным предметом. Затем он таким же образом полностью очеркивает последнюю строфу, дополнительно обводя в ней карандашом первые четыре строки:

*Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя...*
[Пушкин 1977–1979, т. 3: 36]

В рассказе о волшебной силе талисмана Тургенев сначала обращается только к той части, где описываются опасности, которые могут возникнуть на жизненном пути лирического героя. Его интересует именно то, что преобладает над личностью и совершенно не зависит от ее усилий. При этом перечисляемые явления не исключительны в своем действии, они с равной степенью вероятности и в разной последовательности могут обрушиться на голову каждого человека без исключения. Эта драматическая линия дамклова меча для Тургенева оказывается важнее, чем сказочно-романтическая, состоящая из перечня даров, потенциально искушающих обладателя талисмана (богатство, власть). И тем досаднее и отчаяннее оказывается обладание заговоренной вещью, чем яснее понимание ее неспособности избавить от возможных бед и неизбежных тягот существования. Но с философской стороны стихотворения Тургенев резко сталкивает собственно чувственную, раскрывающую истинное предназначение талисмана. Лирический герой получает уникальную способность различать измену, не поддаваться обольщению и ревности. При этом писатель для себя подчеркивает, что это не избавление от самого искушения и коварства любви, а только помощь в своеобразном сражении. В результате сила магического оберега оказывается во многом связана с чистотой, ясностью человеческого сознания и подлинностью, искренностью сердечного чувства, т. е. проистекает от душевных сил самого героя. Тургенев делает очевидным психологический ракурс заданной Пушкиным проблемы, прочерчивая параллель между авторским утверждением потенциальности «внутреннего талисмана» в романтических обстоятельствах и мерой нравственной стойкости перед лицом бытия (болезнь и смерть).

Подобную психологическую огласовку, но в обратном направлении получает у писателя «Анчар» (1828). Во всем стихотворении Тургенев делает только два подчеркивания, акцентирующих последние строки последней же строфы:

*Принес – и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки*
[там же: 81].

Он выбирает образ трагической гибели человека, невольно пожертвовавшего собой ради преступной прихоти другого. Это очевидная антитеза, порождающая новые контрасты и разворачивающаяся в конфликт двух положений и судеб. Пушкиным здесь четко определена вертикаль смерти, по которой жизнь раба по-рабски же заканчивается у ног возвышающегося над ним владыки. При этом индивидуализированный образ яда, так подробно воссозданный в первых пяти строфах, находится за рамками восприятия, для Тургенева важно само состояние отравления, когда смертельный сок анчара уже соединился с кровью человека и тихо и медленно производит свое губительное действие. При этом его рефлексия над стихотворением Пушкина шла по канве собственного художественного материала – повести «Затишье» (1854). Социально-этическая и философско-мистическая сторона «Анчара» воплотилась у писателя в сюжет трагической любви.

В русле прочтения «Анчара» писатель акцентирует ноты страдания и печали в двух других пушкинских стихотворениях. Во-первых, его заинтересовала элегия «Простишь ли мне ревнивые мечты...» (1823), представляющая вольную обработку мотивов элегии Ш. Ю. Мильвуа «Беспокойство». Во время чтения он пометил ее привычным для него крестиком, а в самом тексте точно отчеркнул три последние строки:

*Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю*
[там же, т. 2: 146].

Представленная взору Тургенева элегия служила ярким примером лирического изложения парадоксальности и противоречивости чувства – «мучение разделенной любви», как точно определил В. Э. Вацура [Вацура 1981: 15]. Для писателя мотив сердечного страдания, который аналитически проговаривает лирический герой, становится ключевым, но вне чрезмерно пылкого воображения влюбленного. Если у Пушкина важным элементом является градация «безумного волнения» любви, взрывной выход которой происходит через резкую остановку и контраст,

то Тургеневу принципиальным кажется умоляющая жалоба лирического героя. В этом финальном излиянии сконцентрированы все прежде показанные муки ревности, которая то полностью завладевает самочувствием и рассудком, то вдруг отступает и открывает силу взаимной любви. Лирическое «Я» здесь проступает в откровенном виде и заявляет о своем невыносимом страдании как явлению исключительном, перво-степенном. Вероятно, отмеченные строки для писателя были предельным выражением личностного эгоизма героя, воплощением болезненной и разрушительной самососредоточенности.

В пару к элегии Тургенев как будто ставит послание «Гречанке» (1822). Он подчеркивает название стихотворения и две из его последних строк:

*Мне ново наслаждаться им,
И, тайной грустию томим,
Боюсь: неверно все, что мило*
[Пушкин 1977–1979, т. 2: 107].

Писатель оставляет без особого внимания всю повествовательно-изобразительную часть лирического текста, связанную с портретом гречанки и образом Дж. Байрона. Его занимают ламентации героя, выражающего сомнение и неуверенность в новообретенном счастье. Это снова акцент на сторону лирического самовыражения с приоритетом личного беспокойства. Как и в элегии, здесь значим мотив ревности к загадочному сопернику, не случайно повторяется словосочетание «ревнивые мечты» («мечты ревнивой» [там же]), которое в предшествующем тексте с самого начала организует пылкое воображение и мучительный самообман, а в «Гречанке» замыкает фантазию героя. Выход к ощущению того, что все мгновенно и зыбко, а проблеск надежды призрачен и обманчив, делается центральным. Для Тургенева снова принципиальным оказывается страдательная природа самочувствия лирического героя.

Иного рода писательский интерес в русле изображения романтических переживаний проявил себя во время чтения стихотворения «Пью за здоровье Мери...» (1830). Хотя в том издании, что было в его руках, авторское заглавие «Из Barry Cornwall» отсутствовало, Тургенев наверняка установил происхождение эпиграфа "Here's a health to thee, Mary" [там же, т. 2: 192] и источник общего лирического сюжета. Помощником в этом для него выступил Анненков, который в своих «Материалах» назвал имя английского поэта и упомянул, что пушкинское стихотворение «сохраняет тон подлинника до конца, хотя и разнится в содержании» [Анненков 1885: 311]. В пределах трех строф писатель выделил три ря-

дом расположенных стиха, в которых дана наиболее полная характеристика Мери и прямо выражено отношение к ней лирического героя:

*Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.
Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!*
[Пушкин 1977–1979, т. 2: 192]

В этом случае главным для Тургенева оказывается образ умершей возлюбленной, но без явного налета мортальной семантики, что отличает пушкинскую интерпретацию от песни Корнуолла [Довгий 1985: 148]. Писателя волнует живой облик Мери, сделавшийся четким несмысленным отпечатком в сознании лирического героя, который продолжает ее легко осязать. Заздравный тост лишен мистического свойства – это не призыв ко встрече с мертвецом, но родственное элегии «Я вас любил...» прощание с ушедшей любовью. И Тургенев всецело принимает этот посыл, сосредоточившись на самых светлых (ср.: «...печаль моя светла; / Печаль моя полна тобою» [Пушкин 1977–1979, т. 3: 111]), исполненных живого чувства нотах последнего расставания, в которых вместо проявления горечи потери и скорби – благодарная радость прошедшего бытия.

Развернутую рефлексию получает у Тургенева стихотворение «Когда твои молодые лета...» (1829). Не пытаясь установить, к какой «прекрасной даме» оно относится, писатель предпосылает ему в качестве эпиграфа слова: «*Не сотвори себе кумира*». В первую очередь они ведут к ветхозаветной заповеди, ставшей афоризмом. Но также возможно, что Тургенев скрыто цитирует здесь идентичную строку самого Пушкина из второго кишиневского послания Д. В. Давыдову «Недавно я в часы свободы...» (1822). Этого стихотворения в третьем томе не было, оно вошло в девятый с названием «Сетование». Интересно, что из цензурных соображений в первом посмертном собрании эта библейская цитация была устранена. Анненков перепечатал послание гусару в том же виде, не восстановив изъятый стих, хотя в рукописи он мог наблюдать ее неоднократное присутствие и ход всей правки, а значит, и Тургенев в какой-то момент мог узнать об изъятый строке. В обращении к Давыдову афоризм обретает озорное звучание по отношению к намерению гусара оставить лихую военную службу в пользу тихой семейной жизни. Ирония моделируется и Тургеневым при использовании этих слов в качестве тематической предпосылки, но она приобретает уже драматическое свойство. В стихотворении «Когда твои молодые лета...» кумиром оказывается мир высшего общества, жестоко обходящийся со своими «жрецами»,

и крылатые слова обнажают самообман в поклонении ложному идолу. Лирический герой обращается к возлюбленной, отвергнутой и заклеянной светом, с утешением и увещанием, подчеркивая свою неизменную верность и предлагая вечную преданность. И в этой отповеди бомонду Тургенев делает несколько собственных ударений. Сначала он вычленяет из состава стихотворения всю третью строфу, а затем дополнительно выделяет в ней две последние строки:

Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
*Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них*
[Пушкин 1977–1979, т. 3: 136].

На первый план в его восприятии выходит мысль, по форме и смыслу принимающая вид сентенции, родственной басенной морали, которая открывает истину светского приличия или закон существования аристократии – скрывать свое настоящее лицо и прятать жизнь за непроницаемой ширмой. Видимо, именно на эту поучительную строфу и была большей частью направлена вынесенная писателем на поля ветхозаветная строка. Свет как кумир молодых лет разоблачается, а в противовес его приоткрывшейся сути заданы приоритеты сердечного чувства. В рефлексии Тургенева любовная тема пушкинской лирики тесно смыкается с социально-этической. Внешней блистательной мишуре и внутренней кровожадности высшего круга герой противопоставляет чистоту и искренность собственного чувства. Эта антитеза, объемно простирающаяся в последней строфе, не выделена писателем особо, но она прямо сопряжена с отмеченным им образом света, который требует от человека видимой непогрешимости, искусственности идеала.

Еще одно русло читательского интереса Тургенева связано со вниманием к биографической стороне пушкинского творчества. Это попытка разглядеть, установить в лирике связь – не лишь номинальную, а вполне осязаемую – с канвой реального существования поэта. Однако рефлексия писателя в этом направлении представляет собой не топорное усилие объяснить поэзию фактами или поэтически запараллелить биографию, а выражает стремление к осмыслению феномена жизнотворчества. Самая типичная здесь для Тургенева реакция – это расшифровка адресатов посланий и установление конкретного лица пушкинского круга. Помимо упомянутых выше Керн и Гончаровой, след такого прочтения остался на стихотворении «Прости, счастливый сын пиров...» (1824–1825). В посмертном издании название дано в «зашифрованном» виде:

«В***му». Тургенев ниже этой строки прописывает крупными буквами: «Виельгорскому». Но предположение об адресате ошибочно. При совпадении начальных и конечных букв в фамилии писатель прочитывает наиболее вероятное для него лицо вместо, видимо, совершенно ему неизвестного Н. В. Всеволожского, петербургского приятеля Пушкина, члена общества «Зеленая лампа». Поскольку Тургенев не прописал имени, нельзя точно сказать, кого из двух братьев Виельгорских – старшего Михаила или младшего Матвея – он имел в виду. Хотя известно, что наиболее тесно Пушкин сошелся с первым и «был особенно близок с ним» в последние свои годы [Черейский 1988: 69]. Тургенев тоже свел знакомство с обоими братьями-музыкантами, а с начала 1840-х гг. не без удовольствия посещал их литературно-музыкальный салон в Петербурге. При этом восстановление адресата – это не единственный след рефлексии на стихотворении «Прости, счастливый сын пиров...». Тургенев выделяет биографическую примету – временный отъезд пушкинского приятеля в Москву, что и становится главным лирическим достоянием в форме противопоставления Петербургу. В русле антитезы писатель подчеркивает три разных стиха, развивающих одну линию качественной характеристики общества в старой столице: «Москва пленяет нестротой», «Невестами, колоколами», «И глупость в золотых очках» [Пушкин 1977–1979, т. 1: 326]. Тургенев вторит Пушкину в его задорно-шутливом описании московской жизни, принимая двойственную характеристику города – милую связь с традицией, патриархальным бытом и невежеством, скрываемое украшениями.

Помета на еще одном стихотворении говорит о внимании Тургенева к событийно-биографической стороне творчества Пушкина. Писатель останавливается на послании «Друзьям» (1822), где подчеркивает только первую строку: «Вчера был день разлуки шумной...» [там же: 99]. Этот стих прямо отсылает к прощальному обеду поэта 16 февраля 1822 г. с его кишиневскими приятелями. Краткие обстоятельства написания стихотворения Тургенев подчеркнул из комментария Анненкова. Не уточняя подробности и, очевидно, не зная конкретных персоналий, Тургенев единой строкой схватывает всю атмосферу дружеского празднества с выраженным в ней самочувствием поэта. Уже одно сочетание слов «разлуки шумной» в форме воспоминания задает неоднозначную тональность, которая открыто прорывается в предпоследней строфе.

Индивидуальное значение в тургеневском чтении получил сонет «Поэту» (1830). Это единственный текст во всем томе, который отмечен

писателем целиком, от начала и до конца – единой карандашной линией вдоль четырех строк. Для Тургенева прозвучавшая в стихотворении отповедь на всю жизнь стала своеобразным кредо талантливого человека в деле творчества. В таком же полном составе, как стихотворение выделено на бумаге, писатель устно произносит его в своей пушкинской речи. На открытии памятника поэту он находит причины появления сонета «в самой судьбе, в историческом развитии общества, в условиях, при которых зарождалась новая жизнь, вступившая из литературной эпохи в политическую» [Тургенев 1986: 347]. Объяснение Тургенева прозорливо и почти научно, оно много позже выразится в словах литературоведа, который 1830-е годы охарактеризует «спадом интереса к пушкинской поэзии, попытками противопоставить ей новые поэтические веянья, возложить на нее ответственность за эпигонскую девальвацию стиха» [Грехнёв 1994: 268].

Целый ряд пушкинских стихотворений оказывается в тургеневском чтении вне определенного тематического направления. Это тексты, в которые писатель вносит правку, стараясь со своей точки зрения придать им стилистическую выдержанность. Такое «вмешательство» в лирику Пушкина не было для него необычным: при всем благоговении перед творчеством своего кумира, он не терял и критического взгляда. Например, в стихотворении «Ворон к ворону летит» (1828) он настойчиво делает одно исправление – зачеркивает слова «*кобылка / кобылку*» и рядом подписывает «*лошадка / лошадку*». На полях напротив последней строфы снова дублирует: «*лошадь*». Как будто акцентируя важность такой правки, Тургенев дополнительно подчеркивает все три вставки. Эти исправления, конечно, не знак читательского произвола. Прежде всего в них обнаруживается знакомство писателя с рукописями поэта, вероятно, посредством того же Анненкова. У Пушкина в черновике в качестве обозначения богатырского скакуна фигурируют три названия: «*конь – кобылка – лошадь*», причем последнее оказывает самым частотным. Перебирая варианты для второго стиха четвертой строфы, поэт пять раз повторяет именно слово «*лошадь*». Тургенев, вникая в творческий замысел Пушкина, пытается дать ему более строгое прочтение. Поскольку стихотворение тесно связано с балладным жанром в его народном исполнении – как русском, так и шотландском, писатель своей заменой стремится повысить драматическое напряжение. Пушкин вместо двух вариантов, наиболее употребительных в песнях о смерти доброго молодца [Лобанова 1995: 119], предпочел «*кобылку*», которая вносит элемент уже прозаически-бытовой с игривыми оттенка-

ми. Пушкинский контраст Тургенев сглаживает, сохраняя мягко-ласкательную форму.

Подобным же образом писатель действует во время чтения стихотворения «Зимнее утро» (1829). В предпоследней строфе с конечным стихом «*Кобылку бурую запречь?*» [Пушкин 1977–1979, т. 3: 125] он зачеркивает первое слово и рядом снова надписывает «*лошадку*». В этом случае рукописи Пушкина не дают лексической вариативности, но тургеневскую правку можно объяснить памятью о стихах из «Евгения Онегина». Во второй строфе пятой главы романа открывается панорама зимнего пейзажа, родственного стихотворному. Две разные строки здесь представляют чередование слов «*лошадка*» («Его лошадка, снег почуя...») и «*конь*» («Себя в коня преобразив») [Пушкин 1977–1979, т. 5: 86–87], которое и могло подтолкнуть Тургенева к зеркальному переосмыслению. В «Евгении Онегине» эта параллель лишь образная: по-разному упоенные снежным преображением крестьянская лошадка и представляющий коня мальчик. А в стихотворении она имеет сюжетную основу, которая под взглядом Тургенева словно «выпрямляется», мечтания лирического героя о поездке по утреннему снегу получают более ровный переход из одной строфы в другую: запрячь лошадку и под мирный ход коня объехать округу. Слово «*кобылка*» снова смущает писателя своей будто бы «несерьезной» стороной и неблагозвучным или нелогичным сочетанием с последующим названием одного и того же животного.

Таким образом, читательская рефлексия Тургенева показывает глубокое, объемное, движущееся эстетическое восприятие писателем пушкинского лирического творчества. Тургенев предельно внимателен как к самой поэтической форме, так и к содержанию. В ходе чтения он вычерчивает свои нравственно-философские и эстетические линии, делает акценты, которые становятся ступенями в кристаллизации собственного творчества, что позволило ему спустя десятилетия с полным правом назвать Пушкина своим учителем.

Список литературы

- Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Сочинения А. С. Пушкина. СПб., 1855. Т. 1. С. 1–432.
- Балыкова Л. А. Мемориальная библиотека И. С. Тургенева как источник для изучения биографии и творчества: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 142 с.
- Вацуро В. Э. К истории элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981. С. 5–21.

Грехнёв В. А. Мир пушкинской лирики. Н. Новгород, 1994. 464 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880. Т. 1. 812 с.

Довгий О. Л., Кулагин А. В. Пушкинское стихотворение «Из Barry Cornwall» и его английский источник // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1985. С. 144–153.

Дубинина Т. Г. Пушкинские традиции в творчестве И. С. Тургенева 1840-х – начала 1850-х годов: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2011. 22 с.

Курляндская Г. Б. Тургенев и Пушкин // Тургенев и русские писатели: 5-й межвуз. тургеневский сборник. Курск: Курск. гос. пед. ин-т, 1975. С. 3–43.

Лобанова А. С. «Ворон к ворону летит»: Русский источник «Шотландской песни» Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Наука, 1995. Вып. 26. С. 111–120.

Мостовская Н. Н. «Пушкинское» в творчестве Тургенева // Русская литература. 1997. № 1. С. 28–37.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

Скатов Н. Н. Русский гений. М.: Современник, 1987. 320 с.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1987. Т. 2. 623 с.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. М.: Наука, 1986. Т. 12. 813 с.

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1988. 544 с.

References

Annenkov P. V. Materialy dlya biografii Aleksandra Sergeevicha Pushkina [Materials for the biography of Alexander Pushkin]. *Sochineniya A. S. Pushkina* [Works by A. S. Pushkin]. St. Petersburg, 1855, vol. 1, pp. 1–432. (In Russ.)

Balykova L. A. Memorial'naya biblioteka I. S. Turgeneva kak istochnik dlya izucheniya biografii i tvorchestva. Diss. kand. filol. nauk [I. S. Turgenev Memorial Library as a Source for the Study of the Biography and Oeuvre. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2003. 142 p. (In Russ.)

Vatsuro V. E. K istorii elegii 'Prostish' li mne revnivye mechtty... [To the history of the elegy 'Will you forgive me jealous dreams...']. *Vremennik Pushkinskoy komissii. 1978* [The Chronicle of the Pushkin Commission. 1978]. Leningrad, 1981, pp. 5–21. (In Russ.)

Grekhnev V. A. *Mir pushkinskoy liriki* [The World of Pushkin's Lyrics]. Nizhny Novgorod, 1994. 464 p. (In Russ.)

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg; Moscow, 1880, vol. 1. 812 p. (In Russ.)

Dovgiy O. L., Kulagin A. V. Pushkinskoe stikhotvorenie 'Iz Barry Cornwall' i ego angliyskiy istochnik [Pushkin's poem 'From Barry Cornwall' and its English source]. *Boldinskie chteniya* [Boldin's Readings]. Gorky, Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1985, pp. 144–153. (In Russ.)

Dubinina T. G. Pushkinskie traditsii v tvorchestve I. S. Turgeneva 1840-kh – nachala 1850-kh godov. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Pushkin traditions in the works of I. S. Turgenev of the 1840s – early 1850s. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 22 p. (In Russ.)

Kurlyandskaya G. B. Turgenev i Pushkin [Turgenev and Pushkin]. *Turgenev i russkie pisateli: 5-y mezhvuz. turgenevskiy sbornik* [Turgenev and Russian Writers: 5th Interuniversity Turgenev Collection]. Kursk, Kursk State Pedagogical University Press, 1975, pp. 3–43. (In Russ.)

Lobanova A. S. 'Voron k voronu letit': Russkiy istochnik 'Shotlandskoy pesni' Pushkina ['Raven flies to raven': Russian source of Pushkin's 'Scottish Song']. *Vremennik Pushkinskoy komissii* [The Chronicle of the Pushkin Commission]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, issue 26, pp. 111–120. (In Russ.)

Mostovskaya N. N. 'Pushkinskoe' v tvorchestve Turgeneva ['Pushkin' in the works of Turgenev]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1997, issue 1, pp. 28–37. (In Russ.)

Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works: in 10 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)

Skatov N. N. *Russkiy geniy* [Russian Genius]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987. 320 p. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete Works and Correspondence: in 30 vols. Correspondence: in 18 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1987, vol. 2. 623 p. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t.* [Complete works and correspondence: in 30 vols. Correspondence: in 12 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1986, vol. 12. 813 p. (In Russ.)

Chereyskiy L. A. *Pushkin i ego okruzhenie* [Pushkin and His Entourage]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 544 p. (In Russ.)

‘My Idol, My Teacher, My Unattainable Model!’: Ivan Turgenev as a Reader of Alexander Pushkin

Ivan O. Volkov

Associate Professor in the Department of Russian and Foreign Literature

Tomsk State University

36, prospekt Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation. volkoviv@gmail.com

SPIN-code: 4823-4376

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

ResearcherID: J-5018-2017

Submitted 27 Oct 2022

Revised 06 Mar 2023

Accepted 15 Mar 2023

For citation

Volkov I. O. «Moy idol, moy uchitel', moy nedosyagaemyy obrazets!»: I. S. Turgenev – chitatel' A. S. Pushkina [‘My Idol, My Teacher, My Unattainable Model!’: Ivan Turgenev as a Reader of Alexander Pushkin]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 81–91. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-81-91 (In Russ.)

Abstract. The article provides a holistic analysis of the reader’s perception by Ivan Turgenev of Alexander Pushkin’s lyrical works. It focuses on the materials of the writer’s personal library (Ivan Turgenev State Literary Museum in the city of Oryol), namely the book (volume) 3 from the first posthumous collection of the poet’s works (1838–1841) with numerous marks left by Turgenev. This paper is the first to reconstruct the picture of the writer’s thoughtful and responsive attitude to Alexander Pushkin as a poet, which is done through a comprehensive study of all the traces of reading left on the pages of the book by Ivan Turgenev (underlining, notes). The nature of the marks indicates the writer’s concentrated attention both to the form of Alexander Pushkin’s verse and to the content. The writer’s reading reflection combines poetic texts into mainly three closely related thematic areas: moral and philosophical, love, and biographical. Ivan Turgenev takes a special interest in Alexander Pushkin’s widely represented pairing of the images of life and death, he significantly deepens the dramatic notes in the author’s reflections on man and his position in the world. The philosophical meanings of Alexander Pushkin’s lyrics, which receive psychological voicing in the course of reading, also become for the writer a necessary tuning fork for the tragic sounding of the theme of love. Approaching the comprehension of the phenomenon of life creation in Alexander Pushkin’s works, Ivan Turgenev, on the one hand, places certain biographical accents in the poems, and, on the other hand, approaches the solution of the problem of the meaning and freedom of poetic creativity. For Ivan Turgenev, the sonnet *To the Poet* became the credo of a talented person in the matter of creativity.

Key words: A. S. Pushkin; I. S. Turgenev; Pushkin’s lyrics; reading marks; reading; writer’s library.

УДК 821.112-2
doi 10.17072/2073-6681-2023-2-92-102

Смысл и значение финала драмы Фридриха Шиллера «Орлеанская дева»

Алла Андреевна Игнатьева

аспирант кафедры русской и зарубежной филологии

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87. Alla.Leps@yandex.ru

SPIN-код: 4496-3390

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7051-1259>

Статья поступила в редакцию 01.12.2022

Одобрена после рецензирования 13.01.2023

Принята к публикации 06.03.2023

Информация для цитирования

Игнатьева А. А. Смысл и значение финала драмы Фридриха Шиллера «Орлеанская дева» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 92–102. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-92-102

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению финальной сцены исторической драмы «Орлеанская дева» немецкого поэта Фридриха Шиллера в контексте принципа субъективности, являющегося одним из главных для модерна как маркоэпохи, а также особого понимания истории творцами искусства второй половины XVIII – начала XIX в. Этому соответствуют цели работы: проанализировать финал драмы с точки зрения философских идей Ф. Шиллера, отраженных в созданных поэтом философских трактатах, статьях, посвященных истории, и поэтически воплощенных в оде «К радости»; раскрыть своеобразие образа главной героини пьесы, связанное с творческими принципами эпохи модерна и субъективным пониманием отдельной исторической личности драматургом. Было установлено, что особую значимость как для философских работ Ф. Шиллера, так и для его драматических произведений имели размышления Иоганна Гердера о единстве и понятие предустановленной гармонии, предложенное Готфридом Лейбницем. В ходе анализа финала трагедии было выяснено, что осознанное отступление поэтом от исторической действительности при создании заключительной сцены произведения связано, с одной стороны, со специфическим изображением фигуры Жанны д'Арк как субъекта, способного особым образом воссоздавать действительность, с другой стороны – с индивидуально-авторским осознанием характерной для времени модерна взаимосвязи исторических эпох, что дало возможность поэту наиболее ярко раскрыть в драматическом действии философски осмысленную им на страницах трактатов идею всеединства, которая оказывается особо значимой для начала XIX в.

Ключевые слова: Фридрих Шиллер; эпоха модерна; прекрасная душа; история; принцип субъективности.

Обращение к драме «Орлеанская дева» („Die Jungfrau von Orleans“, 1801) немецкого поэта Фридриха Шиллера (Friedrich Schiller, 1759–1805) обусловлено, во-первых, ее тесной связью с актуальными для современной германистики исследованиями субъективности как важнейшего принципа эпохи модерна; во-вторых, необходимостью определения особой значимости роли истории как для эпохи модерна, так и для дра-

матургии Ф. Шиллера. Рассмотрение принципа субъективности и специфической роли истории для искусства начала XIX в. закономерно предполагает более подробный анализ финала драмы, который ранее не рассматривался в контексте философско-эстетических идей Фридриха Шиллера.

Разговор о принципе субъективности как о центральном для эпохи модерна предполагает

следующее уточнение: если речь идет о немецкой литературе, то учеными принято говорить о «большом» и «малом» модерне. Так, например, современный исследователь немецкой литературы Сильвио Вьетта (*Silvio Vietta*) отмечает, что истоком модерна как макрораздела является вторая треть XVII в. Именно в этот период, благодаря тому, что личность оказывается в центре внимания философов, начинает формироваться принцип субъективности. В этом отношении особо значимыми являются работы французского философа Рене Декарта (*Renè Descartes*, 1596–1650). Здесь важна центральная мысль ученого: “*Cogito ergo sum*” [Декарт 1989: 269]. Декарт выдвигает на передний план мыслящий субъект, главенствующая роль которого глубоко повлияла на развитие философии, а затем и литературы.

Совершенная Декартом революция в философии, как определяет ее С. Вьетта, приводит к подобному перевороту и в литературе, который характеризуется выдвиганием на передний план мыслящего субъекта. В работе “*Die literarische Moderne*” (1992), говоря о личности модерна в литературе, Сильвио Вьетта отмечает, что для нее характерны “*die reflexive Selbstermächtigung*” (рефлексивное самоутверждение) и “*Selbstausslegung als rationalistisch-rechnendes Denken*” (интерпретация себя как рационально-расчетливое мышление) [Vietta 1992: 27]. Из этого следует, что личность эпохи модерна сфокусирована на самой себе, на собственном опыте познания действительности. А. Г. Аствацатуров (1945–2015), говоря об образе человека модерна на примере Карла Рокайроля – героя романа «Титан» (“*Titan*”, 1803) Ж. П. Рихтера (*Johann Paul Friedrich Richter*, 1763–1825), отмечает, что рефлексивность – «отличительное свойство модернистской психики» [Аствацатуров 2020: 38]. Обращение личности к себе, с которым связано познание реальности сквозь призму собственных убеждений и представлений, привело писателей к постановке вопросов свободы личности, ее гармонии, а также взаимоотношения субъекта и мира. Эти вопросы оказываются крайне важными как для творчества Фридриха Шиллера в целом, так и для драмы «Орлеанская дева» в частности.

Что касается особой роли истории в эпоху модерна, то для наиболее четкого ее определения стоит обратиться к работе Ю. Хабермаса (*Jürgen Habermas*, 1929) «Философский дискурс о модерне» (“*Der philosophische Diskurs der Moderne*”). Характеризуя мир модерна, ученый делает акцент на том, что в данную эпоху границы времени оказываются как будто стертymi – «повторяется и приобретает характер непрерыв-

ности процесс зарождения новой эпохи заново» [Хабермас 2003: 12]. Эта мысль может быть истолкована следующим образом: прошлое не уходит безвозвратно в небытие, оно становится частью нового времени. События не только следуют одно за другим, но и могут повторяться в несколько измененном виде, что приводит к пониманию того, что движение времени осуществляется по спирали. Таким образом, осмысление исторического процесса не как временной линии, где события, сменяя друг друга, безвозвратно исчезают, а как более сложной структуры, в которой эпизоды истории имеют свойство отображаться друг в друге, является одной из особенностей культуры модерна. Вслед за Ю. Хабермасом и С. Вьетта, российский германист А. И. Жеребин в предисловии к монографии «Человек эпохи модерна: герменевтика субъекта в немецкоязычной культуре XVIII–XX веков» (2020) отмечает, что в культуре модерна «прошлое не груз, препятствующий развитию, а предчувствие, требующее воплощения в поле современного сознания» [Жеребин, Аствацатуров, Вольский 2020: 30]. Прошлое не уходило безвозвратно, а напрямую способствовало развитию культуры, позволяя сознанию проследить истоки определенных явлений и проблем, делать выводы и прогнозировать будущее. Подобным образом воспринималась и история. Предшествующие эпохи давали возможность творцам эпохи модерна, в том числе и Ф. Шиллеру, по-иному осмыслить действительность и предлагали решения возникающих проблем в современной поэту действительности.

Здесь стоит сказать о причинах того, почему поэт, создавая в начале XIX в. свою новую драму, обращается к событиям Столетней войны (1337–1453 гг.) и к личности национальной героини Франции Жанны д’Арк. Воплощение данного творческого замысла во многом обусловлено историческими событиями начала XIX в., связанными с разворачиванием Наполеоном масштабной военной кампании в Европе, в ходе продвижения которой некоторые территории Германии оказались захвачены. Германия фактически оказалась на месте Франции XV в. Нестабильное положение собственной страны, связанное с утратой значительных частей, не могло оставить Ф. Шиллера равнодушным. Необходимо отметить, что поэт, в отличие от некоторых своих современников, не восхищался Наполеоном. Об этом свидетельствует одно из высказываний Ф. Шиллера: «Ах, если бы я ¹мог интересоваться им! Но нет, я не могу; этот характер мне противен, – ни одного отрадного известия нет о нем» [Шиллер 1955: 395]. Такое резкое неприя-

тие поэтом французского императора связано с тем, что его успехи на полях сражений воспринимались Шиллером как постепенная утрата свободы завоеванными странами. Ф. Шиллеру как писателю времени модерна свобода и отдельной личности, и народа была очень важна. Под отсутствием «отрадных известий» о Наполеоне можно понимать то, что внешняя политика императора полностью опровергала лозунг Великой французской революции *Liberté, Égalité, Fraternité* (Свобода, равенство, братство). Ситуация, в которой одна страна нападает, а другая вынуждена обороняться, исключает свободу, потому что один из участников неминуемо ее лишается. В подобной ситуации невозможно равенство из-за присущей войне дисгармонии, и, как полагает Ф. Шиллер, отсутствие равенства исключает братство.

Стоит отметить, что Шиллер не был свидетелем оказавшихся фатальными для Германии попыток ее противостояния Наполеону. Однако поэт имел представления о ситуации в тех странах, которые до 1805 г. (год смерти Ф. Шиллера) были захвачены Францией, и об амбициях французского императора. Зная несовершенства государственного устройства собственной страны, поэт также довольно ясно мог предположить, с какими тяготами столкнется Германия. В связи с этим представляется возможным говорить о сражении при Йене и Ауэрштедте, произошедшем 14 октября 1806 г. и завершившемся победой Наполеона, что окончательно лишило Германию свободы. Здесь необходимо обратиться к мнению немецкого философа Г. Гегеля (*Georg Wilhelm Friedrich Hegel*, 1770–1831), а также немецкого военачальника и историка К. фон Клаузевица (*Carl Philipp Gottlieb von Clausewitz*, 1780–1831), которые были свидетелями указанного сражения. В письме, адресованном Ф. Нитхаммеру (*Friedrich Philipp Immanuel Niethammer*, 1766–1848) и написанном в день взятия Йены французами, Г. Гегель называет Наполеона «мировой душой» и говорит следующее: «Поистине испытываешь удивительное чувство, созерцая такую личность, которая <...> охватывает весь мир и властвует над ним» [Гегель 1971: 255]. Напрашивается вывод, что Гегель воспринимает Наполеона не как того, кто разрушает привычную действительность, а, наоборот, как того, кто делает ее целостной. Подобное отношение философа к одной из ярчайших личностей его времени, которая одновременно с этим фактически лишает свободы родную для ученого Германию, может показаться несколько нетипичным. Однако император, которого Гегель определяет как «мировую душу»,

воспринимается способным объединить мир и изменить его. Такая оценка Наполеона прямо противоположна мнению Ф. Шиллера. Для поэта император связан с разрушением, отсутствием свободы и усилением дисгармонии мира.

Помимо внешнеполитических проблем Германии, связанных с развернутой Францией военной кампанией, Ф. Шиллер не мог не отмечать несовершенство государственного устройства родной страны, части которой являлись отдельными княжествами, лишь формально подчинявшимися королю. Такая организация государства, части которого являются разобщенными, сыграла на руку Наполеону, доказательством чему является упомянутое сражение при Йене и Ауэрштедте. После него адъютант К. фон Клаузевиц отметил, что Германия «погибла из-за своих форм государственного устройства» [Клаузевиц 1995: 234]. Территориальная раздробленность помогла Наполеону относительно быстро завоевать страну, которая, не являясь единым целым, не смогла сохранить свою независимость. Тот факт, что такое государственное устройство создает проблемы как всей стране, так и отдельной личности, был очевиден для Ф. Шиллера. Во многом поэтому идея единства особо значима в творчестве поэта.

В контексте рассуждений о принципе единства стоит обратиться к идеям немецкого философа И. Г. Гердера (*Johann Gottfried Herder*, 1744–1803), которые были значимы для Ф. Шиллера еще со времени движения «Бури и натиска». В главе «Человек создан, чтобы усвоить дух гуманности и религии» работы «Идеи к философии истории человечества» (“*Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*”) Гердер говорит о единстве как о некоем центре, ядре, о том, к чему должно стремиться человечество. Помочь его достижению может закон справедливости, который «обращает людей в верных помощников и братьев друг другу» [Гердер 1977: 109]. Философ полагал, что путь развития человечества – это своеобразное движение к достижению всеобщего единства, предполагающее ценность каждой личности. Закон справедливости, общий для всех людей, предполагает согласие в мыслях, целях, а также нерушимость их союза. По мнению философа, человечность невозможна без соблюдения этого закона. Для Ф. Шиллера идея всеединства и общечеловеческого союза является крайне важной. Ее отражение можно найти в его исторической работе «История отпадения соединенных Нидерландов от испанского владычества» (“*Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlande von der spanischen Regierung*”), написанной в 1788 г., к которой стоит обратиться.

Во введении к данной работе Ф. Шиллер указывает, что, наравне с автором, читателя должна поразить борьба человечества за свои “*edelsten Recht*” [Schiller 1788: 1]. Здесь необходимо обратить внимание на значения прилагательного “*edel*”. Одним из вариантов его перевода на русский язык является слово «драгоценный», которое понимается как нечто, что ценится больше всего; нечто, чем человек особо дорожит. В сочетании с существительным “*das Recht*” (право) прилагательное *edel* подчеркивает его особую ценность. Таким правом, которое ценится человеком превыше всего, по мнению Ф. Шиллера, является свобода. Но следует учитывать и другой вариант перевода слова *edel* – благородный (благой род). Это слово может быть употреблено в значении того блага (*das Gute, das Wohe*), которое приобретает человек при рождении, человек впитывает благо рода (*das Güttergeschlecht*). С вариантом перевода «благородный» связаны также значения «знатный» – *adelig* и дворянский – *edel*. Данные качества рода дают человеку, принадлежащему к нему, особые права, в числе которых свобода. Из этого следует, что принадлежность к благородному роду, к знатному роду – это, в понимании поэта, свойство души, состояние особой организации личности. Соответственно, свобода – это право, данное человеку при рождении, потому что он – субъект. Не случайно писатель употребляет прилагательное *edel* в форме превосходной степени – *edelsten*, на что указывает характерный суффикс *-st-*, особо подчеркивающий важность права свободы, которого лишился народ Нидерландов, что становится одной из главных проблем указанной исторической работы Ф. Шиллера. Писатель обращает особое внимание читателя на борьбу народа за важнейшие права. Далее Ф. Шиллер отмечает, что одним из помощников в борьбе за свободу является “*entschlossen Verzweiflung*” (решительное отчаяние). Думается, что в данном словосочетании определяемое слово и определение не вполне соотносятся. Отчаяние как одно из крайних подавленных состояний исключает решительность, а не предполагает ее. Однако автор имеет здесь в виду ту крайнюю степень чувства отчаяния, которая заставляет людей действовать, несмотря на небольшие шансы положительного исхода ситуации. Такое объединение народа Нидерландов и последующая победа в борьбе, считавшейся проигранной, привлекли внимание Ф. Шиллера. Подобное он заметил в истории Столетней войны, удачный исход которой стал возможным благодаря единству французского народа, которое не могло быть достигнуто без Жанны д’Арк и которое не позволило ему утра-

тить своей свободы. Данное понятие является ключевым для творчества Ф. Шиллера.

Здесь стоит отметить, что одновременно с драмой «Орлеанская дева» Ф. Шиллер создает стихотворение «Начало нового века» (“*Der Antritt des neuen Jahrhunderts*“, 1801), обращение к которому в рамках данной работы целесообразно. В первой строфе поэт заостряет внимание читателя на мысли, что новый век начинается с войн и гибели многих людей, о чем свидетельствует следующая строка: “*Und das neue öffnet sich mit Mord*” (И новое открывается убийством) [Schiller 1801a: 458]. Разворачивающиеся военные кампании не только отнимают большое количество жизней, но и озаменовывают собой гибель свободы, которая для Ф. Шиллера является важнейшим принципом мироздания. В связи с этой мыслью необходимо обратиться к двум отрывкам «О свободе», написанным немецким философом Г. Лейбницем (*Gottfried Wilhelm Leibniz*, 1646–1716). Важной представляется следующая мысль: «Несомненно, что каждому человеку присуща свобода совершения любого поступка, т. е. того, что он сочтет наилучшим» [Лейбниц 1982: 307]. Из этого следует, что свобода понимается философом как неотъемлемая часть личности и объясняется через процесс совершения поступка. Человек может выбрать тот поступок, который сам определит лучшим из числа каких-либо возможных. И такой выбор полностью предоставлен личности. Именно она вправе оценивать, насколько тот или иной поступок идеален по отношению к другим, и принимать решение в выборе действия. Как идеальный может быть воспринят тот поступок, который совершается в определенный момент с учетом всех обстоятельств. При этом не столь значительно положительное или отрицательное свойство выбранного действия. Такое представление напрямую связано с идеей Г. Лейбница, касающейся существования мира. По мысли философа, созданный Богом мир существует именно таким, каков есть (с его трагедиями и катастрофами). И существует он потому, что оказывается совершенным и идеальным в сравнении с другими мирами, которые потенциально могли бы существовать. В связи с этим необходимо обратиться к главному убеждению Г. Лейбница о предустановленной гармонии. Философ представлял мир как упорядоченное гармоническое целое, в котором зло допустимо, потому что является противоположностью блага, но при этом зло находится в подчинении у добра. Историк философии К. Фишер (*Kuno Fischer*, 1824–1907) в части работы «История новой философии» (“*Geschichte der neueren Philosophie*“, 1898), посвященной

Г. Лейбницу, отмечал, что его философия «познает в вещах и в миропорядке формирующую, целедейственную силу и гармонический порядок» [Фишер 2008: 510]. Именно представление о гармоническом устройстве мира было чрезвычайно важно для Ф. Шиллера. Стоит отметить, что концепция предустановленной гармонии была знакома поэту со времени его обучения в военной академии. Профессор Я. Ф. Абель (*Jakob Friedrich von Abel*, 1751–1829), преподававший философию, строил свой курс лекций именно на учении Г. Лейбница. Так, по мнению Ф. Шиллера, несвобода, воцарившаяся в начале XIX в., нарушает гармонию мира. Восстановление ее возможно благодаря возвращению свободы как отдельной личности, так и целым народам. В финальной строфе стихотворения поэт указывает, что “*Freiheit ist nur in dem Reich der Träume*” («Свобода есть только в царстве мечты») [Schiller 1801a: 458]. Пусть наступившее столетие исключило свободу, а новое время губительно для человека, все же этот период должен смениться иным, в котором свобода не будет мыслиться как нечто недостижимое. И это, в свою очередь, вернет гармонию мирозданию. Однако можно предположить, что мысль поэта не ограничивается лишь надеждой на возвращение свободы в будущем. Ф. Шиллер неслучайно выбирает для своих размышлений о проблемах нового тысячелетия именно стихотворную форму. Искусство становится для поэта тем “*das Reich der Träume*” (миром мечты), в котором присутствует свобода. В подтверждение данного мнения стоит обратиться к работе Christine Rühling “*Spekulation als Poesie: Ästhetische Reflexion und literarische Darstellung bei Schiller und Hölderlin*” (2015). В главе, посвященной драме «Орлеанская дева», автор отмечает, что Шиллер считал искусство способным избавить человека от губительного влияния действительности. Исследователь подчеркивает, что под влиянием искусства “*erfähre sich der Rezipient als frei und zugleich im Einklang mit sich selbst*” («Реципиент познает себя свободным и при этом в гармонии с собой») [Rühling 2015: 49]. Из этого следует, что, соприкасаясь с искусством, человек может обрести в себе ту свободу, которой лишила его действительность. В связи с этим Ф. Шиллер в своих произведениях стремится дать возможность читателю достичь гармонии. Именно поэтому поэт создает историческую драму, в которой несвобода сменяется свободой, благодаря чему мир перестает быть дисгармоничным.

На страницах своих исторических драм Ф. Шиллер осмысляет прошлое, воссоздает историю заново, ориентируясь на решение проблем

современной ему действительности. Обращение к истории Жанны д’Арк дает поэту возможность создать образ героини, олицетворяющей важные для него нравственные качества, и показать необходимость единства как народа, так и отдельной личности и народа. Примечательно, что, создавая «Орлеанскую деву», Ф. Шиллер осознанно изменяет исторические события, которые берет в качестве основы произведения. Как известно, личность Жанны д’Арк окружена большим количеством легенд, которые начали появляться еще при жизни девы-воительницы. Первое литературное произведение о ней – «Слово о Жанне» (“*Ditié de Jeanne*”, 1429), автором которого была французская поэтесса К. Пизанская (*Christine de Pizan*, 1364/1365–1430), – появилось в середине XV в. В нем Жанна сравнивается с героинями Ветхого Завета. Историк О. И. Тогоева в работе «Исполнение пророчеств: ветхозаветные герои Столетней войны» (2005), отмечает, что подобное сравнение было типичным для литературы того времени, поскольку авторы первых произведений о Жанне д’Арк пытались «осмыслить ее образ и встроить это необычное явление в свою привычную систему координат» [Тогоева 2006: 91]. Можно говорить о том, что Ф. Шиллер также стремится представить образ девы-воительницы в рамках своих философско-эстетических взглядов, касающихся свободы личности и ее гармонии.

Итак, Фридрих Шиллер, будучи писателем времени модерна, особое внимание уделял личности, ее способности осознавать реальность и темам свободы и гармонии субъекта, являющегося при всех индивидуальных особенностях частью мирового процесса. Необходимо отметить, что для поэта значимо понимание истории как сложной структуры, предполагающей взаимосвязь событий прошлого, настоящего и будущего. Таким образом, стремления личности к обретению собственной свободы находятся в тесной связи с вопросами единства человечества, справедливости, а также гармонии мира. Поэтическим отражением философских размышлений поэта, касающихся данных вопросов, является финальная сцена трагедии «Орлеанская дева».

Как известно, Жанна д’Арк была сожжена английской инквизицией по обвинению в вероотступничестве. Фридрих Шиллер осознанно изменяет финал своей пьесы. В нем Жанна погибает на поле боя, выиграв решающее для Франции сражение. Неисторичность финала трагедии отмечали многие литературоведы. Так, например, исследователь литературы С. В. Тураев во вступительной статье к изданию собрания пьес Ф. Шиллера, называя финальную сцену полу-

фантастическим сюжетом, отмечает, что отступление от исторической действительности позволило поэту добиться того, что «зритель воспринимал Иоанну как героиню освободительной битвы» [Тураев 2005: 18]. Действительно, Жанна представляется именно такой. В связи с этим возникает мнение, что ее главная задача – привести французское войско к победе. Однако, основываясь на размышлениях поэта о субъекте и его взаимоотношении с реальностью, можно предположить, что, воссоздавая историю Жанны д'Арк как яркой, отличающейся от других личности, Ф. Шиллер не стремился изобразить исключительно ее путь к признанию национальной героиней. Жанна исключительна, она не просто участвует в исторических событиях, а наделена способностью их изменять. В связи с данной мыслью необходимо обратиться к прологу драмы. В нем Жанна присутствует при обсуждении обстановки во Франции. Оставаясь до определенного момента безучастной, она резко выхватывает из рук Бертранда принесенный им шлем и произносит следующее: “Mein ist der Helm und mir gehört er zu“ («Этот шлем является моим, и он мне принадлежит») [Schiller 1801b: 694]. Такое поведение мирной девушки-пастушки кажется странным не только ее отцу и всем присутствовавшим, но и зрителю. Кроме этого, необходимо отметить, что здесь же в прологе Жанна отказалась от помолвки, которая, по мнению Тиббо д'Арка, гарантировала бы дочери защищенность в беспокойное время. Вместо этого Жанна выбирает судьбу девы-воительницы, что крайне нетипично для XV века. Особое внимание следует обратить на то, что главная героиня сравнивает себя с “Ein weiße Taube“ (белой голубкой) [Schiller 1801b: 697], способной разогнать стервятников, под которыми она понимает захватчиков Франции. Жанна убеждена в том, что именно ей суждено сделать это. Уже в начале пьесы она говорит о себе как о спасительнице. Известно, что Жанна д'Арк упоминала о своих видениях, в которых ей была отведена особая роль в истории Столетней войны. Орлеанская дева Ф. Шиллера также по наставлению высших сил должна защитить свою страну. Здесь необходимо обратиться к пониманию свободы, связанной с совершением личностью какого-либо поступка. В работе «О нравственной пользе эстетических нравов» (“Über den moralischen Nutzen ästhetischer Sitten”, 1796) поэт отмечает, что поступок, даже продиктованный посторонним, может считаться свободным, если «поступающий сообразовался исключительно со своей волей, без всякой оглядки на постороннюю» [Шиллер 1957b: 479]. Можно ли считать решение Жанны д'Арк стать девой-

воительницей свободным? Несмотря на то что ее судьба определена высшими силами, главным является тот факт, что это решение самой героини. Ее поступок продиктован внутренней необходимостью. Не случайно, оставшись одна, Жанна произносит следующее: “Denn eine andre Herde muß ich weiden“ («Ибо я должна пасти другое стадо») [Schiller 1801b: 700]. Обращает на себя внимание модальный глагол *müssen* («быть должным»). Особенность его употребления связана с необходимостью совершения чего-либо в связи с внутренним убеждением. Если говорить о главной героине, то ее долг, о котором идет речь, не противоречит ее воле, следовательно, она свободна в своих действиях, в своем выборе. Так, уже в прологе Жанна предстает перед зрителем индивидуальностью, обладающей внутренней свободой.

Прибытие Жанны в действующую армию показывает, что все события внешнего действия пьесы в основном связаны с главной героиней, они происходят именно благодаря ей. Этим автор показывает, как субъект может самостоятельно вершить историю. В этом отношении нельзя не отметить, что именно с помощью Жанны окружающие ее герои драмы начинают активно действовать, чтобы спасти Францию. Обращает на себя внимание тот факт, что Жанна целенаправленно стремится помирить дофина Карла VII и герцога Филиппа Бургундского. Как известно, герцог до встречи с Жанной сражался на стороне Англии. Однако дева-воительница убеждает его вернуться к своему народу: “Wir alle, die du zu vertilgen strebst, Gehören zu den Deinen – unsre Arme Sind aufgetan dich zu empfangen, unsre Knie Bereit dich zu verehren“ («Мы все, кого ты стремишься истребить, принадлежим тебе – наши руки открыто тебя принимают, наши колени готовы пред тобой преклониться») [Schiller 1801b: 745]. Жанне важно напомнить Филиппу, что он также относится к Франции, как и она сама. Герцог внимает словам девы, и возвращается к своему народу. В данном эпизоде можно отметить отступление автора от исторического фона. Примирение дофина и герцога произошло на десять лет позже описываемых в драме событий. Можно предположить, что это примирение, так необходимое Франции, ставшее возможным именно благодаря Жанне, было нужно для демонстрации важности единства нации в столь непростых обстоятельствах. Так, мир между дофином и герцогом не только гарантировал Франции успехи на полях сражений Столетней войны, но и положил конец давней вражде двух влиятельнейших родов: Арманьяков и Бургиньонов, что на долгие годы обеспечивало политическое спокойствие страны.

В связи с этим стоит говорить об особо важной для поэта идее всеединства. А потому целесообразно обратиться к оде «К радости» (“An die Freude“), написанной Ф. Шиллером в 1793 г. В ее первой строфе хора звучит призыв: “Seid umschlungen, Millionen!” («Обнимитесь, миллионы!») [Schiller 1793: 132]. Его можно принять за путь к единству. Необходимо отметить, что в тексте оды часто встречаются обращения “Millionen“ («миллионы») и “Brüder“ («братья»). Единство и братство необходимы человечеству для того, чтобы не утратить себя, свою свободу. Можно сделать вывод, что, осознанно изменяя исторический фон пьесы, поэт стремится показать возможность восстановления разрушенного единства. Это было важно для Ф. Шиллера из-за беспокоившего его начала XIX столетия, которое было ознаменовано дисгармонией мира и отсутствием свободы, в том числе свободы Германии. Немецкий исследователь Альбрехт Кошорке (Albrecht Koschorke, 1958) в работе “Schillers ‚Jungfrau von Orleans‘ und die Geschlechterpolitik der Französischen Revolution“ (2005) отмечает, что 1800 г. в литературе преобладала “patriotisch bewegten Ära der Revolutionskriege und napoleonischen Feldzüge“ («патриотически настроенная эра революционных войн и наполеоновских кампаний») [Koschorke 2005: 1]. О Фридрихе Шиллере ученый говорит как об одном из первых аналитиков данного времени. Действительно, говоря об «Орлеанской деве», невозможно не отметить патриотической направленности пьесы. Здесь также необходимо обратиться к исследованию “Anthropologie und ‚ästhetische Erziehung‘ in Schillers historischen Dramen ‚Jungfrau von Orleans‘ und ‚Wilhelm Tell‘“ (2019), автором которого является Sara Pazos Marínez. В своей работе автор особое внимание уделяет мысли о том, что Жанна в пьесе является символом революции: “Sie fasst drei Säulen der Französischen Republik zusammen: Liberté, Égalité, Fraternité“ («Она вмещает три столпа Французской Республики: свободу, равенство, братство») [Marínez Pazos 2019: 23]. Такое понимание главной героини акцентирует ту связь временных эпох, которая была особо значима как для искусства времени модерна, так и для Ф. Шиллера. Именно Жанна для поэта символизирует те идеалы, которых не достигла Великая французская революция. Жанна способна созидать, она несет свободу, и благодаря ей возможно восстановить утраченное единство. Принимая во внимание данные рассуждения, а также исторические факты, оказавшие влияние на создание произведения, нельзя отрицать, что идея спасения нации путем обретения единства оказывается важной частью драмы. Однако не

стоит рассматривать Жанну лишь как ту героиню, что направляет свой народ на путь спасения. Жанна является яркой личностью, внутренние переживания которой весьма значимы для поэта.

Здесь стоит обратиться к одиннадцатому явлению четвертого действия. В нем Тибо д'Арк обвиняет свою дочь в том, что ей в сражениях помогает не Господь, а наоборот, дьявол. Особое внимание необходимо уделить финалу одиннадцатого явления. В авторской ремарке указано следующее: “Johanna bleibt unbeweglich. Neue heftige Donnerschläge. Der König, Agnes Sorel, Erzbischof, Burgund, La Hire und Du Chatel gehen ab“ («Жанна остается неподвижной. Новые резкие удары грома. Король, Агнесса, Архиепископ, герцог Бургундский Ля Гир и Дю Шатель уходят») [Schiller 1801b: 790]. Жанна не опровергает обвинений отца, чем удивляет всех присутствовавших. В конце явления она остается одна, покинутая теми, кто более не верит в ее святость. Молчание и застывшая поза главной героини здесь необходимы, с одной стороны, для выстраивания дальнейшего сюжета, приближенного к историческим событиям. Обвинение в служении дьяволу делает Жанну изгнанницей, что дает возможность далее развивать драматическое действие. С другой стороны, эта сцена ярко показывает зрителю трагическую вину главной героини. Вина Жанны в пьесе Шиллера никак не связана с историческим судебным процессом над ней. Жанна считает себя виновной в том, что она полюбила английского рыцаря. Роль девы-воительницы исключает любовное чувство, особенно к врагу. Для Жанны оно равносильно предательству. Она понимает, что более не является той Орлеанской девой, какой она привыкла видеть себя и какой прославлял ее народ. Жанна виновна в своем чувстве, и потому она молчит и считает себя недостойной быть на коронации Карла. Ф. Шиллер ярко показывает переживания главной героини, выдвигая на передний план ее личностные особенности, а не роль спасительницы Франции. Под пером Ф. Шиллера Жанна предстает не той героиней, что неукоснительно следует своему предназначению, но той, которая испытывает запретное для нее чувство и сомневается в том, достойна ли она исполнить свое предназначение.

В этом плане важна реплика Жанны, которую она произносит в разговоре с Раймондом: “In mir ist Friede – Komme, was da will, Ich bin mir keiner Schwachheit mehr bewußt!“ («Во мне мир – Пусть приходит то, что хочет, Я в себе больше не осознаю слабости») [Schiller 1801b: 796]. Находясь в изгнании, Жанна отказалась от любви, называемой ею слабостью, и обрела мир в своей душе.

Героиня вновь осознала себя Орлеанской дево́й, на которую более не гневается Господь и, что немаловажно, которую принимает она сама. Стоит отметить, что искупление главной героиней внутренней вины путем преодоления слабости является важным основанием для создания Ф. Шиллером финала, отличающегося от исторических событий. Эпизод, в котором Жанна разрывает сковывающие ее цепи, свидетельствует о внутреннем освобождении от терзавших ее противоречий. Она свободна как физически, так и духовно.

Обретение внутренней свободы приводит Жанну к становлению той «прекрасной душой», определение которой Ф. Шиллер дает в трактате «О грации и достоинстве» (*“Über Anmut und Würde“*, 1793). Все поступки прекрасной души нравственны, а ее разум и чувства в гармонии между собой. Важным является то, что прекрасная душа «с легкостью, словно действуя только по инстинкту, исполняет она тягчайшие обязанности, возложенные на человеческое существо, и самая героическая жертва, исторгаемая ею у природной склонности, кажется добровольным действием этой самой склонности» [Шиллер 1957а: 149]. В связи с упоминанием понятия прекрасной души нельзя не отметить его значимость для искусства второй половины XVIII в. Так, Marie Wokalek в работе *“Die schöne Seele – eine Denkfigur. Zur Semantik von Gewissen und Geschmack bei Rousseau, Wieland, Schiller, Goethe“* (2011) говорит о том, что прекрасная душа является основным понятием для литературы второй половины XVIII в. Благодаря присущей ей гармонии прекрасная душа способна давать ответы на этические, гносеологические и эстетические вопросы своего времени. Она заключает в себе *“Ideal eines selbstregierten Menschen“* («Идеал самоуправляемого человека») [Wokalek 2011: 213]. Прилагательное *“selbstregierten“* (самоуправляемый) может быть интерпретировано как свойство человеческой души, позволяющее совершать поступки, исходя из собственных нравственных убеждений. Прекрасная душа существует в согласии с собой и миром.

Жанна, являясь в пьесе воплощением прекрасной души, жертвует собой, потому что сильное нравственное чувство не позволяет ей поступить по-другому. Также можно говорить о том, что эта жертва – единственное, что ей остается. Она отказалась от всех слабостей, от любви. Она совершает то, к чему была готова еще в прологе пьесы, когда прощалась с родными полями: *“Johanna sagt euch ewig Lebewohl“* («Жанна говорит вам вечные слова прощания») [Schiller 1801b: 699]. В финале пьесы также важной явля-

ется следующая реплика смертельно раненной главной героини, произнесенная после окончания сражения: *“Und ich bin wirklich unter meinem Volk, Und bin nicht mehr verachtet und verstoßen? Man flucht mir nicht, man sieht mich gütig an?“* («И я действительно среди моего народа, и более не презираема и не изгнана? Меня не проклинают, смотрят на меня любезно?») [Schiller 1801b: 810]. Все, о чем спрашивает Жанна, имеет для нее значение. Здесь ей важно быть с ее народом, здесь она более в себе не сомневается. Она является частью этого мира, хотя и отличается от окружающих ее людей. В отношении этого можно говорить о некоей гармонии, к которой стремится Ф. Шиллер. Также необходимо обратиться к авторской ремарке, завершающей драму. Жанна д'Арк умирает с поднятым в руках знаменем, а затем *“Auf einen leisen Wink des Königs werden alle Fahnen sanft auf sie niedergelassen, daß sie ganz davon bedeckt wird“* («По тихому знаку короля все знамена мягко опускаются на нее так, что она полностью покрыта ими») [Schiller 1801b: 810]. Король, герцог, весь народ, ради которого Жанна жертвовала собой, един в одержанной благодаря ей победе и также един в скорби по ней.

Итак, созданный Фридрихом Шиллером исторический финал трагедии необходим для того, чтобы изобразить становление Жанны д'Арк прекрасной душой. Являясь поэтическим воплощением этого важнейшего для искусства второй половины XVIII в. понятия, главная героиня не только спасает свой народ, но и возвращает в мир такие важные его составляющие, как единство и гармония. Ярko акцентированная в пьесе индивидуальность Жанны важна для наиболее полной передачи своеобразия создаваемого образа главной героини: в процессе развертывания сюжета она, преодолевая внутреннюю вину, принимая свое предназначение, обретает ту душевную свободу, которая мыслилась поэтом как неотрывная часть личности и мироздания, связанная со всеобщей гармонией. Именно благодаря объединению в образе Жанны гармонии и свободы в финале трагедии демонстрируется единство как народа, так и отдельной личности и целого мира.

Список литературы

Аствацатуров А. Г. Образ человека модерна (Рокайроль Жан Поля) // Человек эпохи модерна: герменевтика субъекта в немецкоязычной культуре XVIII–XX веков / под. ред. А. А. Вольского. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 36–57.

Гегель Г. Работы разных лет в двух томах. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 630 с.

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.

Декарт Р. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.

Жеребин А. И., Аствацатуров А. Г., Вольский А. Л. Человек эпохи модерна: герменевтика субъекта в немецкоязычной культуре XVIII–XX веков / под. ред. А. А. Вольского. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 516 с.

Клаузевиц К. 1806 год. М.: Мысль, 1995. 260 с.

Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1982. Т. 1. 636 с.

Тогоева О. И. Исполнение пророчеств: ветхозаветные герои Столетней войны // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М.: Ин-т всеобщ. ист. РАН, 2006. Т. 7. С. 88–106.

Тураев С. В. Фридрих Шиллер – мыслитель, поэт, драматург // Шиллер Ф. Коварство и любовь: Драмы, стихотворения. М.: Эксмо, 2005. 640 с.

Фишер К. История новой философии. Т. 3. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 814 с.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 415 с.

Шиллер Ф. О грации и достоинстве // Шиллер Ф. Собрание сочинений в семи томах. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957а. Т. 6. С. 115–171.

Шиллер Ф. О нравственной пользе эстетических нравов // Шиллер Ф. Собрание сочинений в семи томах. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957б. Т. 6. С. 478–488.

Шиллер Ф. П. Фридрих Шиллер. Жизнь и творчество. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955. 433 с.

Koschorke A. Schillers “Jungfrau von Orleans” und die Geschlechterpolitik der Französischen Revolution // Friedrich Schiller und der Weg in die Moderne / hrsg. von Walter Hinderer. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2006. S. 243–259.

Marínez Pazos S. Anthropologie und “ästhetische Erziehung” in Schillers historischen Dramen “Jungfrau von Orleans” und “Wilhelm Tell”. Santiago de Compostela; USC, Facultad de filología, 2019. 38 с.

Rühling Ch. Spekulation als Poesie: Ästhetische Reflexion und literarische Darstellung bei Schiller und Hölderlin. Berlin: De Gruyter, 2015. 425 с.

Schiller F. An die Freude. 1793. URL: [http://www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Gedichte/Gedichte+\(1776-1788\)/An+die+Freude](http://www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Gedichte/Gedichte+(1776-1788)/An+die+Freude) (дата обращения: 17.10.2022).

Schiller F. Der Antritt des neuen Jahrhunderts. 1801a. URL: [http://www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Gedichte/Gedichte+\(1789-1805\)/Der+Antritt+des+neuen+Jahrhunderts](http://www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Gedichte/Gedichte+(1789-1805)/Der+Antritt+des+neuen+Jahrhunderts) (дата обращения: 17.10.2022).

Schiller F. Die Jungfrau von Orleans. 1801b URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Dramen/Die+Jungfrau+von+Orleans> (дата обращения: 17.10.2022).

Schiller F. Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlande von der spanischen Regierung. 1788 URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/schiller/niederld/niede02.html> (дата обращения: 17.10.2022).

Wokalek M. Die schöne Seele – eine Denkfigur. Zur Semantik von Gewissen und Geschmack bei Rousseau, Wieland, Schiller, Goethe. Göttingen: Wallstein Verlag, 2011. 400 с.

Vietta S. Die literarische Moderne. Stuttgart: Metzler, 1992. 361 с.

References

Astvatsaturov A. G. Obraz cheloveka moderna (Rokayrol' Zhan Polya) [The image of man of the modern era (Jean Paul's Roquairol)]. *Chelovek epokhi moderna: germeneytika sub'ekta v nemetskoyazychnoy kul'ture XVIII–XX vekov*: [Man of the Modern Era: Hermeneutics of the Subject in the German-Speaking Culture of the 18th–20th Centuries: a monograph]. Ed. by A. A. Vol'skiy. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2020, pp. 36–57. (In Russ.)

Hegel G. *Raboty raznykh let v dvukh tomakh* [Works of Different Years in 2 Volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1971, vol. 2. 630 p. (In Russ.)

Herder J. G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Outlines of a Philosophy of the History of Man]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 703 p. (In Russ.)

Descartes R. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in 2 vols]. Moscow, Mysl' Publ., vol. 1, 1989. 654 p. (In Russ.)

Zherebin A. I., Astvatsaturov A. G., Vol'skiy A. L. *Chelovek epokhi moderna: germeneytika sub'ekta v nemetskoyazychnoy kul'ture XVIII–XX vekov: monografiya* [Man of the Modern Era: Hermeneutics of the Subject in the German-Speaking Culture of the 18th–20th Centuries: a monograph]. Ed. by A. A. Vol'skiy. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2020. 516 p. (In Russ.)

Clausewitz K. *1806 god* [The year 1806]. Moscow, Mysl' Publ., 1995. 260 p. (In Russ.)

Leibniz G. W. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in 4 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1982, vol. 1. 636 p. (In Russ.)

Togoeva O. I. Ispolnenie prorochestv: vetkhovzavetnye geroi Stoletney voyny [Prophecies Fulfilled: Old Testament Heroes of the Hundred Years' War]. *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii* [Casus. The Individual and Unique in History]. Moscow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Press, 2006, vol. 7, pp. 88–106. (In Russ.)

Turaev S. V. Fridrikh Shiller – myslitel', poet, dramaturg [Friedrich Schiller as a thinker, a poet, a playwright]. Shiller F. *Kovarstvo i lyubov': Dramy, stikhotvoreniya* [Intrigue and Love: Dramas, Poems]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 640 p. (In Russ.)

Fischer K. *Istoriya novoy filosofii* [Introduction to the History of New Philosophy]. Moscow, Direktmedia Publishing, 2008, vol. 3. 814 p. (In Russ.)

Habermas J. *Filosofskiy diskurs o moderne* [The Philosophical Discourse of Modernity]. Moscow, Ves' mir Publ., 2003. 415 p. (In Russ.)

Schiller F. O gratsii i dostoinstve [On grace and dignity]. Shiller. F. *Sobranie sochineniy v semi tomakh* [Collected works in 7 Volumes]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1957a, vol. 6, pp. 115–171. (In Russ.)

Schiller F. O нравstvennoy pol'ze esteticheskikh нравов [On the Moral Usefulness of Aesthetic Tempers]. Shiller F. *Sobranie sochineniy v semi tomakh* [Collected works in 7 Volumes]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1957b, vol. 6, pp. 478–488. (In Russ.)

Schiller F. P. *Fridrikh Shiller. Zhizn' i tvorchestvo* [Friedrich Schiller. Life and Work]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1955. 433 p. (In Russ.)

Koschorke A. Schillers 'Jungfrau von Orleans' und die Geschlechterpolitik der Französischen Revolution [Schiller's 'Maid of Orleans' and the gender politics of the French Revolution]. *Friedrich Schiller und der Weg in die Moderne* [Friedrich Schiller and the Path to Modernity]. Ed. by W. Hinderer. Würzburg, Koenigshausen & Neumann Publ., 2006, pp. 243–259. (In Ger.)

Marínez Pazos S. *Anthropologie und 'ästhetische Erziehung' in Schillers historischen Dramen 'Jungfrau von Orleans' und 'Wilhelm Tell'* [Anthropology and 'aesthetic education' in Schiller's historical dramas 'The Maid of Orleans' and 'William Tell'].

Santiago de Compostela, USC, Faculty of Philology, 2019. 38 p. (In Ger.)

Rühling Ch. *Spekulation als Poesie: Ästhetische Reflexion und literarische Darstellung bei Schiller und Hölderlin* [Speculation as Poetry: The Aesthetic Reflection and Literary Representation in Works by Schiller and Hölderlin]. Berlin, De Gruyter, 2015. 425 p. (In Ger.)

Schiller F. *An die Freude* [Ode to Joy]. 1793. Available at: [http://www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Gedichte/Gedichte+\(1776-1788\)/An+die+Freude](http://www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Gedichte/Gedichte+(1776-1788)/An+die+Freude) (accessed 17 Oct 2022). (In Ger.)

Schiller F. *Der Antritt des neuen Jahrhunderts* [The Beginning of the New Century]. 1801a. Available at: [http://www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Gedichte/Gedichte+\(1789-1805\)/Der+Antritt+des+neuen+Jahrhunderts](http://www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Gedichte/Gedichte+(1789-1805)/Der+Antritt+des+neuen+Jahrhunderts) (accessed 17 Oct 2022). (In Ger.)

Schiller F. *Die Jungfrau von Orleans* [The Maid of Orleans]. 1801b. Available at: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Dramen/Die+Jungfrau+von+Orleans> (accessed 17 Oct 2022). (In Ger.)

Schiller F. *Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlande von der spanischen Regierung*. [The history of the secession of the United Netherlands from the Spanish government]. 1788. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/schiller/niederld/niede02.html> (accessed 17 Oct 2022). (In Ger.)

Wokalek M. *Die schöne Seele – eine Denkfigur. Zur Semantik von Gewissen und Geschmack bei Rousseau, Wieland, Schiller, Goethe* [The Beautiful Soul – a Figure of Thought. On the Semantics of Conscience and Taste in Works of Rousseau, Wieland, Schiller, Goethe]. Göttingen, Wallstein Verlag, 2011. 400 p. (In Ger.)

Vietta S. *Die literarische Moderne* [Modern Literature]. Stuttgart, Metzler, 1992. 361 p. (In Ger.)

The Meaning of the Final Scene in Friedrich Schiller's Drama 'The Maid of Orleans'

Alla A. Ignateva

Postgraduate Student at the Department of Russian and Foreign Philology

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

87, Gorkogo st., Vladimir, 600000, Russian Federation. Alla.Leps@yandex.ru

SPIN-code: 4496-3390

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7051-1259>

Submitted 01 Dec 2022

Revised 13 Jan 2023

Accepted 06 Mar 2023

For citation

Ignateva A. A. Smysl i znachenie finala dramy Fridrikha Shillera «Orleanskaya deva» [The Meaning of the Final Scene in Friedrich Schiller's Drama 'The Maid of Orleans']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 92–102. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-92-102 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the final scene of the historical drama *The Maid of Orleans* by the German poet Friedrich Schiller. It is discussed in the context of the principle of subjectivity, which is one of the main principles for modernity as a macro era, as well as through the prism of a special understanding of history by the creators of art of the second half of the 18th – early 19th centuries. The article aims to: analyze the final scene of the drama from the point of view of F. Schiller's philosophical ideas reflected in his philosophical treatises and articles on history and poetically embodied in the *Ode to Joy*; identify the peculiar features of the image of the main character of the play, associated with the creative principles of the modern era and the subjective understanding of the historical personality by the playwright. The study revealed that of particular importance for F. Schiller's works, both philosophical and dramatic, were Johann Herder's reflections on unity and the concept of pre-established harmony proposed by Gottfried Leibniz. It was found that the poet's conscious retreat from historical reality when creating the final scene of the work was connected, on the one hand, with the specific representation of Joan of Arc as a person capable of recreating reality in a special way; on the other hand, with the individual-author's awareness of the interrelationship of historical epochs, characteristic of the time of modernity, which made it possible for the poet to most clearly convey through dramatic action the idea of total unity, philosophically interpreted by him on the pages of treatises, which turns out to be especially significant for the early 19th century.

Key words: Friedrich Schiller; modern era; beautiful soul; history; principle of subjectivity.

УДК 821.09:7

doi 10.17072/2073-6681-2023-2-103-113

Пейзаж на театральном занавесе, чайном блюде и экране веера: экфрасис в произведениях О. Бердсли, Р. Фирбенка, М. Кузмина

Ирина Александровна Новокрещенных**к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. ira-tabunkina@mail.ru

SPIN-код: 6165-6981

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0877-4823>

ResearcherID: P-1752-2016

*Статья поступила в редакцию 26.12.2022**Одобрена после рецензирования 22.03.2023**Принята к публикации 28.03.2023***Информация для цитирования**

Новокрещенных И. А. Пейзаж на театральном занавесе, чайном блюде и экране веера: экфрасис в произведениях О. Бердсли, Р. Фирбенка, М. Кузмина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 103–113. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-103-113

Аннотация. Статья выполнена в русле сравнительно-исторического и эстетико-позтологического подходов в литературоведении и посвящена исследованию влияния Обри Бердсли на творивших в начале XX в. английского прозаика Рональда Фирбенка и русского поэта Михаила Кузмина. Анализируя экфрасис дворцового ансамбля, представленного в романе Фирбенка «Искусственная принцесса», мы обнаруживаем интермедийные связи с романом О. Бердсли «Под Холмом, или История Венеры и Тангейзера» и со стихотворениями М. Кузмина «Фузий в блюдечке» и «Северный веер». В результате сопоставительного анализа приходим к выводу о том, что соотношение природы и искусства в произведениях Бердсли, Фирбенка и Кузмина рассматривается через призму культуры. У Бердсли пейзаж озера с лягушками создается в воображении героя, отражает его желания и страхи, что подчеркивает романтический генезис декаданса. Описание заканчивается предположением, что озеро не существует на самом деле, а только нарисовано на театральном занавесе. У Фирбенка экфрасис дворцового парка представлен с разных точек зрения. Реальность преобразуется не столько субъективностью взгляда, сколько парадоксальным ракурсом видения. «Обманчивая ширь» пейзажа, сужаясь, сравнивается с изображением на фарфоровой чашке и блюде или на шелковой лопасти веера – «так много в малом». У Кузмина в экфрастическом стихотворении «Фузий в блюдечке» пейзаж одновременно сужается и расширяется, демонстрирует единство природы и искусства. В отличие от пейзажных описаний Бердсли и Фирбенка, в стихотворении Кузмина сразу указывается на экфрастичность описания, что обуславливает его жанровую целостность.

В романе Фирбенка створки веера в руках у принцессы пересекают ночное небо с мерцающими планетами, уводящими в мир мечты и воображения. Прямая ссылка на Ч. Кондера косвенно указывает на традицию Бердсли, чьими рисунками создатель веера восхищался и которым подражал. Стихотворный цикл Кузмина «Северный веер» открывается прямой ссылкой на Бердсли, которого Кузмин сравнивал со своим другом Ю. Юркуном (ему и посвящен цикл). Каждое стихотворение – как створка веера, но если в первом упоминаются только материал и детали, то в последнем дается описание движения створок веера как четырех стихий и четырех сторон света, напоминающее фильм Ж. Мельеса «Чудесный живой веер». Превращение веера в этом фильме заканчивается вращением

планет на звездном небе, как на веере у Фирбенка. Таким образом, экфрасис в произведениях Фирбенка и Кузмина, эстетически восходящий к Бердсли, отличается сменой точек зрения, обращением к кинематографу и реалиям XX в.

Ключевые слова: экфрасис, искусство и природа; английская литература; русская литература; Бердсли; Фирбенк; Кузмин; декаданс; модернизм.

Введение

Рональд Фирбенк (*Arthur Annesley Ronald Firbank*, 1886–1926) – английский писатель первой трети XX в., автор пьес и оперных либретто, денди, почитатель эстетизма, культуры конца XIX в. Один из первых написанных им романов – «Искусственная Принцесса» (“*The Artificial Princess*”, опубл. в 1934). Это повествование из трех глав о готовящемся праздновании Дня рождения Принцессы, которая живет во Дворце с матерью и отчимом. Центральная глава, вторая, посвящена приключениям одной из придворных дам. Принцесса отправляет ее с запиской-приглашением к Святому Иоанну Пеллегрину. Очевидная имитация сюжета о Саломее и рецепция творчества О. Уайльда отмечались в работах исследователей [Severi 2001: 55–66; Новокрещенных 2022а: 118–126].

Нас заинтересовал другой аспект¹ «Искусственной Принцессы», а именно описание пространства дворцового ансамбля, в котором обнаруживаются параллели с романом «Под Холмом, или История Венеры и Тангейзера» (“*Under the Hill, or The History of Venus and Tannhauser*”, 1872–1898) английского денди, родоначальника стиля модерн в графике О. Бердсли (*Aubrey Vincent Beardsley*, 1872–1898) и со стихотворением «Фузий в блюдецке» (1917) и циклом «Северный веер» (1925) русского поэта, прозаика и композитора М. А. Кузмина (1872–1936).

Рональд Фирбенк создавал «Искусственную Принцессу» на протяжении нескольких десятилетий. По словам М. Бенковиц, в 1906 г. он начинает произведение, пишет до 1912 г. и продолжает в 1924–1925 гг. [цит. по: Severi 2001: 55]. Стихотворение М. Кузмина «Фузий в блюдецке» было опубликовано в Петрограде в 1917 г. в № 7 иллюстрированного художественно-литературного ежемесячника «Аргус» [Кузмин 1990: 531]. Цикл «Северный веер» в составе книги «Форель разбивает лед. Стихи 1925–1928» увидел свет в 1929 г. в Издательстве Писателей в Ленинграде [там же: 545].

Творчество Бердсли любили и Фирбенк, и Кузмин. Они читали его литературные произведения и видели опубликованные графические работы. Об этом упоминали как сами авторы, так близкие им современники. Так, историк балета, критик и издатель Сирил Уильям Бомонт (*Cyril William Beaumont*, 1891–1976) оставил воспоминания о том, что «Историю о Венере и Тангейзе-

ре» Бердсли Фирбенк «нарек “отдохновенной”», так он называл книги, которые ему нравились [Фирбенкиана 2004: 174]. По словам лондонского издателя Гранта Ричардса (*Grant Richards*, 1872–1948), Фирбенк говорил, что хотел бы достичь того, что сумел сделать Бердсли своими листами к «Похищению локона» А. Поупа (“*The Rape of the Lock*” (1712) by Alexander Pope) [цит. по: Edwards 2021: 57].

М. Кузмин в Дневнике от 8 октября 1906 г. дважды упоминает Бердсли. Поэт пишет, что в виденном им балете «Пробуждение Флоры» по сценарию М. Петипа и Л. Иванова, музыке Р. Дриго танцор Андр<и>анов «восхитителен в виде бердслиановского Аполлона» (отсылка к рисунку Бердсли 1896 г. «Аполлон, преследующий Дафну»). В этот же день после спектакля Кузмин едет к К. Сомову, который показывал ему «издания Beardsley» [Кузмин 2000: 236]. В 1911 г. Ликиардопуло, который переводил на русский язык роман Бердсли «История Венеры и Тангейзера», просит Кузмина «перевести стихи» Бердсли [Кузмин 2009: 284]. Кузмин переводит на русский язык баллады “*The Three Musicians*” и “*The Ballad of a Barber*” [Багно, Сухарев 2006]. Переводы Ликиардопуло и Кузмина появились в альбоме листов и произведений Бердсли, изданном «Скорпионом» в 1912 г. [Бердслей 1912; Кузмин 2011: 30, 31].

В работах литературоведов неоднократно упоминалось о влиянии творчества Бердсли на Фирбенка [Raby 1998: 113; Weintraub 1967: 248; Edwards 2021: 56–59] и Кузмина [Кузмин 1977: 680], но специально этот аспект не изучался. Используя сравнительно-исторический и эстетико-поэтологический подходы, мы исследовали рецепцию Бердсли в произведениях Кузмина и Фирбенка [Табункина 2012б: 99–106; 2012: 121–130; 2012а: 210–220; 2013: 120–129; 2013а: 78–84; Бочкарева, Табункина 2014: 74–93; Новокрещенных 2022б: 83–105]. Цель данной статьи – сопоставить экфрасистические описания у Бердсли, Фирбенка и Кузмина, показывая влияние декадента О. Бердсли на Р. Фирбенка и М. Кузмина, создававших свои произведения в первой трети XX в.

Пейзаж на театральном занавесе, восточной шали и фарфоровом блюде

В романе Обри Бердсли «Под Холмом, или История Венеры и Тангейзера» шевалье Тангейзер путешествует по садам и паркам в Холме Ве-

неры. Они подробно описаны, как дворец и парк Принцессы в романе Фирбенка. В четырех из десяти глав у Бердсли представлены описания террас, парков и садов, а также объемный экфрасис пятой террасы (глава 3) с бронзовым фонтаном и тремя бассейнами, в каждом из которых помещены скульптуры. В бассейны обильно струится вода, образуя странные и ажурные узоры: “the water played profusely, cutting strange arabesques and subtle figures” [Beardsley 1996: 86]. В первом бассейне находится многоголовый дракон, лебеди и на них четыре маленьких амура с луком и стрелами. Скульптура выполнена в виде жанровой сценки – два амура отступают в страхе и два наступают на дракона: “Two of them that faced the monster seemed to recoil in fear, two that were behind made bold enough to aim their shafts at him” [ibid.: 85]. По окружности второй чаши бассейна поднимается ряд тонких золотых колонн, которые венчают серебряные голуби с распушенными хвостами и крыльями: “From the verge of the second sprang a circle of slim golden columns that supported silver doves with tails and wings spread out” [ibid.]. В центре третьего бассейна расположен тонкий столб, украшенный масками, розами, маскаронами в виде детских головок: “The third, held by a group of grotesquely attenuated satyrs, was centred with a thin pipe hung with masks and roses, and capped with children’s heads” [ibid.].

В девятой главе романа Тангейзер после завтрака едет в карете с Венерой и ее свитой по парку, осматривая сады, павильоны и украшенные водоемы: “gardens, parks, pavilions, and ornamental waters” [ibid.: 116]. По мере движения пейзаж, по сравнению с ухоженным парком (3–6 главы), становится более таинственным, нет скульптур, слышны отголоски и таинственные звуки, бормотание из грота: “The landscape grew rather mysterious. The park, no longer troubled and adorned with figures, was full of grey echoes and mysterious sounds; the leaves whispered a little sadly, and there was a grotto that murmured like a voice haunting the silence of a deserted oracle” [ibid.: 117]. Этот пейзаж герой не столько видит, сколько воображает. Печаль Тангейзера (“Tannhäuser became a little triste”, “The Chevalier fell into a strange mood, as he looked at the lake”) подчеркивает его романтическое настроение, а воды озера названы “romantic lake”, “romantic water”.

В воображении героя серебристое озеро наполнено тончайшими рыбками, а по берегам деревья и камыши погружены в сон: “In the distance, through the trees, gleamed a still, argent lake – a reticent, romantic water that must have held the subtlest fish that ever were. Around its marge the

trees and flags and fleurs de luce were unbreakably asleep” [ibid.: 117–118]. Сначала он воображает, что хочет бросить в озеро камень, чтобы нарушить его покой, разгадать его секрет: “It seemed to him that the thing would speak, reveal some curious secret, say some beautiful word, if he should dare wrinkle its pale face with a pebble”, но потом пугается собственной смелости: “‘I should be frightened to do that, thought,’ he said to himself” [ibid.: 118]. Тангейзер задумывается над тем, что могло бы быть на другом берегу озера, давая волю фантазии: “Then he wondered what might be upon the other side; other gardens, other gods? A thousand drowsy fancies passed through his brain”.

Вдруг озеро начинает изменяться. Не нарушая покоя и неподвижности сна-смерти, оно увеличивается и уменьшается в размерах, отражая желания и страхи героя, чья фантазия выходит из-под контроля разума: “Sometimes the lake took fantastic shapes, or grew to twenty times its size, or shrunk into a miniature of itself, without ever once losing its unruffled calm, its deathly reserve”. Тангейзер воображает и пугается огромных лягушек с большими глазами и чудовищными лапами: “When the water increased, the Chevalier was very frightened, for he thought how huge the frogs must have become. He thought of their big eyes and monstrous wet feet...”. Когда пруд уменьшается, он смеется над их крошечными паучьими лапками и неслышным кваканьем: “<...> but when the water lessened, he laughed to himself, whilst thinking how tiny the frogs must look thinner than spiders’, and of their dwindled croaking, that never could be heard”.

Бердсли не создал лист к пейзажу с лесным озером и живущими в нем лягушками (тогда как есть листы, на которых изображены лес – «Аббат» и сад – «Разносчики фруктов», «Венера между двумя богами»), но они очень изобразительны и фантастичны. Описание заканчивается предположением, что озеро только нарисовано на театральном занавесе или декорации: “Perhaps the lake was only painted, after all. He had seen things like it at the theatre” [ibid.: 118].

Соотношение природы и искусства для декадента и эстета Обри Бердсли, жившего в самом конце XIX в., имеет романтический генезис, связанный с субъективным восприятием им размеров озера, которое изменяется в сознании героя. «Основной принцип декаданса <...> сводится к декларированию приоритета творческого субъекта над объективной реальностью. Субъект пытается максимально редуцировать объект (внешний мир)» [Тырышкина 2002: 20], – что мы и отмечаем в поэтике Бердсли.

Если в романе Бердсли «странное настроение» охватило Тангейзера, когда он смотрел на

озеро ("The Chevalier fell into a strange mood, as he looked at the lake"), то в романе Фирбенка странным и причудливыми были формы цветочных клумб, которые окружали пруд с фонтаном в виде дельфина. Вплетаясь в траву, клумбы напоминали узоры на восточной шали: "the strangely shaped beds and borders, strictly floral, which, woven through the grass, suggested patterns on an Oriental shawl" [Firbank 1981: 244]. Как и у Бердсли, описание пейзажа завершается экфрасической отсылкой.

В первой главе «Искусственной Принцессы» экфрасис дворцового ансамбля в двух больших абзацах представляет сопоставление и противопоставление природного и искусственного [ibid.: 244–245]. Пространственная точка зрения на пейзаж обозначена наречиями места *outside, here and there, overhead*. Снаружи, под окнами Дворца, солнце освещало (взгляд сверху вниз) ветви лип, пруд, фонтан в виде дельфина, клумбы: "Outside, under the Palace windows, the sun shone down on the meek boughs of the lime trees that waved about a green pool where a Dolphin bubbled heedlessly...". Сквозь листву деревьев виднелись холмы хребта Веллен, вдоль которого мелькали великолепные автомобили, а небо над головой (взгляд снизу вверх) было таким бледным, что казалось присыпанным пудрой. Повествователь вовлекает читателя (you could see) в рассмотрение пейзажа: "Here and there where the foliage dipped, you could see the blue-washed Wellen Range, hill over hill, along whose veins flashed the splendid automobiles. Overhead the sky was so pale that it appeared to have been powdered all over with poudre-de-riz". Затем идет возвращение взгляда через окно в комнаты, где аромат цветущих деревьев соединяется с запахом китайских чайных сигарет: "The scent of Lime flower wafted through the open windows <...> and mingled pleasantly with Tea Cigarettes from China" [ibid.: 244].

Во втором абзаце в описании пейзажа, увиденного из окна, используется синтаксическая конструкция «кто бы догадался (кто бы мог предположить)» (*Who could have guessed*), что за занавесом качающихся деревьев есть кованые ворота и охраняющие их вооруженные мечами Стражи в шляпах с перьями, а за ними – белый город с бесчисленными шпилями и золотыми куполами, театрами, кафе, улицами, откуда можно слышать звуки скрипок. В описание звуков далекого города вовлекается субъект-читатель (you might hear): "Who could have guessed that behind the swaying curtain of the trees, stood the curly wrought-iron gates, with prowling Sentinels in gay plumed hats, and sun-fired swords; while beyond, the white town, with its countless Spires and gold domed

Opera House, its Theatres and spacious streets, its Cafés, from whence, sometimes, on still nights, you might hear the sound of violins, trailing capriciously, like a riband, upon the wind" [ibid.: 245]. Ворота и город не видны, поэтому создается обманчивое впечатление, что везде царствует природа, и говорится об «обманчивой шире»: "What an elegant view! What deceptive expanse!"

Эта же конструкция *Who could have guessed* в экфрасисе дворцового ансамбля вводит пространственную игру взглядами, которая сопровождается «весельем» и разнообразием точек зрения – смотреть вниз из окон на тихо бурлящий среди камышей и лилий фонтан и, наоборот, глазеть в оконные стекла, находясь вне дворца: "Who could have guessed at such gaieties, looking down from the Palace windows at the quiet Dolphin, as it bubbled heedlessly, amid its reeds and lilies; staring foolishly up the Royal window-panes, indifferent to the swirling dance of Butterflies, or, to the occasional leaning of a Carp" [ibid.: 245]. Взгляд на окна снизу совпадает с точкой зрения неподвижной статуи Дельфина, безразличного к танцу бабочек и случайному прыжку карпа. Повтор восклицательных предложений "What an elegant view! What deceptive expanse!" обрамляет экфрасис во втором абзаце. «Обманчивая ширь» – это многое, заключенное в малом, – напоминает пейзаж, изящно написанный на фарфоровой чашке или блюде: "So much, contained in so little, suggested a landscape painted delicately upon a porcelain cup or saucer..." [Firbank 1981: 245]. Целый мир ("So much") представлен в рисунке на блюде ("in so little") – «многое в малом».

Мотив многого, заключенного в малом, был сформулирован еще романтиком У. Блейком (*William Blake*, 1757–1827):

To see a World in a Grain of Sand
And a Heaven in a Wild Flower
Hold Infinity in the palm of your hand
And Eternity in an hour...

Блейк рассуждает более общими категориями, чем Фирбенк, – Мир, Небеса, Бесконечность, Вечность (*World, Heaven, Infinity, Eternity*). У романтика «в каждом единичном заключена частица всеобщего: как в зерне песка воплощена частица бесконечности, так в явлении отражена сущность» [Храповицкая, Коровин 2002: 152]. У Фирбенка же многое и малое соотносятся как природа и искусство через рисунок на блюде: *so much* и *so little*.

Экфрасис дворцового ансамбля из романа «Искусственная Принцесса» и мотив многого (природа) в малом (фарфоровое блюдо) напоминают о стихотворении М. Кузмина «Фузий в

блюдецке». Но если Фирбенк завершает описание упоминанием о фарфоровой чашке или блюде, то Кузмин уже в названии своего экфрасического стихотворения указывает на чайное блюдечко:

Сквозь чайный пар я вижу гору Фузий,
На желтом небе золотой вулкан.
Как блюдечко природу странно узит!
Но новый трепет мелкой рябью дан.

Как облаков продольных паутинки
Пронзает солнце с муравьиный глаз,
А птицы-рыбы, черные чайники,
Чертят лазури зыблемый топаз!

Весенний мир вместится в малом мире:
Запахнут миндали, затрубит рог,
И весь залив, хоть будь он вдвое шире,
Фарфоровый обнимет ободок.

Но ветка неожиданной мимозы,
Рассекши небеса, легла на них, —
Так на страницах философской прозы
Порою заблестит влюбленный стих
[Кузмин 1990: 199].

Экфрасис представляет сопоставление природных реалий «весеннего мира» с рисунком на блюде, который становится «малым миром». Это стихотворение программно, выступает «трактатом об искусстве»: искусство предстает «рамкой для жизни, чай сливается с изображением на блюдечке» [Марков 1994: 110]. В стихотворении «звучит давняя кузминская тема единства искусства и жизни, одновременно независимо существующей и замкнутой в искусстве» [Богомолов 1999]. Природный мир разнообразен колористически и пространственно — это гора Фузий, желтое небо и золотой вулкан, лазурь, облака, солнце, залив. Запахи миндаля и звуки рога расширяют ощущение «весеннего мира». Но это «обманчивая» ширь, потому что пейзаж нарисован на фарфоровом блюдечке. Искусство сужает природу, стараясь вместить большой мир в малый, ограничив его фарфоровым ободком.

Пейзаж у Кузмина — это нарисованная картина природы, в которой открывается широта и глубина мира, осознаваемая субъектом «я». Принцип видения в этом стихотворении организован, с одной стороны, «искусно сделанными оживающими картинками “эстетизированной”, в данном случае рисованной природы», с другой, — «эта искусственность, требующая границ, рамок <...> создает возможность выхода за эти рамки, нового ракурса, иных мыслей и далей...». Этот принцип проявится в созданном далее сборнике «Форель разбивает лед» [Цивьян 1990: 46]. Соотношение природы и искусства у Кузмина

на отличается «оживлением», «новым трепетом» на рисунке: «новый трепет мелкой рябью дан» [Невзглядова 1988: 113].

Чудесный живой веер

В анализируемом нами фрагменте романа Фирбенка пейзаж предполагается выписанным не только на фарфоровой чашке и блюде, но и на шелковом экране веера: “...a landscape painted delicately <...> upon the silken panel of a fan” [Firbank 1981: 245]. Рисунок на веере, как и рисунок на блюде, вмещает в себя мир, который замкнут искусством. Смена точек зрения на фрагменты парка в экфрасисе дворцового ансамбля похожа на появление рисунка при раскрытии пластинок веера.

Еще один веер упоминается как деталь костюма Принцессы на торжественном вечере в честь ее Дня рождения. Представлен расписанный Ч. Кондером (*Charles Edward Conder*, 1868–1909) веер цвета красной розы: “Now and then she would hold up a rose-red fan, painted by Conder, slantwise across the night: it pleased her to watch whole planets gleam between the fragile sticks; she had a capacity for dreams” [ibid.: 272]. Рисунок на веере характеризуется словосочетанием “slantwise across the night” — рассечение (букв. наискосок) ночи. Между пластинками на экране веера мерцают планеты (“planets gleam”), которые уводят принцессу в мир мечты и воображения, как и героя Бердсли — Тангейзера.

Кондер и Бердсли не только одновременно жили в г. Дьеппе, где собирались художники, писатели и богема конца 1890-х, но и, вероятно, познакомились именно там. Оба она «были сильно увлечены искусством и нравами Франции XVIII в.»: творчество Бердсли повлияло на Кондера, который «был заинтригован замысловатостью и роскошью работы, скрытым смыслом некоторых рисунков» [Galbally 2022: 130–131]. Тематикой искусства Кондера, как и Бердсли, стали «галантные сцены, пасторали, парковые прогулки» XVIII в. [Вязова 2009: 159]. Кондер общался и с Д. С. Макколом (*Douglas Sutherland MacColl*, 1896–1903) [Shaw 2019], которому С. Дягилев заказал статью о Бердсли для журнала «Мир искусства» (напечатана в № 7–10 за 1900 г.) [Бочкарева, Табункина 2010: 113].

Кинематографическая иллюстрация веера с изображением планет представлена французским режиссером, основоположником игрового направления мирового кинематографа Ж. Мельесом (*Maries-Georges-Jean Méliès*, 1861–1938) в короткометражном немом фильме «Чудесный живой веер» (“Le Merveilleux éventail vivant”, Франция, 1904). Действие картины начинается на

фоне ландшафта регулярного парка, вероятно, Версаля. Короллю вносят коробку с гигантским веером, которая раскрывается сначала сама, а затем раскрывается находящийся в ней веер. На лопастях веера представлены дамы, одетые в наряды разных эпох и культур (Средневековье, Восток, римская Античность). Вскоре очертания лопастей пропадают, семь героинь становятся планетами, а штифт – полусферой. Звезды на полусфере создают атмосферу Вселенной.

М. Кузмин интересовался оккультизмом, положением планет, составлением гороскопов. В финальном стихотворении его цикла «Северный веер» упоминается «подземных звезд закон» и объединяются представители четырех стихий и сторон света на экране веера:

Раскройся, веер, плавно вей,
Пусти все планки в ход.
Животные земли, огней,
И воздуха, и вод.

Стихий четыре: север, юг,
И запад, и восток.
[Кузмин 1990: 302]

Исследователи отмечают в «Северном веере» слова из семантического поля кино и «мистический эффект», который основан на «изменении условий световой проекции» в сочетании с биографическими подробностями жизни поэта: «зажженный при свете дня фонарь и включенный “на улице” кинопроектор»; ландшафт на Надеждинской улице «как пространство с подчеркнутой глубинной перспективой» и «“кинематографичное” удаление» по улице [Ратгауз]. Вращение стихий на планках веера напоминает кружение планет в фильме Мельеса [Табункина 2013: 78–84].

В цикл «Северный веер» входят семь стихотворений. Каждым стихотворением цикл раскрывается, как веер. Причем слово «веер» появляется только в последнем, седьмом, стихотворении: «Раскройся, веер, плавно вей, / Пусти все планки в ход». В первом стихотворении цикла веер описан через материал (слоновая кость, страусовые перья, лак), составляющие детали (дощечки, планки), рисунок на экране (лес, лед, лебедь и т. д.), способ применения (Сомни – не вей!):

Слоновой кости страус поет:
– Оледенелая Фелица! –
И лак, и лес, Виндзорский лед,
Китайский лебедь Бердсли снится.
Дощечек семь. Сомни, не вей!
Не иней – букв совокupление!
На пчельниках льняных полей
Голубоватое рождение.

Эти детали и материалы – только внешний фон для символического содержания стихотворения, обозначенного прямой речью (страус поет), импрессионистической цепочкой перечислений (лак, лес, лед). Каждая строчка стихотворения и далее каждое стихотворение из цикла символически мыслится не только как створка веера с определенным сюжетом-рисунком, но и как ситуация из жизни лирического героя. Декоративный предмет связан с человеком, миром, природой и придает жизни театральность, мифологичность. Такой «мифологизированной и театрализованной фигурой» становится ближайший друг Кузмина – Юрий Юркун [Шаталов 1996: 62], внешне похожий на Бердсли. Прямая отсылка к нему содержится в первом стихотворении цикла («Китайский лебедь Бердсли снится»), посвященного Юркуну.

Веер в стихотворениях цикла выступает как экфрастический объект и произведение искусства, которое вбирает в себя множество явных и скрытых реминисценций к творчеству Бердсли. Связь Бердсли с фигурой Кузмина прослеживается и через рисовальщика вееров Кондера, который, как и Бердсли, «сыграл существенную роль в сложении стиля Сомова» [Вязова 2009: 161]. К. Сомов показывал Кузмину рисунки XVIII в., «издания Beardsley» [Кузмин 2000: 236]. В одном из писем Кузмин перечисляет Сомова и Бердсли как любимых художников: «В живописи люблю старые миньятюры, Боттичелли, Бердслей, живопись XVIII в., прежде всего Клингера и Тома (но не Беклина и Штука), люблю Сомова и частью Бенуа, частью Феофилактова» (письмо В. В. Руслову от 8–9 декабря 1907 г.) [Кузмин 1992: 147].

Выводы

Проблема соотношения искусства и природы в произведениях О. Бердсли, Р. Фирбенка, М. Кузмина рассматривается через призму культуры в экфрастическом представлении пейзажа как изображения на театральном занавесе, восточной шали, фарфоровом блюде, шелковом экране веера. Фирбенк и Кузмин представляли разные национальные культуры, но оба следовали эстетической традиции Бердсли, модернистски продолжали его творческую манеру, члени реальность, изменяя материю так, что мир представлял не фиксированным и находился в состоянии становления.

У Бердсли описание озера с лягушками как рисунка на театральном занавесе обусловлено восприятием субъекта, отражая его желания и страхи, что подчеркивает романтическую традицию декаданса. Игра разными точками зрения,

парадоксальный ракурс видения создают экфрасис дворцового ансамбля у Фирбенка. «Обманчивая ширь» пейзажа «сужается» до изображения на фарфоровой чашке, блюде или шелковом экране веера. В отличие от Бердсли и Фирбенка, у Кузмина название экфрастического стихотворения сразу указывает на чайное блюдечко, а экфрастичность описания обуславливает жанровую целостность произведения.

В романе Фирбенка створки веера, расписанного Ч. Кондером, в руках у принцессы пересекают ночное небо с мерцающими планетами, уводящими в мир мечты и воображения. Веер указывает на традицию Бердсли, чьими рисунками восхищался Кондер. Прямой ссылкой на Бердсли открывается цикл Кузмина «Северный веер», посвященный Ю. Юркуну. Каждое стихотворение – как створка веера, но если в первом упоминаются только материал и детали, то в последнем дается описание движения створок веера как четырех стихий и четырех сторон света, напоминающих фильм Ж. Мельеса «Чудесный живой веер». Превращение веера в этом фильме заканчивается вращением планет на звездном небе, как на веере у Фирбенка. Таким образом, экфрасис в произведениях Фирбенка и Кузмина, эстетически восходящий к Бердсли, отличается сменой точек зрения, обращением к кинематографу и реалиям XX в.

Примечание

¹ Статья написана на основе доклада на Международной научно-практической конференции «Компаративные филологические исследования в эпоху глобализации» (Конвент УГИ – 2022) в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина 18–20 апреля 2022 г.

Список литературы

Багно В. Е., Сухарев С. Л. Михаил Кузмин – переводчик // XX век. Двадцатые годы: Из истории международных связей русской литературы: сб. ст. СПб.: Наука, 2006. С. 147–183. URL: <https://proza.ru/2010/03/28/862> (дата обращения: 23.05.2011).

Бердслей О. Избранные рисунки. Венера и Тангейзер. Застольная болтовня. Письма / пер. М. Ликиардопуло. Стихи / пер. М. Кузмина; Росс Р. Обри Бердслей: монография; Симонс А. О. Бердслей / пер. М. Ликиардопуло. Статьи о творчестве художника. Иконография. Библиография. Примечания. М.: Скорпион, 1912. 199 с.

Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. URL: <https://royal->

lib.com/book/bogomolov_nikolay/russkaya_literatura_pervoy_treti_xx_veka.html (дата обращения: 31.01.2022).

Бочкарева Н. С., Табункина И. А. Живописный тезаурус Обри Бердсли и Сергея Дягилева // С. П. Дягилев и современная культура: материалы междунар. симп. «VIII Дягилевские чтения» (Пермь, 15–18 мая 2009 г.). Пермь, 2010. С. 108–122.

Бочкарева Н. С., Табункина И. А. Реминисценция О. Бердсли в экфрастическом цикле М. Кузмина «Северный веер» // Экфрастические жанры в классической и современной литературе: кол. монография / под общ. ред. Н. С. Бочкаревой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. С. 74–93.

Вязова Е. Гипноз англомании. Англия и «английское» в русской культуре рубежа XIX–XX веков. М.: НЛЮ, 2009. 576 с.

Кузмин М. А. Дневник 1905–1907 / предисл., подгот. текста и ком. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 608 с.

Кузмин М. А. Дневник 1908–1915 / подгот. текста и ком. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 864 с.

Кузмин М. А. Дневник 1934 года / под ред., со вступ. ст. и прим. Глеба Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 413 с.

Кузмин М. А. Избранные произведения / сост., подгот. текста, вступ. ст., ком. А. В. Лаврова, Р. Д. Тименчика. Л.: Худож. лит., 1990. 576 с.

Кузмин М. А. Собрание стихов = Gesammelte Gedichte; herausgegeben eingeleitet und kommentiert von John E. Malmstad und Vladimir Markov. München: Wilhelm Fink, 1977–1978. (Центрифуга = Centrifuga: Russian reprintings and printings; Vol. 12). Vol. 3: Несобранное и неопубликованное. Приложения. Примечания. Статьи о Кузмине = Verstreut erschienene sowie neu gedruckte Gedichte. Anhang, Kommentar, Artikel über Kuzmin. 1977. 761 с.

Кузмин М. А. Стихотворения. Письма В. В. Руслову // НЛЮ. 1992. № 1. С. 137–151.

Марков В. Ф. О свободе в поэзии: статьи, эссе, разное. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. 368 с.

Невзглядова Е. «Дух мелочей, прелестных и воздушных» // Аврора. 1988. № 1. С. 111–120.

Новокрещенных И. А. Интерпретация образа Саломеи Рональдом Фирбенком // Мировая литература в контексте культуры. 2022а. Вып. 15(21). С. 118–126. doi 10.17072/2304-909X-2022-15-118-126

Новокрещенных И. А. «Искусственная принцесса» Рональда Фирбенка как стилизация «Под Холмом» Обри Бердсли // Практики и интерпре-

тации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022б. Т. 7, № 4. С. 83–105. doi 10.18522/2415-8852-2022-4-83-105

Ратгауз М. Г. Кузмин – кинозритель // Киноведческие записки. 1992. № 13. С. 52–82. URL: <http://svasiliev2007.narod.ru/business.html> (дата обращения: 22.01.2023).

Табункина И. А. Литературные связи М. А. Кузмина с английской культурой в стихотворении «Слоновой кости страус поет...» (1925) // Мировая литература в контексте культуры. 2013. Вып. 2(8). С. 78–84.

Табункина И. А. Рецепция Обри Бердсли в стихотворении М. Кузмина «Приглашение» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2(18). С. 121–130.

Табункина И. А. «Три музыканта» О. Бердсли и «Тени косыми углами...» М. А. Кузмина: сопоставительный анализ стихотворений // Мировая литература в контексте культуры. 2012а. Вып. 1(7). С. 210–220.

Табункина И. А. Стихотворение М. Кузмина «Fides Apostolika» (1921) в контексте литературного и графического наследия Обри Бердсли // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013а. Вып. 3(23). С. 120–129.

Табункина И. А. «The Ballad of a Barber» О. Бердсли и «Баллада о цирюльнике» М. Кузмина: сравнительный анализ // Зарубежная литература: проблемы изучения и преподавания: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5 / под ред. О. Ю. Полякова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012б. С. 99–106.

Тырышкина Е. В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2002. 151 с.

Фирбенкуана // Фирбенк Р. Искусственная Принцесса / пер. В. Купермана. Тверь: Kolonna Publications, Митин журнал, 2004. С. 164–197.

Храповицкая Г. Н., Коровин А. В. История зарубежной литературы: Западноевропейский и американский романтизм. М.: Флинта: Наука, 2002. 408 с.

Цивьян Т. В. К анализу цикла Кузмина «Фузий в блюдецке» // Михаил Кузмин и русская культура XX века: тез. и материалы конф. (15–17 мая 1990 г. Л.: Совет по истории мировой культуры АН СССР, Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, 1990. С. 43–46.

Шаталов А. Предмет влюбленных междометий. Ю. Юркун и М. Кузмин – к истории литературных отношений // Вопросы литературы. 1996. № 6. С. 58–109.

Beardsley A. Under the Hill // Wilde O. / Beardsley A. Salome / Under the Hill. L.: Creation Books, 1996. P. 65–123.

Edwards R. D. Ronald Firbank and the legacy of camp modernism. PhD thesis, Birkbeck, University of London. 2021. URL: <https://eprints.bbk.ac.uk/id/eprint/47553> (дата обращения: 01.08.2022).

Firbank R. The Artificial Princess // Firbank R. Five Novels / With an introd. by Osbert Sitwell. New York, 1981. P. 241–287.

Galbally A. Charles Conder: The Last Bohemian. Carlton South, Vic.: Miegunyah Press: Melbourne University Press, 2002. XVI. 311 p.

Raby P. Aubrey Beardsley and the Nineties. L.: London Houser, Great Eastern Wharf Parkgate Road, 1998. 117 p.

Severi R. Tecnica narrativa e tradizione letteraria in “The Artificial Princess” di Ronald Firbank // Severi R. Oscar Wilde & Company. Sinestesie Fin de Sècle. Bologna, Patron, 2001. P. 55–66.

Shaw S. “Conder, Charles,” Y90s Biographies, 2013 // Yellow Nineties 2.0 / ed. by Lorraine Janzen Kooistra. Ryerson University Centre for Digital Humanities, 2019. URL: https://1890s.ca/conder_bio/ (дата обращения: 03.02.2023).

Weintraub S. Beardsley. A biography. N.Y.: Braziller, 1967. 293 p.

References

Bagno V. E., Sukharev S. L. Mikhail Kuzmin – perevodchik [Mikhail Kuzmin, a translator]. XX vek. Dvadtsatye gody: Iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoy literatury [The 20th Century. The Twenties: From the History of International Relations of Russian Literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 147–183. Available at: <https://proza.ru/2010/03/28/862> (accessed 23 May 2011). (In Russ.)

Berdsley O. Izbrannye risunki. Venera i Tangeyzer. Zastol'naya boltovnya. Pis'ma. Stikhi; Ross R. Obri Berdsley; Simons A. O. Berdsley. Stat'i o tvorchestve khudozhnika. Ikonografiya. Bibliografiya. Primechaniya [Beardsley A. Selected Drawings. Venus and Tannhäuser. Table talk. Letters. Transl. by M. Likiardopulo. Poems. Transl. by M. Kuzmin; Ross R. Aubrey Beardsley: a monograph; Simons A. A. Beardsley: a monograph. Trans. by Likiardopulo. Articles about the artist's works. Iconography. Bibliography. Notes. Moscow, Scorpion Publ., 1912. 199 p. (In Russ.)

Bogomolov N. A. Russkaya literatura pervoy treti XX veka. Portrety. Problemy. Razyskaniya [Russian Literature of the First Third of the 20th Century. Portraits. Problems. Searches]. Tomsk, Vodoley Publ., 1999. Available at: https://royal-lib.com/book/bogomolov_nikolay/russkaya_literatu

ra_pervoy_treti_xx_veka.html (accessed 31 Jan 2022). (In Russ.)

Bochkareva N. S., Tabunkina I. A. Zhivopisnyy tezaurus Obri Berdsli i Sergeya Dyagileva [Pictur-
esque thesaurus of Aubrey Beardsley and Sergei
Diaghilev]. *S. P. Dyagilev i sovremennaya kul'tura: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma 'VIII Dyagilevskie chteniya' (Perm', 15–18 maya 2009 goda)* [S. P. Diaghilev and Modern Culture: Proceedings of International Symposium 'VIII Diaghilev Readings' (Perm, May 15–18, 2009)]. Perm, 2010, pp. 108–122. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Tabunkina I. A. Reministsen-
tsiya O. Berdsli v ekfrasticheskom tsikle M. Kuzmi-
na 'Severnnyy veer' [The Reminiscence of A. Beard-
sley in M. Kuzmin's ekphrastic cycle 'The Northern
Fan']. *Ekfrasticheskie zhanry v klassicheskoy i sov-
remennoy literature* [Ekphrastic Genres in Classical
and Modern Literature: a Collective Monograph].
Ed. by N. S. Bochkareva. Perm, Perm State Univer-
sity Press, 2014, pp. 74–93. (In Russ.)

Vyazova E. *Gipnoz anglomanii. Angliya i 'an-
gliyskoe' v russkoy kul'ture rubezha XIX–XX vekov*
[The Hypnosis of Anglomania. England and 'Eng-
lish' In Russian Culture at the Turn of the 19th–
20th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe oboz-
renie Publ., 2009. 576 p. (In Russ.)

Kuzmin M. A. *Dnevnik 1905–1907* [Diary
1905–1907]. Foreword, text prep. and comm. by
N. A. Bogomolov and S. V. Shumikhin. St. Peters-
burg, Ivan Limbakh Publishing House, 2000. 608 p.
(In Russ.)

Kuzmin M. A. *Dnevnik 1908–1915* [Diary 1908–
1915]. Text prep. and comm. by N. A. Bogomolov
and S. V. Shumikhin. St. Petersburg, Ivan Limbakh
Publishing House, 2009. 864 p. (In Russ.)

Kuzmin M. A. *Dnevnik 1934 goda* [Diary of
1934]. Ed., introd. art. and notes by Gleb Morev. St.
Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 2011.
413 p. (In Russ.)

Kuzmin M. A. *Izbrannye proizvedeniya* [Select-
ed Works]. Comp., text prep., introd. art., comm.
by A. V. Lavrov, R. D. Timenchik. Leningrad,
Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 576 p.
(In Russ.)

Kuzmin M. A. *Sobranie stikhov* [Collected Poet-
ry] = *Gesammelte Gedichte*; herausgegeben einge-
leitet und kommentiert von John E. Malmstad und
Vladimir Markov. München, Wilhelm Fink, 1977–
1978. (Tsentrifuga = Centrifuga: Russian reprints
and printings; Vol. 12). Vol. 3: Nesobrannoe i ne-
opublikovannoe. Prilozheniya. Primechaniya. Stat'i
o Kuzmine [Uncollected and unpublished. Applica-
tions. Notes. Articles about Kuzmin] = *Verstreut
erschienene sowie neu gedruckte Gedichte. Anhang,*

Kommentar, Artikel über Kuzmin. 1977. 761 p.
(In Russ.)

Kuzmin M. A. Stikhotvoreniya. Pis'ma V. V. Rus-
lovu [Poems. Letters to V. V. Ruslov]. *Novoe litera-
turnoe obozrenie* [New Literary Observer], 1992,
issue 1, pp. 137–151. (In Russ.)

Markov V. F. *O svobode v poezii: stat'i, esse,
raznoe* [On Freedom in Poetry: Articles, Essays,
Miscellaneous]. St. Petersburg, Chernyshev Publ.,
1994. 368 p. (In Russ.)

Nevzglyadova E. 'Dukh melochey, prelestnykh i
vozdushnykh' ['The spirit of small things, charming
and airy']. *Avrora* [Aurora], 1988, issue 1, pp. 111–
120. (In Russ.)

Novokreshchennykh I. A. Interpretatsiya obraza
Salomei Ronal'dom Firbenkom [Interpretation of
the image of Salome by Ronald Firbank]. *Mirovaya
literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in
the Context of Culture], 2022, issue 15(21),
pp. 118–126. doi 10.17072/2304-909X-2022-15-
118-126. (In Russ.)

Novokreshchennykh I. A. 'Iskusstvennaya prin-
tessa' Ronal'da Firbenka kak stilizatsiya 'Pod
Kholmom' Obri Berdsli ['Artificial Princess' by
Ronald Firbank as a stylization 'Under the Hill' by
Aubrey Beardsley]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal
filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh is-
sledovaniy* [Practices & Interpretations: A Journal of
Philology, Teaching and Cultural Studies], 2022b,
vol. 7, issue 4, pp. 83–105. doi 10.18522/2415-8852-
2022-4-83-105. (In Russ.)

Ratgauz M. G. Kuzmin – kinozritel' [Kuzmin, a
moviegoer]. *Kinovedcheskie zapiski* [Film Studies
Notes], 1992, issue 13, pp. 52–82. Available at:
<http://svasiliev2007.narod.ru/business.html> (acces-
sed 22 Jan 2023). (In Russ.)

Tabunkina I. A. Literaturnye svyazi M. A. Kuz-
mina s angliyskoy kul'turoy v stikhotvorenii 'Slono-
voy kosti straus poet...' (1925) [The literary links of
M. Kuzmin with English culture in the poem 'Os-
trich ivory sings...' (1925)]. *Mirovaya literatura v
kontekste kul'tury* [World Literature in the Context
of Culture], 2013, issue 2 (8), pp. 78–84. (In Russ.)

Tabunkina I. A. Retseptsiya Obri Berdsli v sti-
khotvorenii M. Kuzmina 'Priglasenie' [Reception
of A. Beardsley in the poem 'Invitation' by M. Kuz-
min]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i
zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald.
Russian and Foreign Philology], 2012, issue 2(18),
pp. 121–130. (In Russ.)

Tabunkina I. A. 'Tri muzykanta' O. Berdsli i 'Te-
ni kosymi uglami...' M. A. Kuzmina: sopostavi-
tel'nyy analiz stikhotvoreniy [Poems 'The Three
Musicians' by A. Beardsley and 'Shadows of Obli-
que Angles...' by M. Kuzmin: comparative analysis].

Mirovaya literatura v kontekste kul'tury [World Literature in the Context of Culture], 2012a, issue 1(7), pp. 210–220. (In Russ.)

Tabunkina I. A. Stikhotvorenie M. Kuzmina 'Fides Apostolika' (1921) v kontekste literaturnogo i graficheskogo naslediya Obri Berdsli [The analysis of the poem 'Fides Apostolika' (1921) by M. Kuzmin in the context of graphic and literary heritage of Aubrey Beardsley]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013a, issue 3 (23), pp. 120–129. (In Russ.)

Tabunkina I. A. 'The Ballad of a Barber' O. Berdsli i 'Ballada o tsiryul'nike' M. Kuzmina: sravnitel'nyy analiz ['The Ballad of a Barber' by A. Beardsley and 'The Ballad of a Barber' by M. Kuzmin: a comparative analysis]. *Zarubezhnaya literatura: problemy izucheniya i prepodavaniya* [Foreign Literature: Problems of Study and Teaching: a Interuniversity Collection of Scientific Papers. Issue 5]. Kirov, Vyatka State University of Humanities Press, 2012b, pp. 99–106. (In Russ.)

Tyryshkina E. V. Russkaya literatura 1890-kh – nachala 1920-kh godov: ot dekadansa k avangardu [Russian Literature of the 1890s – Early 1920s: from Decadence to Avant-Garde]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Press, 2002. 151 p. (In Russ.)

Firbenkiana. In: Firbenk R. *Iskusstvennaya Princesa* [Firbenk R. The Artificial Princess]. Transl. by V. Kuperman. Tver, Kolonna Publications, Mitin zhurnal Publ., 2004, pp. 164–197. (In Russ.)

Khrapovitskaya G. N., Korovin A. V. *Istoriya zarubezhnoy literatury: Zapadnoevropeyskiy i amerikanskiy romantizm* [History of Foreign Literature: Western European and American Romanticism]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2002. 408 p. (In Russ.)

Tsiv'yan T. V. K analizu tsikla Kuzmina 'Fuziy v blyudechke' [To the analysis of Kuzmin's cycle 'Fuji in a saucer']. *Mikhail Kuzmin i russkaya kul'tura XX veka: tezisy i materialy konferentsii 15–*

17 maya 1990 g. [Mikhail Kuzmin and Russian Culture of the 20th Century: Abstracts and Proceedings of the Conference of May 15–17, 1990]. Leningrad, Scientific Council on the History of World Culture of the Academy of Sciences of the USSR, The Anna Akhmatova Museum in the Fountain House Publ., 1990, pp. 43–46. (In Russ.)

Shatalov A. Predmet vlyublennykh mezhdometi. Yu. Yurkun i M. Kuzmin – k istorii literaturnykh otnosheniy [The subject of interjections in love. Yu. Yurkun and M. Kuzmin – to the history of literary relations]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 1996, issue 6, pp. 58–109. (In Russ.)

Beardsley A. Under the Hill. In: Wilde O. / Beardsley A. *Salome/Under the Hill*. London, Creation Books, 1996, pp. 65–123. (In Eng.)

Edwards R. D. *Ronald Firbank and the Legacy of Camp Modernism*. PhD thesis, Birkbeck, University of London, 2021. Available at: <https://eprints.bbk.ac.uk/id/eprint/47553> (accessed 01 Aug 2022). (In Eng.)

Firbank R. The Artificial Princess. In: Firbank R. *Five Novels*. With an introd. by Osbert Sitwell. New York, 1981, pp. 241–287. (In Eng.)

Galbally A. *Charles Conder: The Last Bohemian*. Carlton South, Vic., Miegunyah Press, Melbourne University Press, 2002, xvi, 311 p. (In Eng.)

Raby P. *Aubrey Beardsley and the Nineties*. London, London Houser, Great Eastern Wharf Parkgate Road, 1998. 117 p. (In Eng.)

Severi R. Tecnica narrativa e tradizione letteraria in 'The Artificial Princess' di Ronald Firbank. In: Severi R. *Oscar Wilde & Company. Sinestesie Fin de Sècle*. Bologna, Patron, 2001, pp. 55–66. (In Ital.)

Shaw S. 'Conder, Charles,' Y90s Biographies, 2013. *Yellow Nineties 2.0*. Ed. by Lorraine Janzen Kooistra. Ryerson University Centre for Digital Humanities, 2019. Available at: https://1890s.ca/conder_bio/. (accessed 03 Feb 2023). (In Eng.)

Weintraub S. *Beardsley. A Biography*. New York, Braziller, 1967. 293 p. (In Eng.)

Landscape on a Theater Curtain, Tea Saucer and Hand Fan Screen: Ekphrasis in the Works of Aubrey Beardsley, Ronald Firbank, Mikhail Kuzmin

Irina A. Novokreshchennykh

Associate Professor in the Department of World Literature and Culture

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. ira-tabunkina@mail.ru

SPIN-code: 6165-6981

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0877-4823>

ResearcherID: P-1752-2016

Submitted 26 Dec 2022

Revised 22 Mar 2023

Accepted 28 Mar 2023

For citation

Novokreshchennykh I. A. Peyzazh na teatral'nom zanavese, chaynom blyudtse i ekrane veera: ekfrasis v proizvedeniyakh O. Berdsla, R. Firbanka, M. Kuzmina [Landscape on a Theater Curtain, Tea Saucer and Hand Fan Screen: Ekphrasis in the Works of Aubrey Beardsley, Ronald Firbank, Mikhail Kuzmin]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 103–113. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-103-113 (In Russ.)

Abstract. The article studies the influence of Aubrey Beardsley on the English prose writer Ronald Firbank and Russian poet Mikhail Kuzmin, both of whom worked at the beginning of the 20th century. The analysis of literary works in the article is based on comparative-historical and aesthetic-poetological approaches. The ekphrasis of the palace in Firbank's novel *The Artificial Princess* is shown to have intermedial connections with A. Beardsley's novel *Under the Hill, or the Story of Venus and Tannhäuser* and with M. Kuzmin's poems *Fuji in a Saucer* and *The Northern Fan*. Comparative analysis leads to the conclusion that the relationships between nature and art in the works of Beardsley, Firbank, and Kuzmin are viewed through the prism of culture. In Beardsley's novel, the landscape of a lake with frogs is created in the hero's imagination and reflects his desires and fears, which emphasizes the romantic genesis of decadence. The description ends with the assumption that the lake does not really exist, but is only painted on a theater curtain. Firbank presents the ekphrasis of the palace park from different points of view. Reality is transformed not so much by the subjectivity of vision as by its paradoxical perspective. The 'deceptive expanse' of the landscape, narrowing, is compared with the image on a porcelain cup or saucer, or on the silken panel of a fan – 'so much... in so little'. In Kuzmin's ekphrastic poem *Fuji in a Saucer*, the landscape simultaneously narrows and expands, demonstrating the unity of nature and art. Unlike the landscape descriptions by Beardsley and Firbank, Kuzmin's poem immediately indicates the ekphrastic nature of the description, which determines its genre integrity.

In Firbank's novel, the leaves of the fan in the hands of the princess cross the night sky with twinkling planets leading into the world of dreams and imagination. A direct reference to Charles Conder indirectly points to the tradition of Beardsley, whose drawings the creator of the fan admired and imitated. Kuzmin's poetic cycle *The Northern Fan* opens with a direct reference to Beardsley, whom Kuzmin compared with his friend Yu. Yurkun (the cycle is dedicated to him). Each poem is like a leaf of a fan, but while the first poem mentions only the material and details, the last one describes the movement of the fan leaves as four elements and four cardinal points, reminiscent of the film by J. Méliès *The Wonderful Living Fan*. The transformation of the fan in this film ends with the rotation of the planets in the starry sky, as on Firbank's fan. Thus, ekphrasis in the works of Firbank and Kuzmin, aesthetically ascending to Beardsley, is distinguished by a change of points of view, by allusions to cinematographic images and the realities of the 20th century.

Key words: ekphrasis; art and nature; English literature; Russian literature; Beardsley; Firbank; Kuzmin; decadence; modernism.

UDC 821.111(09)
doi 10.17072/2073-6681-2023-2-114-120

Reasons for Semantic Extension in the Meaning of Artistic Symbols

Elena V. Orlova

Lecturer

Novosibirsk State Technical University

20, prospekt Karla Marksa, Novosibirsk, 630073, Russian Federation. eagleo0408@mail.ru

SPIN-code: 7587-0600

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2869-9688>

Submitted 07 May 2022

Revised 27 Sep 2022

Accepted 21 Jan 2023

For citation

Orlova E. V. Reasons for Semantic Extension in the Meaning of Artistic Symbols. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 114–120. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-114-120 (In Eng.)

Abstract. This article examines the process of change in the meaning of artistic symbols in the novels by J. R. Fowles, whose books are filled with deep philosophical content, which is considered to be one of the main components of any symbol. The paper analyzes excerpts from the writer's novels *A Maggot*, *The Magus*, *The Tree*, *The Aristos*, as well as the author's diaries. The problem of studying an artistic symbol lies in its changeability: a symbol as a unit of culture transmits its basic meanings from generation to generation, but at the same time it can acquire other new meanings during the development of society and culture. In addition, new meanings of a symbol can be found in works of different authors. The purpose of this study is to identify the reasons for the occurrence of these meanings. The main research methods included a definition analysis of the artistic symbol in special dictionaries, contextual analysis, and methods of interpretation. Basing on the literature review, the author of the article formulates the following definition: an artistic symbol is a conventional figurative-semiotic object of language and culture (unconsciously or consciously) included by the author in a figurative text in which the symbol actualizes one or some interpretations that reduce the denotative meaning of the word and expand the semantic boundaries of the lexeme. The study reveals that cultural-historical and pragmatic factors influenced the change in the meanings of different artistic symbols in the works of Fowles. It was also found that pragmatic factors brought more changes than cultural-historical factors. This phenomenon is explained by the fact that a person's personal experience of interaction with an object-symbol can be diverse and generate new meanings. However, such meanings of a symbol may not be fixed in the language in contrast to the meanings caused by changes in society. This study is novel in that it explores the process of formation of new meanings in an artistic symbol.

Key words: artistic symbol; figurative text; pragmatic factors; stylistic devices; a meaning change.

Introduction

The idea of a literary text reflects the worldview of a writer who creates their own model of reality based on events that are significant to them. The understanding of the author's message can be provided to a certain extent using the knowledge of a writer's biographical facts. The author's worldview can be reflected in their literary text in the form of author's digressions and comments, as well as indirectly through the figurative pictures of descriptions, artis-

tic comparisons and other rhetorical techniques. One of the forms of the writer's representation of the world is an artistic symbol because it has an ability to reflect man's worldview. As a unit of the cultural field in the society, a symbol embodies an idea which is significant for culture, for example, a "tree" can act as a symbol of eternal life. The main symbolic forms associated with the tree are manifested in the image of the World Tree (realizing the universal concept of the world) and its variants like the Tree

of Life and the Tree of Knowledge [Encyclopedia of Signs and Symbols]. In this case, the basis for the symbol is the culture view. An artistic symbol in a literary work manifests itself as an object of a literary text, which contains a complex idea important for understanding the author's message [LES 1987: 567–570]. The most important object for the present study is an artistic symbol formed by the author's inclusion of a fixed cultural unit in a figurative text in which the author reveals a conventional interpretation or embodies their ideological worldview. In this article we have chosen the works by John Fowles as the material for our research, because this writer's prose is characterized with the saturation of philosophical content, rich imagery, a combination of fictional and real. In addition, it was originally intended to identify the role of pragmatic information about the author in the formation of other meanings in an artistic symbol which implied the analysis of works and biography of a particular author. Moreover, within the framework of books by one author it became possible to find recurrent symbols (used in two or more works) and their interpretations.

Hypothesis

The meanings of symbols can be changed and this process is influenced by 2 factors: cultural-historical and pragmatic. The first factor includes various historic events related to the word representing the artistic symbol. For example, in ancient times the white dove was considered a symbol of fertility, but after the end of the Flood, according to the legend, it was the bird that brought Noah an olive branch as good news, so the white dove became a symbol of peace and hope [Langacker]. The second factor includes subjective reasons for the formation of other symbol meanings. So, each of us has some individual associations with an object to which we attach abstract content, so in their texts the writers can symbolize a new object or add new meanings to the usual symbols fixed in culture.

It is assumed that the formation of a new meaning in a word and an artistic symbol is more facilitated by pragmatic factors that include a person's knowledge, their status and belonging to a certain culture.

Methodology

The methodology of the analysis of the actual language material includes a set of generally accepted techniques and procedures for the linguistic description of language units:

- 1) definition analysis that includes using of explanatory dictionaries and special dictionaries;
- 2) contextual analysis that determines relevant factors of actualization symbolic meaning;

- 3) methods of interpretation.

The combination of the methods and types of word analysis contributed to the comprehensive consideration of the artistic symbol not only in a certain context, but also in the entire work of the writer.

Interpretation of an artistic symbol is based on the comparison of data from special dictionaries of symbols (for example, Kerlot H. "Dictionary of Symbols"; Tressider J. "Dictionary of Symbols") and comparison of data from explanatory dictionaries.

Theoretical framework

An artistic symbol can reveal the author's intention due to the presence of complex content and high expressiveness [Yang, Malt, Srinivasan 2017: 42–48]. Due to the complex nature and many properties of the symbol in culture, the artistic symbol also cannot be unambiguously defined. Having the ability to express a semantic load by means of a combination of concrete and abstract, an artistic symbol is understood as a spiritual-eidetic integrity, representing a certain reality and realized only in the process of aesthetic perception of a particular text by a specific recipient through their inner world. It includes a deep meaning that purposefully leads the recipient to a spiritual reality that does not exist explicitly in the text itself [Bychkov].

An artistic symbol contains a specific image and the signified content, connected by transferring the features of the object to the description. This connection is motivated and acts as the basis of symbolization, as well as a form of interaction between the symbolic meaning of the object and the meaningful component of the signified content [Shelestyuk 1997: 127–129].

Some scientists interpreted symbol through an image. For example, any symbol can be understood as a special image construction, an objective substantiality containing many meanings [Losev 1982: 443]. Indeed, the image can represent the basis for a symbol because development and transformation of meanings go beyond the literal meaning. However, the symbol has certain boundaries of interaction with its referent. The symbol has a more pronounced referent than the image, which is used for emotional impact on the reader. When an image is transformed into a symbol, the process of achieving the highest degree of generalization of meaning and expression of an abstract idea takes place. The symbol and the image differ in that the image is equal to itself, and the symbol expands the boundary of the image [Arutyunova 1999: 314–316].

An artistic symbol appears in a figurative text on the basis of symbols existing in language and culture, being filled with new content and author's understanding, and also can be supplemented by the

reader's interpretation. In addition, an artistic symbol can belong to an individual author if a new concept that has appeared in society recently is symbolized in the text, as well as in the case when an already existing object acquires the status of a symbol for the first time in the context of the writer [Lotman 2000: 240–244].

The analysis of the definitions given above allows us to form the following definition: an artistic symbol is a conventional figurative-semiotic object of language and culture, (unconsciously or consciously) included by the writer in a figurative text in which the symbol actualizes one or more interpretations that reduce the denotative meaning of the word and expand the semantic boundaries of the lexeme. This interpretation of the artistic symbol emphasizes its belonging to the language, culture and text, and also explains its figurative essence, iconic character and the presence of a dominant interpretation. At the same time, an artistic symbol, on the one hand, is objective, because it reflects the objective worldview of culture, but, on the other hand, it can be subjective, since it is expressed through the view of an individual and can be amplified with subjective interpretations. An artistic symbol may have a conventional meaning fixed in the culture of society in the process of its historical and cultural use, and may also belong to the author's system of world representation and determine the nature of the author's idiosyncrasy [Makeeva, Tsilenko 1997: 143–150].

In the beginning we will consider the role of the cultural and pragmatic factors in the process of change in the meanings of artistic symbols. To illustrate this phenomenon, we are going to analyze the following example:

(1) "Conchis, perhaps; as wizard as owl. <...> and once again, as with the owl, I had an uncanny apprehension of a reality of witchcraft; Conchis's haunting, brooding omnipresence. <...> The owl called again, at monotonously regular intervals. I stared out into the darkness of the pines" [Fowles, *The Magus*].

In this example the process of linguistic melioration is presented, as a result of which the symbol "owl", which initially had a negative assessment, acquires a positive connotation. In the initial general cultural perception the owl as a symbol received interpretations of fear and witchcraft which were obtained as a result of a metaphorical reinterpretation of its large luminous eyes and dwelling in the darkness. In ancient times the owl became an attribute of Athena, the goddess of wisdom, knowledge, and military tactics, therefore, thanks to this affiliation, it began to be perceived as a symbol of wisdom [Tressider]. Both meanings are present in the novel

by J. R. Fowles, as the sounds of an owl create an atmosphere of fear which is expressed by the words "witchcraft" and "darkness", but at the same time there is a positive meaning conveyed with the word "wizard" which semantically correlates with words "wisdom" and "wise".

Now we are going to consider the role of the second, pragmatic, factor. The incentives for generating a new word or its meaning may include the intention and need of the addresser, as well as a possible motive is the attitude towards the addressee. For example, the speech addressed to a child often contains many words with diminutive suffixes that express a kind of tender attitude. The process of forming a new word or its new meaning is carried out as a result of the interaction of cognitive, semantic and pragmatic factors. At the same time, the latter factor determines the type of speech act, the attitude and intention of the addresser, therefore it is primary in the generation of a new word. Moreover, there is a cognitive process of categorizing the phenomenon of reality, as well as a search for a form for a cluster of semantic features, and as a result, a new lexeme and its additional meanings are formed. The formation of new variants for the already designated objects is based on the intention of expressiveness. With the further use of a new word or its meaning its conventionalization is carried out in the language of society [Zabotkina 2012: 118, 136–137].

Results

The pragmatic information presented by the addresser's background knowledge, their belonging to a certain culture, their age, gender, job and status in society is implicit and largely affects the formation of the symbol itself or new meanings of an existing symbol. Based on their own perception of the world, a person can put their own specific meaning into a symbol, the formation of which is influenced by their attitude to the object that verbalizes the symbol, as well as events related to this subject. It is necessary to take into account the emotions that arise from the creator of a new symbol or its new meaning, since they can affect the name of a new token or a new interpretation of an existing word. To identify the relationship between pragmatic information about the writer and the formation of the meanings of an artistic symbol we analyzed the biography of the writer (John Fowles), his description in the works of literary critics, his diaries and autobiographical works such as "The Tree" and "Aristos".

In the essay "The Tree" the writer implements in his digressions images of family, unity, a source of energy and an object of sacred veneration. These meanings can be considered as general interpreta-

tions of this symbol in many cultures. The writer's individuality is expressed in interpretation of the symbol "Tree" as a person:

(2) "They (trees) are all in some sense symbiotic, being together in a togetherness of beings <...> Far more than ourselves they are social creatures" [Fowles, *The Tree*].

The lexeme "trees" actualizes another meaning of belonging to the society with the help of the context which is supported by an epithet "symbiotic" and a metaphor "social creatures". This combination expresses the complexity of relations in nature and society and the comparison underlines its similarity. The presence of figurative content and high expressiveness of the artistic symbol contribute to the disclosure of the author's idea: a man and nature are a single whole, the essence of one system, and they should obey the same laws.

It was revealed that the formation of this meaning in the symbol (the use of the word "tree" in the interpretation of a person) is influenced by the writer's attitude to trees and the emotions that arise when he is surrounded by trees:

(3) "Slinking into trees was always slinking into heaven. <...> I cherish trees <...> But they were already more than trees, their names and habits and characters on an emotional parity with those of family" [ibid.].

In this example the author is using a comparison of trees with members of his family to personify the trees and underline their significance. The process of symbolizing the word "garden" is realized throughout the work in which the author presents it in such generally accepted meanings as general cultural images of refuge, paradise and the Garden of Eden, beauty and fertility:

(4) "...the private garden<...> his little sacred grove of fruit trees<...> his own beautifully disciplined apples and pears <...> the closed garden <...> his own garden of Eden <...> ...in that minute garden, a physical sanctuary, but a kind of poetic one, however banal the surroundings: a place he could control, that was different from all around it, not least in its huge annual yield of fruit" [ibid.].

The deviation from the generally accepted symbolism of the word "garden" occurs through its use in the meaning of "society" in the following example:

(5) "...there was also, I suspect, some religious element in my feeling towards woods and garden. <...> Their society in turn creates or supports other societies of plants, insects, birds, mammals, micro-organizations. <...> But all nature, like all humanity, is made of minor exceptions... <...> The two natures, private and public, human and non-human, cannot be divorced <...> our endless efforts to 'gar-

den' (to invent disciplining social and intellectual systems) <...> emblematic walled garden of civilization" [ibid.].

This meaning is formed due to the writer's respect for nature and its equating with the general system of society. Woods and gardens represent groups of plants and this co-existence correlates with people's interaction. Some essays written by Fowles ("Wormholes", "The Green Man") raise problems of saving nature and support ideas of being eco-friendly, so it proves the positive attitude of the author to the nature.

Another natural symbol that occupies a leading position in the writer's work is the "Island" which is the place of action in the novel by J. Fowles "The Magus". In J. Fowles's view the concept of "island", as in many cultures, also includes the meanings of refuge, reflection, escape from real problems, magic, search for opportunities for self-realization, and in some cases is presented as a place for the chosen [Tressider]. In addition, the island is described as the place of initiation for the main character of the novel. But, first of all, the symbol "Island" presents freedom:

(6) "There, was absolute solitude: there wasn't a single car on the island, there being no roads outside the village, and airplanes passed over not once a month – these things made me feel healthier than I had ever felt before. I began to get some sort of harmony between body and mind. <...> A blackbird, poor fool, singing out of season from the willows by the lake. A flight of gray pigeons over the houses. Fragments of freedom, an anagram made flesh." [Fowles, *The Magus*]

This example reflects the finale of the entire work: the passage of a series of trials on the island, a process of isolation on the island and parting with his beloved leads the main character to gain freedom and independence. The writer's choice of this artistic symbol is not accidental, since the main theme of his books is the theme of freedom which is presented as isolation from the outside world and self-knowledge. In addition, the theme of freedom also expresses the elimination of social restrictions and the challenge of changes within the individual.

It was found that the formation of this meaning (the island as a symbol of freedom) was influenced by the personal experience of the writer who worked as a teacher on the island of Specie in 1951–1952. In the name of the island ("Phraxos") there is a meaning of the turn of obstructions and deadlocks:

(7) "But my island of Phraxos (the 'fenced' island) was the real Greek island of Spetsai, where I taught in 1951 and 1952 at a private boarding-school – not, in those days, very like the one in the

book. It gave the most curious sense of timelessness and of incipient myth." [Fowles, *The Magus*].

The formation of the individual interpretation of the symbol "Island" as a place of initiation was greatly influenced by the writer's emotional state:

(8) "No correlative whatever of my fiction, beyond the above, took place on Spetsai during my stay. <...> This unresolved sense of a lack, a missed opportunity, led me to graft certain dilemmas of a private situation in England on the memory of the island and its solitudes, which became increasingly for me the lost Eden, the domaine sans nom of Alain-Fournier – even Bevis's farm, perhaps" [ibid.].

The semantic analysis of the word "island" allowed us to find different key semes: "deserted", "isolated", "peace", "calm" [Merriam-Webster's Dictionary]. The first two semes point to the meaning of solitude, the other two semes point to the sense of harmony. The meaning of freedom represents a combination of solitude and harmony which is achieved by feeling of freedom from society and its conventionalities. This example contains an allusion on the novel by Alain Fournier, "*Le Grand Meaulnes*", which tells us about the writer's memories of his childhood and youth, so this comparison points to the meaning of initiation which supposes a process of growth, self-development reached in special conditions.

Now we are going to analyze another symbol. The symbol "Star" also acts as a cultural symbol, having an interpretation different from conventional interpretation which occurred as a result of the pragmatic factor. In many cultures, the star symbolizes joy, happiness [Roshal 2008: 10–12], soul, ascent [Kerlot 1994: 206], energy of life, birth, constancy, superiority, leadership, protection [Tressider]. But in Fowles's book "*A Maggot*" this symbol has a negative connotation of indifference created contextually by the lexemes "mock, shake with laughter, matters not, care not, indifferent, scorn" which contradict the traditional meanings of protection and leadership:

(9) "She glances quickly out of the window. "Nothing but the stars. The sky is clear." "Do the beams of the brightest shake?" Again she looks. "Yes, sir." "Do you know why?" "No, sir." "I will tell you. They shake with laughter, Fanny, for they mock you. They have mocked you since your day of birth. They will mock you to your day of death. <...> It matters not to them whether you have faith in Christ or not. Whether Hell or Heaven awaits you, good fortune or bad, pain or bliss, to them it is equal. <...> They care not one whit what may become of you, <...> indifferent to all but its spectacle. You are nothing to them, Fanny. Shall I tell thee why they

scorn?" She is silent. "Because thou dost not scorn them back." [Fowles, *A Maggot*].

In this example, the star as a celestial body that performs the function of protection in culture correlates with God, therefore, to identify the emergence of the interpretation of indifference, one should turn to the religious worldview of the writer. This meaning, which contradicts the general cultural interpretation, may have arisen as a result of the atheistic views of the writer himself:

(10) "I reject Christianity, along with the other great religions. <...> we will do better to assume there is no God" [Fowles, *The Aristos*].

Thus, the personal experience of the writer and his attitude to different objects have a great influence on the formation of other meanings in an artistic symbol.

Discussion and conclusion

In conclusion it should be said that the artistic symbol acts as one of the means of verbalization of the writer's concept, reflecting their philosophical and aesthetic perception of the world. The cultural symbols used by the author in some cases were reinterpreted and individualized, so this process led to the formation of other meanings of symbols. Thus, the pragmatic information including the living conditions of a person, their emotions and attitude to various objects act as an incentive for the symbolization of the subject and the formation of new meanings of the symbol.

References

- Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. 2nd rev. ed. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 1999. 896 p. (In Russ.)
- Bychkov V. V. Simvolizatsiya v iskusstve kak esteticheskiy printsip [Symbolization in art as an aesthetic principle]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2012, issue 3, pp. 81–90. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=493 (In Russ.)
- Cirlot J. E. *Slovar' simvolov* [A Dictionary of Symbols]. Moscow, REFL-book Publ., 1994. 601 p. (In Russ.)
- Encyclopedia of Symbols and Signs. Available at: <http://www.znaki.chebnet.com/s10.php?id=617> (accessed 19 Jan 2021). (In Eng.)
- Fowles J. R. *A Maggot*. Available at: https://onlinereadfreenovel.com/john-fowles/280502-a_maggot_-_john_fowles_read.html (accessed 17 Jun 2021). (In Eng.)
- Fowles J. R. *The Aristos*. Available at: https://royallib.com/book/Fowles_John/the_aristos.html (accessed 11 Mar 2021). (In Eng.)

Fowles J. R. *Behind The Magus*. Available at: https://www.goodreads.com/book/show/1408923.Behind_the_Magus (accessed 12 February 2020). (In Eng.)

Fowles J. R. *Foreword to The Magus*. Available at: https://www.bookfrom.net/john-fowles/39002-the_magus.html (accessed 12 Apr 2020). (In Eng.)

Fowles J. R. *The Magus*. Available at: https://royal-lib.com/book/Fowles_John/The_Magus.html (accessed 05 Feb 2020). (In Eng.)

Fowles J. R. *The Tree*. Available at: <https://archive.org/details/tree00fowl/page/n1/mode/2up> (accessed 14 Aug 2021). (In Eng.)

Langacker R. W. *Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Available at: <http://www.degruyter.com/view/product/12191> (accessed 12 Nov 2020).

LES – *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987. 750 p. Available at: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/literature/index.htm> (accessed 12 Nov 2022). (In Russ.)

Losev A. F. *Znak. Simvol. Mif. Trudy po yazykoznaniyu* [Sign. Symbol. Myth. Works on Linguistics]. Moscow, Moscow University Press, 1982. 481 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Simvol v sisteme kul'tury* [Symbol in the system of culture]. *Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek – Tekst – Semiosfera – Istoriya* [Inside the Thinking Worlds: Man – Text – Semio-

sphere – History]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2000, pp. 239–250. (In Russ.)

Makeeva M. N., Tsilenko L. P. Okkazonal'nyy simvol kak smysloobrazuyushchaya edinita tekstopostroeniya [Occasional symbol as a meaningful unit of text organization]. *Slovo II. Sbornik nauchnykh rabot* [Word II. Collection of Scientific Papers]. Tambov, 1997, pp. 143–150. (In Russ.)

Merriam-Webster's Dictionary. Island. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/island> (accessed 09 Nov 2022).

Roshal M. V. *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of Symbols]. Moscow, St. Petersburg, AST Publ., Sova Publ., Harvest Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)

Shelestyuk E. V. O lingvisticheskom issledovanii simvola [On the linguistic study of the symbol (a survey of literature)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1997, issue 4, pp. 125–141. (In Russ.)

Tressider J. *Slovar' simvolov* [A Dictionary of Symbols]. Available at: http://modernlib.ru/books/tresidder_dzhek/ (accessed 04 Aug 2021). (In Russ.)

Xu Yang, Malt B. C., Srinivasan M. Evolution of word meanings through metaphorical mapping: Systematicity over the past millennium. *Cognitive Psychology*, 2017, vol. 96, pp. 41–53. <https://doi.org/10.1016/j.cogpsych.2017.05.005>. (In Eng.)

Zabotkina V. I. *Slovo i smysl* [A Word and Sense]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2012. 428 p. (In Russ.)

Причины семантического расширения слова-символа в художественном тексте

Елена Владимировна Орлова

преподаватель

Новосибирский государственный технический университет

630073, Россия, г. Новосибирск, просп. К. Маркса, 20. eagleo0408@mail.ru

SPIN-код: 7587-0600

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2869-9688>

Статья поступила в редакцию 07.05.2022

Одобрена после рецензирования 27.09.2022

Принята к публикации 21.01.2023

Информация для цитирования

Орлова Е. В. Причины семантического расширения слова-символа в художественном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 114–120. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-114-120

Аннотация. В статье рассматривается процесс изменения семантического поля значений художественных символов в романах Дж. Р. Фаулза, чьи произведения наполнены глубоким философским содержанием, одной из важных составляющих символа. Анализируются отрывки из таких произведений писателя, как «Куколка», «Волхв», «Дерево», «Аристос», а также дневники автора. Проблема изучения художественного символа состоит в том, что он, как единица культуры, передает свои основные значения из поколения в поколение, но в то же время может приобретать новые значения с развитием общества и культуры. Кроме этого, новые значения символа могут быть обнаружены в произведении того или иного автора. Целью данного исследования выступает выявление факторов возникновения таких значений. Основные методы работы включали анализ дефиниций художественного символа в специальных словарях, контекстуальный анализ и методы интерпретации. Обзор литературы позволил сформулировать следующее определение: художественный символ – это условный образно-семиотический объект языка и культуры, включенный автором (бессознательно или сознательно) в образный текст, в котором символ актуализирует одну или несколько интерпретаций, редуцирующих денотативное значение слова и расширяющих его семантические границы. В результате было выявлено, что именно культурно-исторические и прагматические факторы повлияли на изменение значений различных художественных символов. Обнаружено также, что прагматические факторы привели к более значительным изменениям, чем культурно-исторические факторы. Это явление объясняется тем, что личный опыт взаимодействия человека с предметом-символом может быть разнообразным и порождать новые смыслы. Однако такие значения символа могут не закрепляться в языке, в отличие от значений, полученных путем изменений в обществе. Данное исследование характеризуется научной новизной, поскольку в нем изучался процесс формирования новых смыслов в художественном символе.

Ключевые слова: художественный символ; художественный текст; прагматические факторы; стилистические приемы; изменение смысла.

УДК 821.111
doi 10.17072/2073-6681-2023-2-121-130

Женское лицо войны в прозе современных британских писательниц

Ольга Григорьевна Сидорова

д. филол. н., профессор кафедры германской филологии

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. ogs531@mail.ru

SPIN-код: 6646-7488

ORCID: <https://orcid.org/0000-002-2813-7514>

Статья поступила в редакцию 13.01.2023

Одобрена после рецензирования 17.02.2023

Принята к публикации 01.03.2023

Информация для цитирования

Сидорова О. Г. Женское лицо войны в прозе современных британских писательниц // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 121–130. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-121-130

Аннотация. Вклад женщин Великобритании в победу во Второй мировой войне был очень заметным: незамужние женщины до 30 лет были мобилизованы для службы во вспомогательные военные части, для работы на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. Во время Блица – периода интенсивных бомбежек Лондона и других городов в 1940–1941 гг. – женщины работали в дружинах по разбору завалов, на скорой помощи, в госпиталях. Описания разбомбленного, горящего города встречаются в прозе писателей – свидетелей военных событий (Г. Грин, Э. Боуэн и др.). Война изменила социальную и бытовую жизнь женщин Великобритании. Жизнь женщин военного Лондона описана в романе М. Спарк «Девушки со скромными средствами» (1963), но в последующие годы тема уходит из литературы. Возвращение британской литературы к национальной истории произошло в конце XX в. В литературе XXI в. роль женщин в войне отражена в романах женщин-писательниц: «Ночной дозор» С. Уотерс, «Жизнь после жизни» К. Аткинсон, «Найти Элизабет» Э. Хили, «Хранительница тайн» К. Мортон и др., которые, как показано в статье, одновременно опираются на мемуары свидетелей военного времени и на литературную традицию. Каждая из них описывает героическую борьбу женщин во время Блица, не оставляя в стороне ежедневную, бытовую сторону их существования; быт в анализируемых произведениях приобретает идеологизированное значение. Общность проблематики, тематики и схожесть точек зрения не противоречат тому факту, что каждый из авторов использует индивидуальные поэтологические, эстетические подходы и приемы: обратная композиция в романе С. Уотерс, герои которого маргинальны с точки зрения существовавшей морали; сложная постмодернистская игра в романе К. Аткинсон; субъективные игры с памятью в романе Э. Хили; использование моделей популярной литературы К. Мортон. Причудливо сочетаясь в произведениях современной женской прозы, история и память реконструируют важную роль британских женщин в победе в войне.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Блиц; память; история; роль женщин; современный роман; М. Спарк; С. Уотерс; К. Аткинсон.

В самом центре Лондона, на улице Уайтхолл, находится памятник женщинам Второй мировой войны (скульптор Джон Миллз). Памятник представляет собой черный прямоугольный параллелепипед с надписью “The Women of World

War II”, сделанной шрифтом, который использовался на продуктовых карточках военных лет. На четырех сторонах монумента изображены семнадцать висящих комплектов одежды, которые, по мысли создателей, надели на себя бри-

танские женщины, заменив ушедших на фронт мужчин: униформы женской сухопутной армии и женщин, служивших в авиации, форма пожарного, полицейского, сварщика, медсестры и др. Идея создания памятника была высказана майором в отставке Д. Робертсоном в 1997 г. и подхвачена широкой общественностью. Куратором проекта по сбору денег и установке монумента стала спикер палаты Общин британского парламента баронесса Б. Бутройд. Деньги были собраны благодаря частным пожертвованиям, участию различных фондов и т. д. Один миллион фунтов пожертвовала лично королева Елизавета II, которая, вместе с Б. Бутройд и ветеранами войны, открыла монумент в июне 2005 г. Обратим внимание: британскому обществу потребовалось шесть десятилетий, чтобы в памятнике увековечить вклад женщин в победу, между тем вклад этот был очень значительным. В декабре 1941 г. незамужние женщины в возрасте от 19 до 30 лет были в обязательном порядке мобилизованы на оборонную службу. В качестве добровольцев к ним присоединились и многие замужние женщины. Памятник в Лондоне служит зримым напоминанием о том, какую роль сыграли британские женщины в победе и как война радикально изменила положение женщины в социальной структуре британского общества: если до войны работающие женщины были заняты лишь на некоторых позициях (домашняя прислуга) и отраслях (образование, работа в офисах и др.), то мобилизация, которая коснулась почти восьми миллионов британских женщин, значительно расширила эту сферу. Женщин призывали на работу в промышленные цеха, в так называемую Земельную армию для работы в сельском хозяйстве, в пожарные команды, госпитали, во вспомогательные военные части и др.

Памятник женщинам Второй мировой войны
Monument to the women of World War II

Война оставила глубокий след в национальном сознании каждого народа, но во всех случаях этот опыт уникален и зависим от конкретных исторических обстоятельств. В коллективной

памяти британцев, особенно тех, кто не был призван в армию, война – это прежде всего бомбардировки Лондона и других британских городов авиацией гитлеровской Германии начиная с сентября 1940 г. (этот период получил название Блиц). Лондон бомбили 57 ночей подряд. К концу мая 1941 г. более 40 тысяч мирных жителей погибли в результате бомбежек, большое количество жилых домов было разрушено, а тысячи их обитателей остались без крыши над головой. После окончания войны многие английские города лежали в руинах, на их восстановление потребовалось длительное время. Добавим также, что во время войны и вплоть до 1954 г. – дольше, чем в любой другой стране, – в Великобритании действовала картонная система распределения товаров.

Неудивительно, что именно эпизоды, связанные с Блицем, появляются во многих литературных произведениях британских писателей, посвященных войне. Образ города, который бомбят фашисты, образ горящего города встречается во многих произведениях литературы писателей – очевидцев событий войны [см.: Robb 2015] и в современной исторической прозе. Другим популярным мотивом британской прозы о войне стал образ города, лежащего в руинах. Так, роман Г. Грина «Ведомство страха» (1943) открывается следующим описанием Лондона: «В мире шла война – это было заметно по неряшливым пустырям между домами, по сплюснутому камину, прилепившемуся к полуразрушенной стене, по обломкам зеркала и обрывкам зеленых обоев, по звуку сметаемых с мостовой осколков стекла в солнечный полдень, похожему на ленивое шуршание гальки во время прилива. В остальном площадь в Блумсбери <...> выглядела превосходно» [Грин 1983: 267]. Герой романа Г. Грина «Тихий американец» (1955) репортер Фаулер (некоторые его черты отчетливо напоминают автора произведения), дом которого «переехал на восемь тысяч миль» [Грин 2019: 34], во Вьетнам, постоянно вспоминает Лондон времен войны, «остатки площади в Блумсбери» и сигналы воздушной тревоги – спустя десятилетие после окончания войны ни писатель, ни его герой не в состоянии окончательно с ней расстаться.

В своем классическом труде «Современный британский роман» М. Бредбери отмечал, что десятилетие 1940-х гг. было для английской литературы далеко не самым продуктивным периодом, «самым незапоминающимся десятилетием – по ряду причин» [Bradbury 1994: 221]. Тем не менее в 1940–1950-х гг. английские писатели, которые были свидетелями и участниками событий военного времени, описали жизнь и борьбу

британцев в произведениях разных жанров. Критик отмечал: «Многие писатели, включая Генри Грина и Грэма Грина, Элизабет Боуэн и В. С. Причетта, даже Оруэлл и И. Во, создавали, в том числе, свои лучшие работы во время войны или сразу после нее. Война и Блиц сделали поднадоевшую Гринландию из романов Г. Грина почти реальной, они же вдохнули новую силу в элегантную, фрагментированную прозу Э. Боуэн» [ibid.]. Те же произведения анализируются в монографии К. Миллер “Literature of the Blitz: Fighting the People’s War” [Miller 2009]. Спустя несколько десятилетий после войны эпизоды с пылающим городом появились также в прозе писателей, которые в детстве пережили бомбардировки Ливерпуля. Так, в романе Б. Бейнбридж (род. 1932 г.) «Грандиозное приключение» (“An Awfully Big Adventure”, 1989) действие происходит в разрушенном городе сразу после войны, а герои произведения в воспоминаниях постоянно возвращаются к драматическим эпизодам военного времени. В каждом романе Дж. Г. Фаррелла (род. 1935 г.), еще одного уроженца Ливерпуля, присутствует яркий эпизод бомбежки какого-нибудь города. В романе «Падение Сингапура» (“The Singapore Grip”, 1978), повествующем о захвате японцами английской колонии в 1942 г., описанию охваченного пожарами города и действий его защитников посвящено несколько глав, а главный герой произведения Флери добровольно вступает в пожарную команду и героически сражается с огнем.

Отдельного упоминания в контексте нашего исследования заслуживает роман Мюриэл Спарк (1918–2006) «Девушки со скромными средствами» (“The Girls of Slender Means”, 1963). В начале 1944 г. М. Спарк вернулась из Австралии в Лондон, где в течение некоторого времени работала в службе внешней разведки. Хотя Блиц был уже позади, война еще не была закончена, и в основу произведения легли наблюдения писательницы за жизнью лондонцев в конце войны и в первые послевоенные месяцы. Облик Лондона и настроение его жителей описываются в первых строках романа: «В далеком 1945 году все достойные люди в Англии были бедными – за небольшим исключением. Улицы городов состояли из наскоро отремонтированных, а то и вовсе не отремонтированных зданий; там, где упали бомбы, высились груды каменных обломков или торчали остовы домов, похожие на гигантские гнилые зубы с высверленными зияющими пустотами. Некоторые изуродованные бомбежкой здания издали напоминали развалины старинных замков, но вблизи видны были обои самых что ни на есть обыкновенных комнат, расположенных одна над другой и выставленных напоказ

как на сцене – без передней стены; иногда где-нибудь под потолком пятого-шестого этажа покачивалась над бездной цепочка сливного бачка <...> Сокрушаться при виде всего этого не имело никакого смысла...» [Спарк 1992: 4].

В центре повествования – коллективный образ девушек из «хороших семей», но со «скромными средствами», которые живут в женском пансионе в центре Лондона, их быт, работа, времяпрепровождение, их друзья и поклонники, родственники и коллеги, их планы и мечты. Автор выделяет некоторых героинь внутри группы и описывает их более детально, чем других, но представляется, что М. Спарк интересуется прежде всего их общность: все героини находятся в одинаковых социальных и бытовых условиях и обстоятельствах, когда легче выжить сообща – меняться одеждой (на всех жительниц пансиона – одно нарядное платье, которое «занято» почти каждый день), поклонниками, обменивать продуктовые карточки на косметику, придумывать общие виды развлечений и пр. Военный дискурс, который традиционно и небезосновательно представлялся в литературе как преимущественно мужской, рассматривается М. Спарк с иной, женской точки зрения. Ее героини проживают войну так же, как все окружающие их люди: они пережили бомбежки, голод и холод, видели смерть близких; одна из героинь вспоминает, как помогала отцу – сельскому священнику проводить службы в промерзшем храме для голодной паствы. Но даже эти жестокие обстоятельства не лишают их естественной, как считает автор, тяги молодых женщин к традиционным женским ценностям и интересам – к противоположному полу, к нарядам, к собственной внешности. Напомним, что английское название романа более многослойно, чем его русский перевод, поскольку *slender* означает не только “скудный, недостаточный” (*slender means*), но прежде всего «тонкий, стройный» (*slender girl*). Именно второе значение реализуется в тексте романа на сюжетно-событийном уровне: во-первых, девушки, озабоченные своей внешностью, регулярно сидят на диетах даже в условиях скудного питания по карточкам – всевидящий повествователь снисходительно и понимающе улыбается, наблюдая за парадоксами человеческой природы. На уровне сюжета, однако, комплекция каждой из героинь сыграет роль в реализации их шанса на спасение. Взрыв неразорвавшейся авиабомбы, которая, как оказалось, находилась во дворе пансиона со времен Блица, вызывает страшный пожар, и обитательницы верхних этажей пытаются покинуть здание через маленькое окошко в ванной, которое выходит на крышу соседнего здания. Самые миниатюрные девушки легко преодолевают это

препятствие, остальные ждут помощи извне, задыхаясь в дыму. В результате погибает одна из главных героинь: «И тут середина дома рухнула, превратившись в огромную гору обломков, и где-то под ними осталась Джоанна» [Спарк 1992: 92] – война настигает героиню. В целом, однако, в художественном мире романа женский мир в его многогранности подавляется, но не уничтожается войной, подстраиваясь под обстоятельства скудного и драматичного быта.

Добавим также, что автор позволяет читателю заглянуть во вполне благополучное будущее бывших «девушек со скромными средствами» – действие попеременно перемещается из настоящего (время написания произведения, т. е. спустя примерно пятнадцать лет после войны) в прошлое, которое всплывает в их памяти. Отметим, однако, что именно главы, посвященные событиям 1945 г., доминируют в тексте.

Тема Второй мировой войны активно развивается в британской литературе в XXI в., но уже на новых основаниях – прежде всего на основе документов, воспоминаний, сохранившихся писем, дневников и др. Интерес к повседневности, который начал активно формироваться в гуманитарном знании в конце XX в., актуализировал новые подходы к описанию прошлого в литературе [см.: Новикова 2015], что привело, в частности, к повышенному интересу к мемуарам, дневникам и другим жанрам нон-фикшн. Кроме того, в последние десятилетия XX в. художественная литература явно тяготеет к изображению и (пере)осмыслению истории: Д. Хед полагает, что обращение английской литературы к истории стало принципиальной характеристикой последнего десятилетия XX в.: «Обращение к историческому роману неоднократно наблюдалось в 1990-е гг., что составило разительный контраст с эпохой 1950–1960-х гг. с их неприкрашенным реализмом “рабочего” романа» [Head 2002: 3]. Об этом же пишут другие исследователи [см.: De Groot 2010], одновременно отмечая, что само понятие исторического знания становится все более размытым и субъективизированным. В ряде случаев воспоминания очевидцев и дневники, т. е. свидетельства индивидуальной памяти, начинают восприниматься как оппозиция по отношению к объективному историческому знанию. Именно эта дихотомия была четко сформулирована в трудах П. Нора: память «спонтанна, конкретна, сакральна, активна, уязвима, деформируема, манипулируема, специфична для отдельных групп и индивидов». Вторая (*история*) стремится «подчинить себе память, отстранена, абстрактна, прозаична, сконцентрирована на прошлом, аналитична, критична, претендует на универсальность и потому ничья». Первая «уко-

ренена в конкретном, в пространствах, в местах, образах и объектах», вторая строго связана с «временными непрерывностями, последовательностями и отношениями» [Нора 1999: 20]. При изображении исторических сюжетов и героев в литературе второй половины XX в. получает распространение «историографическое метаповествование» (Л. Хатчеон), предельно и принципиально субъективное в оценках исторического процесса, который одновременно реконструируется и деконструируется на страницах художественных произведений. Так, герои романа Й. Макьюэна «Искупление» (“Atonement”, 2001) изображаются автором в самых знаковых, почти легендарных для британского сознания топосах войны – Дюнкерк, Лондон времен Блица, госпиталь Св. Фомы, куда привозят раненых и где персонал, в том числе молоденькие медсестры (напомним: во время написания романа памятник еще не поставлен), сражаются за их жизнь. В конце книги автор указывает, что, готовясь к написанию романа, работал в Отделе документов Имперского военного музея в Лондоне, гдезнакомился с письмами, дневниками и воспоминаниями военных и медсестер [McEwan 2007: 274]. Таким образом, писатель апеллирует к коллективной памяти об исторических событиях, «помещая» героев в реальный исторический контекст: Робби – Дюнкерк, Сесилия – гибель в лондонском метро, куда попадает бомба, Брайони – госпиталь. Очевидно, опора на свидетельства участников событий дает читателям возможность погрузиться в атмосферу времени, услышать индивидуальные голоса их участников, но получившаяся общая картина, складывающаяся из отдельных повествований, скорее, напоминает калейдоскоп, в котором целостность меняется при малейшем повороте и перегруппировке элементов. В романе Макьюэна субъективность представленной картинки достигает своего апогея в финальной части, когда выясняется, что значительная часть военных глав романа – это реконструкции (роман в романе) Брайони, ее форма искупления вины перед сестрой и Робби. В пространстве романа к истории и памяти добавляется художественный вымысел героини-писательницы, т. е. художественный текст, посвященный реальным историческим событиям, приобретает черты принципиальной и нарочитой субъективности.

Тема Второй мировой войны остается актуальной для британских писателей в XXI в. Войне и ее последствиям, в частности, посвящены следующие произведения: «Блокада» (“The Siege”, 2001) Х. Данмор (*Helen Dunmore*); «Ночной дозор» (“The Night Watch”, 2006) С. Уотерс (*Sarah Waters*); «Жизнь после жизни» (“Life After Life”,

2013) и «Боги среди людей» (“The God in Ruins”, 2015) К. Аткинсон (*Kate Atkinson*); «Найти Элизабет» (“Elizabeth is Missing”, 2014) Э. Хили (*Emma Healey*) и некоторые другие. Кроме тематической общности, эти произведения объединяет тот факт, что они написаны женщинами, которые родились после войны, т. е. не были свидетелями событий, которые они реконструируют художественными средствами на страницах произведений. Отметим также еще одну немаловажную особенность: в основном в романах описываются судьбы женщин военного времени. Ключевым, но не единственным «местом памяти» в романах выступает Лондон.

Роман Х. Данмор «Блокада» посвящен блокаде Ленинграда, т. е. советскому опыту войны, о чем нам приходилось писать ранее [см.: Сидорова 2019]. В одном из своих интервью Х. Данмор говорила: «Меня поражает, что опыт войны, который существует у русских, до сих пор не описан на Западе» [Dunmore 2001]. Своим романом она явно стремится восполнить существующий пробел¹, но в нашей статье мы не будем останавливаться на произведениях писательницы: нас интересуют прежде всего романы, в которых описывается жизнь британских женщин во время войны.

Зададимся вопросом: насколько значимым является тот факт, что о войне пишут женщины? Современный британский исследователь К. Хьюитт в полемическом задоре отмечает: «Мы не делим писателей на мужчин и женщин, скорее, мы говорим о хороших писателях и остальных. Современная тенденция выделять женщин-писательниц кажется мне бессмысленной»². С другой стороны, сошлемся на мнение Д. А. Гранина, который, рассуждая об опыте написания документальной «Блокадной книги», отмечал: «Многое решал талант рассказчика <...> Лучше всего рассказывали женщины. Женская память устроена несколько иначе, чем мужская. Ведь мужская память – она глобальная как-то: мужчин общие ситуации больше интересуют. А подробности быта, бытия, что творится на малом участке – очередь, булочная, квартира, соседи, лестница, кладбище – это память <...> женская. Она была более красочная и крепкая» [Гранин 2011: 8]. Согласимся: традиционно мир быта, семьи, межличностных отношений относился к сфере влияния и интересов женщин, для которых малейшие изменения этой сферы были значимы и даже идеологически наполнены, на что указывал Ю. М. Лотман, который понимал быт как «обычное протекание жизни в ее реально-практических формах», как «вещи», которые окружают человека, как «наши привычки и каждодневное поведение» [Лотман 2015: 12].

Ю. М. Лотман также отмечает «идеологизированность быта», его связь с повседневностью: «...все окружающие нас вещи включены не только в практику вообще, но и в общественную практику, становятся как бы сгустками отношений между людьми и в этой своей функции способны приобретать символический характер» [там же: 14].

В. Г. Новикова замечает, что британская литература о войне отразила не только героический подвиг нации в борьбе с фашизмом, но и значительные социальные изменения, которые произошли в этот период, в частности, радикальное изменение роли женщины в структуре общественной жизни [см.: Новикова 2015]. Повторимся: большое количество женщин пришли в армию, на производство, в другие сферы общественной деятельности, что было почти немыслимо до войны. Это изменение образа жизни повлекло за собой ряд неизбежных и значимых трансформаций бытового характера: «Любопытной деталью, повторяющейся непосредственно во многих произведениях женской прозы, становится появление брюк в гардеробе работающей женщины, мотивированное <...> условиями работы <...> и ставшее символом обретенной свободы» [там же: 212]. Кроме того, у работающих женщин появились собственные, пусть и небольшие, финансовые средства, которыми они могли распоряжаться самостоятельно. Традиционная семейная роль женщины – матери, дочери, жены, сестры – также не уходит из общественного сознания и из литературы, но к ним добавляется также финансовая помощь, которую работающие женщины оказывают мужской части семьи. Так, одна из героинь романа С. Уотерс «Ночной дозор» Вивьен не только работает и живет отдельно от семьи, но и морально и материально поддерживает одинокого отца и брата, заключенного в тюрьму за дезертирство. Именно усилиями Вивьен семья сохраняет некое единство, т. е. традиционные семейные роли оказываются перевернутыми.

Героини романа «Ночной дозор» С. Уотерс – женщины, живущие в Лондоне. Их жизнь описана автором ретроспективно: послевоенный период (1947 г.); конец войны (1944 г.); время Блиц 1941 г. Послевоенный Лондон, представленный в романе, еще не оправился от страшной войны: дом, где живет одна из героинь, «единственный уцелел в длинном ряду строений, которые были здесь до войны; сейчас по обеим его сторонам виднелись шрамы от бывших соседей: зигзаг призрачной лестницы, следы несуществующих очагов. Непонятно, как он еще стоял» [Уотерс 2010: 3]. Описания военного и послевоенного Лондона в романе С. Уотерс отчетливо напоми-

нают описания города в романах Г. Грина, т. е. писательница опирается и на литературную традицию, и на свидетельства и документы, которые она внимательно изучала. Часть критиков рассматривают произведение С. Уотерс преимущественно в парадигме лесбийской литературы, но большинство оценивает его как исторический роман о войне и ее последствиях [см.: Онега 2022]. В Лондоне, под бомбежками, героини С. Уотерс живут так же, как миллионы их соотечественников, проявляя при этом настоящее мужество. Особость художественного мира романа состоит в том, что героями произведения писательница делает маргинальных с точки зрения существовавшей морали и закона персонажей – это тайная любовница женатого человека, несколько лесбиянок и гомосексуалистов. Вынужденные скрывать свою личную жизнь, зная, что социум их осуждает, героини романа, тем не менее, ощущают свое единение с нацией, работая на победу; они не теряют доброты, сострадания, человечности. Истекающую кровью Вивьен, которая по настоянию женатого любовника сделала подпольный аборт, везет скорая помощь, но очевидно, что незамужнюю девушку в госпитале ждет не лучший прием, и водитель «скорой» Кей, понимая это, надевает ей на палец свое золотое обручальное кольцо. В неразберихе военного, разбомбленного Лондона именно кольцо на пальце спасает репутацию Вив.

Во время войны Кей служила водителем скорой помощи, которая по ночам выезжала в пылающие, разбомбленные кварталы – отсюда название романа: «Вот сюда, сюда, – говорил караульный, пробираясь по развалинам. Кей с Микки осторожно двигались следом.

Еще совсем недавно развалины были стандартным четырехэтажным домом в районе Пимлико. В почти непроглядной тьме казалось, что дом аккуратно выдернули из ряда его близнецов. Взрывом женщину убило наповал; тело уже увезла другая машина. Девушке же защемило ноги; спасатели собирались установить лебедку, чтобы поднять пригвоздившие ее балки <...> из-под развалин донесся еле слышный крик, похожий на кошачье мяуканье.

Кей уже доводилось слышать подобные крики – от них кидало в дрожь сильнее, чем от вида оторванных конечностей и развороченных тел. Затрясло и сейчас. Кей выдохнула. На развалинах вновь возникли шум и суета...» [Уотерс 2010: 91–92].

Автор показывает, что именно период войны был для героини, женщины образованной и обеспеченной, самым наполненным периодом жизни с понятными и благородными целями. Жизнь Кей в 1947 г. кажется ей пустой и бес-

цельной: война закончена, нет необходимости работать, нет четкой цели, разрушены личные отношения с возлюбленной. Другие героини романа также оказываются вовлеченными в реальность военного времени, и это позволяет автору показать «как женщины обретали свой новый социальный облик в период великих страданий, но и великого национального единства» [Новикова 2015: 213]. С. Уотерс внимательна к деталям женского военного быта и жизни, в которой ужас смерти сосуществует с естественными человеческими порывами, с интересом героинь к нарядам, подаркам, косметике. Страшный сгоревший город, ежедневные бомбежки и пожары, невозможность купить еду и одежду, другие трудности военного времени не в состоянии уничтожить тягу героинь к красоте и гармонии, важными элементами которых являются в их сознании привычные внешние атрибуты женского быта и облика. Частично повторяя модель, предложенную М. Спарк, С. Уотерс расширяет и углубляет общую картину войны и роль женщин в защите Британии.

Еще более объемную картину создает К. Аткинсон в романе «Жизнь после жизни». Произведение начинается с рождения главной героини Урсулы Тодд в 1910 г., и буквально с первых страниц автор начинает предлагать героине альтернативные варианты жизни, каждый из которых «проигрывается» в отдельной главе – из-за сильного снегопада доктор не успевает к роженнице, и девочка рождается мертвой; доктор успевает, и девочка рождается живой; в 1918 г. служанка едет на свидание в Лондон, заражается испанкой, заражает ею Урсулу – девочка умирает; служанка не едет в Лондон – девочка остается жива, и т. д. По сути, героине предлагаются разные варианты судьбы, которые были возможны для женщины ее круга в первой половине XX в., – более того, эти варианты присутствуют в книге вне хронологической последовательности. Критики единодушно отмечают мастерство писательницы при создании атмосферы времени, ее пристальный интерес к деталям, в том числе материальным и символическим. Традиционный вариант – быть счастливой женой и матерью – воплощается в романе в судьбах матери героини и ее сестры. Для Урсулы замужество в одной из «жизней» оборачивается домашним насилием и смертью; в другой, будучи студенткой в Германии, она выходит замуж за немца и гибнет в 1945 г. под бомбами союзников. Более наполненные, если не всегда счастливые варианты проживания связаны, как правило, с осознанием Урсулой себя как самостоятельной личности, с возможностью не следовать традиции, заниматься любимым делом, строить карьеру, а также, по

мысли автора, с работой над собой с опорой на опыт прошлых жизней, возможно, подсознательный [Atkinson 2013b]. Традиционный уклад жизни героини связан в тексте произведения с топом поместья – с поместьем родителей героини Лисья Поляна, тогда как ее профессиональная жизнь – с топосом Лондона. Одной из самых важных частей произведения становятся главы, посвященные военному Лондону, объединенные в раздел «Долгая и тяжелая война». Урсула, сотрудник военного министерства, вместе со всеми лондонцами переживает Блиц, работая по ночам в добровольной дружине, помогая жертвам бомбежек. Сцены, посвященные борьбе и страданиям жителей города, становятся самыми пронзительными в романе: «Горы трупов <...> как мусор – их вывозят на свалку» [Аткинсон 2013: 436], физическая боль и отчаяние от потери близких, самоотверженное желание помочь и бессилие перед лицом непреодолимых обстоятельств не вытесняют из жизни героев тягу к привычной жизни: «Когда выдавались просветы, они делали то же самое, что и остальные люди их круга. Смотрели фильмы, ходили куда-нибудь потанцевать, посещали “Обеденные концерты” в Национальной галерее, ели, пили, любили» [там же: 435].

Автор не обходит вниманием и изменения облика героини: «Недавно им выдали спецодежду: темно-синюю, мешковатую. До этого Урсула ходила в комбинезоне, который <...> купила в “Симпсоне” вскоре после объявления войны, – в свое время такой фасон был чуть ли не в диковинку. Она подпоясывала его кожаным отцовским ремнем, к которому прикрепляла свои “аксессуары”: фонарик, противогаз, индивидуальный пакет первой помощи, блокнот. В один карман засовывала перочинный нож и носовой платок, в другой – пару кожаных перчаток и тюбик губной помады» [там же: 369]. В одном из вариантов жизни Урсула погибает под обвалившейся стеной дома, в другом – скорбит по погибшему брату-летчику, еще в одном – она, ее брат Тедди и его жена Нэнси празднуют победу в мае 1945 г. К. Аткинсон утверждает, что интерес британцев к событиям войны продолжает оставаться высоким [Atkinson 2013b]; комментируя важность военных глав в романе, она говорит: «Я родилась <...> в 1951 и росла с ощущением, что не успела на Вторую мировую войну, когда происходило нечто огромное и ужасное, чего я не испытала <...> Блиц – темное, бьющееся сердце романа <...> “Жизнь после жизни” – книга о том, что значит быть англичанами. Даже не просто быть англичанами, но какие мы в нашем собственном сознании. Чем больше я читаю о войне, тем больше я думаю, что – если оставить в стороне

пропаганду – тогда мы проявили свои лучшие качества, и мне бы хотелось это знать. Сейчас я нахожусь в будущем [относительно тех событий], а моя книга – живое свидетельство прошлого» [Atkinson 2013a].

К теме женщин на войне обращаются также писательницы, которые родились через несколько десятилетий после окончания военных действий. Действие романа Э. Хили «Найти Элизабет» разворачивается в наши дни, и война находится на периферии художественного мира романа. Героиня романа Э. Хили – Мод, которой за восемьдесят и которая страдает старческой деменцией. Память героини постоянно возвращает ее в прошлое, в первые послевоенные месяцы и годы. В настоящем Мод ощущает одиночество: муж умер, сын живет за границей; она не всегда узнает дочь, внучку, социального работника, которые рядом, поэтому настойчиво ищет свою подругу Элизабет, которая, по ее мнению, стала жертвой преступления и пропала. Автора явно интересуют причуды человеческой памяти, которые в случае с Мод сопряжены с историей семьи – сразу после войны без вести пропала ее старшая сестра Сьюзен – и с историей страны, с войной, которую ей и ее близким пришлось пережить. Мод – ненадежный повествователь, и в тексте произведения индивидуальная память с ее болезненными причудами превалирует над объективной историей, но даже в лабиринтах угасающего сознания присутствует логика. Читатель узнает знакомые из других произведений картины разрушенного города, скудную жизнь в условиях тотального дефицита, атмосферу и музыку времени, его драмы и трагедии – так, в развалинах рядом с домом родителей юной Мод живет женщина, которая сошла с ума во время бомбежек. В причудливых закоулках памяти героини «пропавшая» Элизабет совмещается с исчезнувшей сестрой, и, следуя болезненным фантазиям героини, ее дочь действительно находит останки убитой Сьюзен. Роман Э. Хили реалистичен в изначальном смысле этого слова – причуды человеческого сознания, подсознания и памяти отражают реальность в странном виде, но не отвергают ее. Воспоминания о военных лишениях остаются в глубинах памяти героини и живут в ней.

Отметим также, что образ воюющей Британии активно используется авторами популярной прозы. Так, еще во время войны был опубликован шпионский детектив Агаты Кристи «М или Н?» (1941). Современный автор мировых бестселлеров австралийская писательница Кейт Мортон (*Kate Morton*), живущая в Великобритании, использует образ военного Лондона в романе «Хранительница тайн» (“The Secret Keeper”,

2012). События Блица, бомбежки, неразбериха и массовая гибель людей позволяют героине романа Морган скрыться от преследования деспота-мужа, выдать себя за погибшую подругу и выстроить новую жизнь – тайна, которая в пространстве произведения будет вскрыта только несколько десятилетий спустя. На суд читателя вновь представлены мастерски описанная атмосфера военного города и молодые женщины, которые в нем живут, сражаются, ищут счастье.

Тема войны не исчезла из британской литературы в XXI в., но, как представляется, приобрела новый способ репрезентации и новую точку зрения – женскую, что связано с общественным осознанием роли женщин в победе над врагом. Именно военное время стало для британских женщин периодом обретения новых социальных возможностей и ролей, резкого изменения бытовой сферы. Нет сомнения, что такому повороту в литературе способствовал интерес гуманитарного знания к истории повседневности, который начал активно проявляться в последние десятилетия XX в. и не теряет своей актуальности, а также к исследованиям дихотомии *память – история*. Любопытно, что особенно ярко эти подходы воплощаются в прозе писательниц-женщин, которые в силу возраста не были свидетелями событий войны, но стремятся соединить в своих произведениях объективное историческое знание и женский, часто субъективный взгляд на мир, без которого общая картина остается неполной. В своих произведениях писательницы опираются на документальные свидетельства, но также и на сложившуюся литературную традицию изображения войны, которая была сформирована в произведениях писателей – очевидцев военных событий.

Примечания

¹ Кроме произведения «Блокада», русской теме в творчестве Х. Данмор посвящены еще два романа – “House of Orphans” (2006), действие которого разворачивается в Финляндии в 1902 г., и “Betrayal” (2010), в котором описывается жизнь героев «Блокады» в Ленинграде в 1952 г.

² Hewitt K. Letter to O. Sidorova. 2022, November 23 (из личной переписки с автором статьи).

Список литературы

Аткинсон К. Жизнь после жизни / пер. с англ. Е. Петровой. СПб.: Азбука, 2013. 543 с.

Гранин Д. Из истории создания «Блокадной книги» // Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. СПб.: Лениздат, 2011. С. 5–14.

Грин Г. Ведомство страха / пер. с англ. Е. Голышевой // Английский детектив. М.: Правда, 1983. С. 267–460.

Грин Г. Тихий американец / пер. с англ. А. Кабалкина. М.: AST Publishers, 2019. 286 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: АЗБУКА, 2015. 603 с.

Новикова В. Г. Повседневность войны в женской прозе Великобритании (дневники и романы о Второй мировой войне) // Филология и культура. 2015. № 2(40). С. 210–213.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / пер. с фр. Д. Халаевой. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.

Сидорова О. Г. Современная литература Великобритании и контакты культур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; СПб: АЛЕТЕЙЯ, 2019. 312 с.

Спарк М. Девушки со скромными средствами: романы / пер. с англ. Н. Лебедевой и Н. Роговской; послесл. Е. Апеко. Л.: Лениздат, 1992. С. 3–192.

Уотерс С. Ночной дозор / пер. с англ. А. Сафронова. М.: Эксмо, 2010. 576 с.

Atkinson K. “Life After Life.” The Many Deaths and Do-Overs of Ursula Todd. Interview by NPR Staff. March 30, 2013a. URL: <https://www.wnyc.org/story/279259-life-after-life-the-many-deaths-and-do-overs-of-ursula-todd/> (дата обращения: 10.01.2023).

Atkinson K. Interview about *Life After Life* with Random House Books AU. 2013b. URL: <https://www.goodreads.com/videos/59961-kate-atkinson-interview-about-life-after-life-with-random-house-books-au> (дата обращения: 10.01.2023).

Bradbury M. The Modern British Novel. London: Penguin Books, 1994. 516 p.

De Groot J. The Historical Novel. London; New York: Routledge, 2010. 200 p.

Dunmore H. *The Siege* is a Novel for Now // Guardian [Website], 2001, June, 10. URL: <https://www.theguardian.com/books/2001/jun/10/fiction.features3> (дата обращения: 10.01.2023).

Head D. The Cambridge Introduction to Modern British Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 310 p.

McEwan I. Atonement. London: Vintage Books, 2007. 273 p.

Miller K. Literature of the Blitz: Fighting the People’s War. London: Palgrave Macmillan, 2009. 232 p.

Onega S. Imagining the Blitz and Its Aftermath: the Narrative Performance of Trauma in Sarah Waters *The Night Watch* // Humanities. 2022. Vol. 11(2). URL: <https://www.mdpi.com/2076-0787/11/2/57> (дата обращения: 10.01.2023). doi 10.3390/h11020057

Robb L. “The Front Line”: Firefighting in British Culture, 1939–1945 // Contemporary British History. 2014. URL: <https://doi.org/10.1080/13619462.2014.969715> (дата обращения: 10.01.2023).

References

- Atkinson K. *Zhizn' posle zhizni* [Life After Life]. Transl. from English by E. Petrova. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2013. 543 p. (In Russ.)
- Granin D. *Iz istorii sozdaniya 'Blokadnoy knigi'* [From the history of the creation of 'The Siege book']. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 2011, pp. 5–14. (In Russ.)
- Greene G. *Vedomstvo strakha* [The Ministry of Fear]. Transl. from English by E. Golysheva. *Angliyskiy detektiv* [English Detective]. Moscow, Pravda Publ., 1983, pp. 267–460. (In Russ.)
- Greene G. *Tikhiy amerikanets* [The Quiet American]. Transl. from English by A. Kabalkin. Moscow, AST Publishers, 2019. 286 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. *Besedy o Russkoy kul'ture: byt i traditsii Russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Talks about Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (the 18th – Early 19th Century)]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2015. 603 p. (In Russ.)
- Novikova V. G. *Povsednevnost' voyny v zhenskoy proze Velikobritanii (dnevnik i romany o Vtoroy mirvoy voine)* [Wartime daily life in feminine prose of Great Britain (diaries and novels about the Second World War)]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2015, issue 2(40), pp. 210–213. (In Russ.)
- Nora P. *Problematika mest pamyati* [Problems of places of memory]. *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. Trans. from French by D. Khalaeva. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 1999, pp. 17–50. (In Russ.)
- Sidorova O. G. *Sovremennaya literatura Velikobritanii i kontakty kul'tur* [Modern British Literature and Contacts of Cultures]. Yekaterinburg, Ural University Press, St. Petersburg, Aletyya Publ., 2019. 312 p. (In Russ.)
- Spark M. *Devushki so skromnymi sredstvami: romany* [The Girls of Slender Means: Novels]. Transl. from English by N. Lebedeva and N. Rogovskaya, afterword by E. Apeko. Leningrad, Lenizdat Publ., 1992, pp. 3–192. (In Russ.)
- Waters S. *Nochnoy dozor* [The Night Watch]. Transl. from English A. Safronov. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 576 p. (In Russ.)
- Atkinson K. 'Life After Life.' The Many Deaths and Do-Overs of Ursula Todd. Interview by NPR Staff. March 30, 2013a. Available at: <https://www.wnyc.org/story/279259-life-after-life-the-many-deaths-and-do-overs-of-ursula-todd/> (accessed 10 Jan 2023). (In Eng.)
- Atkinson K. Interview about *Life After Life* with Random House Books AU. 2013b. Available at: <https://www.goodreads.com/videos/59961-kate-atkinson-interview-about-life-after-life-with-random-house-books-au> (accessed 10 Jan 2023). (In Eng.)
- Bradbury M. *The Modern British Novel*. London, Penguin Books, 1994. 516 p. (In Eng.)
- De Groot J. *The Historical Novel*. London, New-York, Routledge, 2010. 200 p. (In Eng.)
- Dunmore H. 'The Siege' is a novel for now. *Guardian*, 2001, 10 June. Available at: [http://www/guardian.co.uk/books.2001/jun/10/fiction.features3](http://www.guardian.co.uk/books.2001/jun/10/fiction.features3) (accessed 10 Jan 2023). (In Eng.)
- Head D. *The Cambridge Introduction to Modern British Fiction*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 310 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606199> (In Eng.)
- Hewitt K. *Letter to O. Sidorova*. 2022, 23 November. (In Eng.)
- McEwan I. *Atonement*. London, Vintage Books, 2007. 273 p. (In Eng.)
- Miller K. *Literature of the Blitz: Fighting the People's War*. London, Palgrave Macmillan, 2009. 232 p. (In Eng.)
- Onega S. Imagining the Blitz and its aftermath: the narrative performance of trauma in Sarah Waters 'The Night Watch.' *Humanities*, 2022, vol. 11(2). <https://doi.org/10.3390/h11020057> (In Eng.)
- Robb L. 'The Front Line': Firefighting in British culture, 1939–1945. *Contemporary British History*, 2015, vol.29, issue 2, pp. 179–198. <https://doi.org/10.1080/13619462.2014.969715> (accessed 10 Jan 2023). (In Eng.)

Women at War in the Prose of Contemporary British Women Writers

Olga G. Sidorova

Professor in the Department of Germanic Philology

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, prospekt Lenina, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. ogs531@mail.ru

SPIN-code: 6646-7488

ORCID: <https://orcid.org/0000-002-2813-7514>

Submitted 13 Jan 2023

Revised 17 Feb 2023

Accepted 01 Mar 2023

For citation

Sidorova O. G. Zhenskoe litso voyny v proze sovremennykh britanskikh pisatel'nykh [Women at War in the Prose of Contemporary British Women Writers]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 121–130. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-121-130 (In Russ.)

Abstract. The contribution of British women to the victory in World War II was great: unmarried women under 30 were mobilized to Women's Auxiliary Service, to work in industries and in the so-called Land Army. During the Blitz – a period of intense bombing of London and other British cities in 1940–1941 – women worked in voluntary teams clearing rubble, in ambulances and in hospitals. Descriptions of the bombed, burning city are numerous in the books of writers who witnessed the war (G. Greene, E. Bowen, and others). The war changed the everyday life of British women and their social roles drastically. The life of women in the wartime London is described in M. Spark's novel *The Girls of Slender Means* (1963), but in subsequent years the topic was not much discussed in literature. The return of British literature to national history took place at the end of the 20th century. In the 21st century, the wartime women's life and fight is reflected in the following novels by contemporary women writers: S. Waters *The Night Watch*, K. Atkinson *Life after Life*, E. Healey *Elizabeth is Missing*, K. Morton *The Secret Keeper*, and others. All the novels are based both on wartime documents (witnesses' diaries and memoirs) and on literary tradition. Each of the writers describes the heroic struggle of women during the Blitz and their everyday life; wartime daily life and its constituents acquire a symbolic, even ideological meaning. The novels analyze similar themes and problems, but the writers use different points of view and narrative techniques. S. Waters uses reverse composition, her characters are marginal from the point of view of public morals. K. Atkinson's novel is a complex postmodern narration where numerous plotlines are interwoven. E. Healey mostly relies on memory games, while K. Morton uses popular literature techniques. Two categories – memory and history – are employed in all the novels to show and to reconstruct the role of British women in the WWII victory.

Key words: World War II; the Blitz; memory; history; role of women; modern novel; M. Spark; S. Waters; K. Atkinson.

УДК 271:821.161.1(09)

doi 10.17072/2073-6681-2023-2-131-140

Православный реализм в творчестве Ф. М. Достоевского

Олег Иванович Сыромятников**д. филол. н., профессор кафедры русской литературы****Пермский государственный национальный исследовательский университет**614068, Россия, г. Пермь, Букирева, 15. pani_perm@list.ru

SPIN-код: 9651-1120

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-3857>*Статья поступила в редакцию 08.10.2022**Одобрена после рецензирования 11.03.2023**Принята к публикации 28.03.2023***Информация для цитирования***Сыромятников О. И. Православный реализм в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 131–140. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-131-140*

Аннотация. Цель статьи – определение художественного метода Ф. М. Достоевского в свете новых представлений об идейном содержании и поэтике творчества писателя. Известно, что Достоевский работал в жанре реализма, он сам называл себя реалистом, и в его сочинениях нетрудно заметить черты социального, психологического, философского и даже политического реализма. Но при этом в них всегда оставалось что-то еще, более значимое и придающее творчеству писателя уникальное своеобразие. Некоторые современные исследователи (И. Б. Аванесян, А. А. Алексеев, В. А. Воропаев, М. М. Дунаев, В. Н. Захаров, Ю. В. Лебедев, А. М. Любомудров, Л. И. Сараскина, К. А. Степанян, А. Н. Ужанков и др.) полагают, что основы этого явления лежат в общекультурной европейской христианской традиции. Результаты изучения творчества Достоевского историко-культурным и сравнительно-историческими методами в целом подтверждают это предположение, однако оставляют ряд вопросов. Используя сравнительно-типологический метод, автор статьи исследует различные точки зрения на поэтику Достоевского, а затем систематизирует полученные сведения на основе оригинального методологического подхода.

Известно, что Достоевский называл свой метод «полным реализмом», «реализмом в высшем смысле», категорически отвергая ярлык писателя-психолога. Это обстоятельство не раз привлекало внимание исследователей. В ходе изучения различных концепций, а также анализа воззрений самого Достоевского на цели и задачи художественного творчества автору удастся доказать, что в основе художественного метода писателя лежит принцип превращения православного взгляда на мир в художественную образность – «православный реализм». Это магистральный принцип русской литературы с момента ее появления, имеющий бесчисленное количество воплощений в творчестве русских писателей. Достоевский творчески переосмыслил опыт европейской и русской христианской литературы и поднял православный реализм на недостижимую высоту.

Ключевые слова: русская литература; Ф. М. Достоевский; духовный реализм; художественный метод; православный реализм.

В настоящее время в научном сознании одновременно функционируют устойчивые словосочетания «духовный реализм», «христианский реализм», «символический реализм» и т. п., вследствие чего складывается впечатление, что они обозначают одно и то же. Однако, замечает В. Е. Ветловская, «когда термины начинают удва-

иваться <...>, когда они теряют определенность содержательных границ и объема, они теряют вместе с тем и познавательный смысл. <...> Когда это происходит, это значит, что литературная теория <...> зашла в тупик» [Ветловская 2002: 23].

Авторство понятия «реализм» приписывается П. В. Анненкову, заявившему в январе 1849 г.:

«Появление *реализма*¹ в нашей литературе произвело сильное недоразумение, которое уже пора объяснить» [Анненков 1879: 31]. Полагаем, критик лишь легитимизировал явление, которое уже жило в общественном сознании, потому что еще двумя годами ранее И. С. Тургенев сообщал В. Г. Белинскому: «Затеял я также статью под названием “Славянофильство и Реализм” – может быть, хорошо выйдет» [Тургенев 1982: 231]. Именно Белинскому, по словам В. Н. Захарова, принадлежит «исчерпывающее определение нового творческого метода: *верное воспроизведение действительности*». Однако, отмечает исследователь, «весь вопрос заключается в том, как понимать принцип адекватности искусства действительности» [Захаров 2001: 7], т. е. что считать критерием его «верности», правильности. Сама по себе действительность (реальность) такова, какова она есть, но каждый человек воспринимает ее через призму своего мировоззрения, возникающего в результате фидеической² и рациональной деятельности, обуславливающей характер онтологии и гносеологии человека.

К атрибутам реализма В. Н. Захаров относит «верность действительности, социально-психологический и <...> исторический детерминизм» [там же], однако нетрудно заметить, что эти черты в той или иной мере присущи литературе всех времен и народов. К тому же представления о «верности», «действительности», «социальности» и т. д. в разных мировоззренческих системах разные. Поэтому мы считаем главным признаком реалистического искусства *честность* – сознательное стремление художника изобразить действительность такой, какая она есть на самом деле, а не такой, какой бы он хотел ее видеть. Если способы и методы рационального познания одинаковы для всех людей (разумеется, с учетом индивидуальной специфики), то формы фидеического сознания, познания и знания могут значительно различаться в силу разности предметов веры людей. Ими может быть всё, что угодно: какой-либо материальный объект, явление природы, другой человек, абстрактная философская идея, Бог, боги и т. д. Вера придает этим предметам особое значение и превращает их в элементы аксиологического сознания, которое служит «оптикой» для восприятия человеком окружающего мира. Используя ее, идеалист и материалист, глядя на один и тот же предмет, *видят* его одинаково, но *воспринимают* по-разному и по-разному описывают средствами одного и того же языка.

Предметом духовного реализма является описание взаимодействия духовного мира человека с внешним духовным миром, к которому фидеиче-

ское сознание относит Бога (богов), ангелов (духов) и других нематериальных в обычном смысле существ. Человек может взаимодействовать с ними благодаря духовной сфере своей личности, и если впоследствии он опишет это взаимодействие, максимально точно изображая увиденное, то возникнет произведение *духовного реализма*. Бесчисленные описания духовной реальности, сделанные художниками разных эпох и народов, с одной стороны, дают необходимый материал для выработки достоверного представления о ней, а с другой – говорят о том, что познание духовного мира во всей полноте невозможно. Следовательно, и полученное таким образом знание не может быть выражено во всей полноте по причине особенностей человеческой речи, возникшей из необходимости описания прежде всего материальных и, в меньшей степени, душевных (психологических) процессов и явлений. Об этом ярко сказал апостол Павел: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 2–4).

Духовный мир остается неизменным на протяжении всей человеческой истории, поскольку существует в вечности, а не во времени. Для его описания античный политеизм, средневековый монотеизм и мистицизм Нового времени использовали, по сути, одни и те же художественные средства, несколько адаптируя их к особенностям восприятия людей каждой эпохи и культуры, поэтому можно утверждать, что духовный реализм – как художественный метод – был всегда. И. Б. Аванесян полагает, что в европейской культуре он достиг наивысшего развития в Средние века, так как «в этот период <...> важнейшей художественной задачей являлась разработка темы преображения человеческой души и духовного восхождения к Богу. Такой метод постижения человека и действительности в средневековом искусстве получил название “христианский реализм”, “духовный реализм”. Заметим, что понятийным ядром этих терминов является именно реализм» [Аванесян 2013: 13]. На наш взгляд, это совершенно естественно, потому что христианство относится к духовному миру как к объективной реальности и старается представить его в гармоничном единстве с видимым, материальным миром. Очевидно и то, что достоверно и полно духовно-материальный континуум может быть описан только реалистичным искусством.

Заметим, что Аванесян использует понятия «христианский реализм» и «духовный реализм» как синонимы, однако если «христианский реализм» – всегда духовный, то «духовный реализм» – далеко не всегда христианский, потому что духовный мир является предметом изображения не только христианского искусства. Эту ошибку допускают и другие исследователи, например, А. А. Алексеев называет духовным реализмом изображение процесса «возрождения человека на путях веры и христианской любви, ориентацию на Царство Небесное» [Алексеев 1998: 22]; А. П. Черников понимает под ним «цельное православное мировоззрение <...> устремленность его (писателя) творчества к Абсолюту» [Черников 1995: 316]; А. М. Любоумров определяет духовный реализм как «художественное освоение духовной реальности, т.е. реальности духовного уровня мироздания и духовной сферы бытия человека» [Любоумров 2003: 38] и т. д. Поэтому следует согласиться с замечанием И. А. Есаулова о том, что термин «духовный реализм» «представляется не вполне удачным для обозначения особенностей видения мира русскими писателями. Это понятие грешит некоторой внутренней неопределенностью: какая именно “духовность” имеется в виду? <...> Нынешние сторонники понятия “духовный реализм” могут заявить, что они имеют в виду как раз религиозный аспект этого понятия», но в этом случае необходимо пояснить, о какой именно религии идет речь, так как каждая религия представляет духовный мир по-своему [Есаулов 2007: 9]. Для преодоления этого противоречия считаем необходимым введение «промежуточного звена» между «духовным» и «христианским» реализмом. Им может стать «религиозный реализм», описывающий духовный мир в пределах догматической системы той или иной религии.

Есаулов предлагает принять теоретическое обоснование термина «христианский реализм», предложенное В. Н. Захаровым [Захаров 2001: 10], замечая при этом, что «христианский социум – и сама христианская картина мира – неоднородны. Вполне обоснованно можно выделять различные ярусы этого социума» [Есаулов 2007: 17]. Исследователь считает, что между ними нет твердых границ: «Вполне отдавая отчет в этой неоднородности, следует заметить, что ценностные ориентации архиерея и кузнеца Вакулы в “Ночи перед Рождеством” вряд ли кардинально различны в качестве “официальной” и “народной”: они могут быть поняты не в контекстах “двух культур”, но в контексте единой христианской культуры» [там же]. К сожалению, в данном

утверждении игнорируется тот факт, что *единой* христианской культуры не существует, как минимум, тысячу лет. Между различными христианскими конфессиями (православием, католичеством и протестантизмом) существуют принципиальные различия, углубляющиеся и расширяющиеся с каждым годом, поэтому тезис Есаулова можно принять только при условии, что кузнец и архиерей будут принадлежать к одному христианскому исповеданию. В этом случае их формальный статус действительно не будет иметь значения, и они будут общаться между собой как единоверцы. Однако этого не произойдет, если тот же Вакула встретится с униатским или католическим епископом, – хотя бы потому, что сам Гоголь вообще не считал униатов христианами, а католиков называл «недоверками» [Гоголь 1937–1952, т. 2: 133].

Отличия в восприятии мира христианскими конфессиями приводят к тому, что на одни и те же мировоззренческие вопросы они дают существенно разные ответы. В результате писатели с разным типом христианской религиозности, обсуждая одну и ту же проблему, видят ее решение по-разному и создают на основе общего культурного материала глубоко различные (а порой и антагонистичные) по идейному содержанию произведения. Следовательно, есть все основания говорить о необходимости дифференциации христианского реализма на *православный, католический и протестантский*, что позволит максимально полно и всесторонне раскрыть духовное (религиозное) содержание произведений, созданных представителями каждой из этих конфессий.

К. А. Степанян «берет на себя смелость» определять христианский реализм как «всцелую верность изображенного» таким образом духовного мира «христианскому учению». И тут же спрашивает: «Возможно ли это?» [Степанян 2010: 9] При таком определении – разумеется, нет, потому что ни один *честный* писатель не сможет сказать, что он «всцело верно» изобразил мир в соответствии с христианским (или каким-либо другим) учением. Полагаем, степень такого соответствия определяется религиозной компетентностью писателя, развитостью его веры и таланта, а также многими другими объективными и субъективными факторами. Об этом говорит и сам Степанян, замечая, «что в творчестве одного писателя-христианина его мировоззрение может почти не найти выражения, в творчестве другого – обуславливать только идеологическую, моральную его составляющую, у третьего – как у позднего Достоевского – определять всю художественную картину мира» [там же]. Дей-

ствительно, пишет В. Н. Захаров, «Достоевский был первым, кто в своем творчестве сознательно поднялся до высот христианского реализма, назвав его “реализмом в высшем смысле”» [Захаров 2001: 16]. Речь идет о словах, сказанных писателем незадолго до смерти и выразивших главную цель его творчества: «При полном реализме найти в человеке человека. <...> Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» [Достоевский 1972–1990, т. 27: 65].

Каждое сказанное человеком слово нужно воспринимать в системе его мировоззренческих координат. Сегодня очевидно, что Достоевский был православным человеком и православным писателем, выражавшим в художественной форме идеи и образы православия³. Православная антропология понимает под *человеком* разумное и свободное существо, одновременно и постоянно пребывающее в духовно-материальном континууме. Личность человека образована единством «внешнего» и «внутреннего человека», где под «внешним человеком» понимается его тело, «земная жизнь <...> или всё то, что дает земная жизнь и в чем состоит она», а «внутренний человек есть дух его, и жизнь по духу, состояние возрождения и стремление к соединению со Христом» [Иванов 2008: 667]. В естественной трихотомии человека дух занимает главенствующее положение, определяющее состояние ее интеллектуальной, волевой, эмоциональной и телесной сферы личности. Православный реализм через эти «оболочки» идет вглубь, к «внутреннему» человеку, исследуя духовно-душевно-телесное единство человека в неразрывной связи с материально-духовным единством окружающего мира.

Это и есть «полный реализм», о котором говорил Достоевский. По его словам, «это русская черта по преимуществу <...> ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного...» [Достоевский 1972–1990, т. 27: 65], т. е. православия. Подчеркнем: православие было для писателя не внешним культурным фактором, а составляло основу всей его жизни: «Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что православие всё» [там же: 64]. Следовательно, под «реализмом в высшем смысле» нужно понимать «православный реализм» – художественный метод, позволяющий изображать взаимодействие духовного мира человека с внешним духовным миром в свете православного мировоззрения.

Полагаем, впервые – и именно в отношении к Достоевскому – термин «православный реализм»

употребил преподобный Иустин (Попович): «Пламенный пророческий идеализм Достоевский своим апостольством претворил в православный реализм», который есть «не что иное, как богочеловеческий реализм, то есть благодатное и органичное соединение Божьего и человеческого, небесного и земного» [Иустин 2005: 186, 177]. На эту особенность творчества Достоевского указывал и Н. А. Бердяев: «Сквозь внешнюю фантасмагорию, напоминающую неправдоподобные уголовные романы, просвечивает иная реальность. Не реальность эмпирического, внешнего бытия, жизненного уклада... Реальна у него духовная глубина человека, реальна судьба человеческого духа. Реально отношение человека и Бога, человека и дьявола...» [Бердяев 2001: 16–17].

Очевидно, что Достоевский создал свой метод не на пустом месте. Современный исследователь пишет: «Творчество в православии – это всегда попытка нарисовать и постигнуть созданный Богом мир. Самая важная и самая интересная для писателя тема – тема спасения человеком своей души. Это и следует назвать православным реализмом – художественным методом, совмещающим познание мира и спасение собственной души. Этим художественным методом и пользовались, порою сами того не сознавая, гениальные русские писатели, в этом методе и достигало их творчество наиболее полного и яркого результата... То, что мы называем православным реализмом, существовало в русской литературе на протяжении всего минувшего тысячелетия...» [Коняев 2022]. Действительно, уже в «Слове и Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского (XI в.) появляются художественные образы, символизирующие идею единства и различия духовных эпох Ветхого и Нового Завета – «рабыня Агарь и свободная Сарра» [Иларион 1997: 29]. На протяжении многих веков русская литература была православной по содержанию, перелагая Откровение на язык художественной образности и уча русских людей тому, что значит быть христианами в реальной жизни. Лишь в конце XVI в. на Руси появляется так называемая «светская литература», т. е. литература, обслуживающая эстетические потребности «света» – социальной элиты. Ее объем не был значителен, и православный реализм оставался магистральным направлением русской литературы, продолжая развиваться в направлении поиска новых художественных форм выражения идей и образов православия.

Многие принципы православного реализма (тео- и христоцентричность, соборность, умиление, связь со Священным Писанием и Преданием и др.) нашли свое выражение в трудах М. В. Ло-

моносова, Г. Р. Державина и литераторов начала XIX в., но с наибольшей силой и яркостью они воплотились в творчестве А. С. Пушкина, подвигнувшем русскую литературу на путь пророческого служения: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли...», «Веленью Божию, о муза, будь послушна...»⁴ и т. д. По словам В. Н. Захарова, именно Пушкина «сам Достоевский считал своим учителем на этом пути <...> и был особенно благодарен ему за уроки прозы в “Повестях покойного Ивана Петровича Белкина”» [Захаров 2001: 16]. Действительно, писатель прекрасно знал и глубоко понимал творчество Пушкина, о чем говорят многочисленные цитаты, разборы отдельных сочинений поэта и целостный анализ его творчества, сделанный в «Пушкинской речи» (1880). Завершая ее, Достоевский сказал: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» [Достоевский 1972–1990, т. 26: 149]. Полагаем, писателю удалось понять главное – целью Пушкина было не описание эстетических и интеллектуальных переживаний исключительных личностей в исключительных условиях или, напротив, персональных психологических проблем «маленького человека», а осмысление фундаментальных духовных законов, управляющих судьбами людей, народов и всего человечества.

Важный вклад в формирование православного реализма был сделан и Н. В. Гоголем, поставившим перед русской литературой ясную цель: «Развлеченный миллионами блестящих предметов, раскидывающих мысли на все стороны, свет не в силах встретиться прямо со Христом. Ему далеко до небесных истин христианства. Он их испугается, как мрачного монастыря, если не подставишь ему незримые ступени к христианству, если не возведешь его на некоторое высшее место, откуда ему станет видней весь необъятный кругозор христианства и понятней то же самое, что прежде было вовсе недоступно. Есть много среди света такого, которое для всех, отделившихся от христианства, служит незримой ступенью к христианству» [Гоголь 1937–1952, т. 8: 269]. К сожалению, Гоголю не удалось создать поэтическую систему, способную решить эту задачу, – совершенство художественной формы его произведений зачастую заслоняло их содержание, и читатели видели в словах писателя лишь виртуозное смехотворство. Все попытки писателя подчинить форму содержанию оказались тщетны, он оставил художественное творчество и обратился к публицистике – появились «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

Тем не менее, замечает Л. И. Сараскина, опыт Гоголя имел огромное значение для последующих поколений писателей, работавших в русле православного реализма. по этому поводу: «Достоевский, осуществляя религиозную проповедь через искусство <...>, исправил ошибку Гоголя, отказавшегося от искусства, так как понял, что защиту христианства он, Достоевский, должен вести наиболее доступным ему путем. Поэтому художественное творчество стало для него одной из форм религиозной жизни...» [Сараскина 2016: 41]. Это была обычная жизнь обычного русского человека: исполнение заповедей Божиих, молитва, участие в богослужениях и таинствах, чтение Священного Писания и святоотеческой литературы. Так жили многие русские писатели и до Достоевского, и после. Следуя законам реализма, они изображали духовно-материальное единство мира таким, каким видели его через призму своей веры, неукоснительно следуя важнейшему творческому принципу, о котором говорил Д. С. Лихачев: русская «литература рассказывает или, по крайней мере, стремится рассказать не о придуманном, а о реальном. <...> Открытый вымысел не допускался» [Лихачев 1986: 8]. Твердое следование русского писателя принципу честности изложения основывалось на убеждении в том, что правда – основа жизни православного человека, помнящего слова Христа о том, что дьявол есть «лжец и отец лжи» (Ин. 8, 44).

Основными вопросами русской православной литературы с момента ее возникновения являются вопросы о том, почему человек нарушает богоустановленный закон и что ему нужно сделать, чтобы вернуться к нормальной жизни. Художественными вариантами ответов на эти вопросы стали романы Достоевского 1866–1880 гг. Так, в «Преступлении и наказании» описано действие духовного закона, обозначенного шестой заповедью Декалога⁵. В строгом соответствии с амартологией⁶ писатель показал, почему Раскольников преступил Божий и человеческий закон, а затем в столь же строгом соответствии с сотериологией⁷ рассказал об условиях и обстоятельствах его воскресения к новой жизни. Роман увидел свет в 1866 г., и с тех пор ни один авторитетный и образованный деятель Православной Церкви не нашел в словах писателя никаких расхождений с православным вероучением. Скорее наоборот, полное соответствие его идей православию позволило святому Иустину (Поповичу) назвать Достоевского «великим, бесстрашным православным апостолом, пророком, философом и поэтом» [Иустин 2007: 311].

В творчестве Достоевского реализм достиг своего наивысшего развития, став средством

изображения не только видимого, но и невидимого (духовного) мира ресурсами литературного языка. По этому поводу С. И. Фудель писал: «Христианство Достоевского в искусстве – это не речи проповедника. Это почти не определимая локально, но всегда ясно ощущаемая точка зрения на мир, какой-то луч света» [Фудель 2016: 111]. Свет Христовой истины пронизывает каждое слово православного писателя и воплощается в главной идее его творчества. По словам архиепископа Антония (Храповицкого), Достоевский «всё время писал об одном и том же. <...> Та объединяющая все его произведения идея, которую многие тщетно ищут, была не патриотизм, не славянофильство, даже не религия, понимаемая как собрание догматов, эта идея была из жизни внутренней, душевной, личной; она была не посылкой, не тенденцией, но просто центральной *темой* его повести, она есть живая, близкая всякому, его собственная действительность. *Возрождение* – вот о чем писал Достоевский во всех своих повестях: покаяние и возрождение, грехопадение и исправление, а если нет, то ожесточенное самоубийство; только около этих настроений вращается вся жизнь всех его героев, и лишь с этой точки зрения интересуется сам автор различными богословскими и социальными вопросами...» [Антоний 2007: 254–255].

Действительно, в каждом романе Достоевского есть персонажи, совершающие преступление сначала Божьего, а затем и человеческого закона. Некоторые из них впоследствии находят путь к новой жизни (Раскольников и Соня, Степан Трофимович и Шатов, Версиков и его сын, Алексей и Дмитрий Карамазовы и др.), а другие гибнут физически или духовно (Свидригайлов, Кириллов и Ставрогин, Крафт и Ламберт; старик Карамазов и Смердяков и т. д.). Тема богоотступничества образует основу внешних идей всех романов писателя. Но он не только исследует причины грехопадения человека, но и обязательно указывает ему путь ко спасению в строгом соответствии с православным учением о грехопадении и спасении. Это придает творчеству Достоевского неповторимое своеобразие и отличает его от творчества других писателей-реалистов, нередко только ставящих вопросы, но не отвечающих на них.

Единственный роман Достоевского, в котором нет выраженной сотерийной линии, – «Идиот» (1869). Но, во-первых, писатель сам считал этот роман неудачным: «...романом я не доволен; он не выразил и 10-й доли того, что я хотел выразить, хотя все-таки я от него не отрицаюсь и люблю мою неудавшуюся мысль до сих пор» [Достоевский 1972–1990, т. 29, кн. I: 10]. А во-

вторых, уже изначально замысел писателя был намного сложнее, чем изображение грехопадения одного человека. Образом главного героя Достоевский хотел опровергнуть представление о нравственном идеале, сложившееся в русском общественном сознании середины 1860-х гг. Возникнув на волне руссоизма и французского социализма, оно выражало представление о том, что человек может быть хорошим сам по себе, без внешних причин и собственных усилий. Подобные идеи не просто упраздняли Бога, они возводили на Его место человека, провоцируя его на акты безграничного своеволия.

В начале XIX в. основным средством описания духовного мира в России был церковнославянский язык, однако уже тогда он воспринимался читающей публикой как нечто архаичное и узко церковное. Главной причиной такого отношения была деструкция религиозного сознания, о которой в начале 1860-х гг. с тревогой говорил святитель Игнатий (Брянчанинов): «Дух времени таков и отступление от Православно-христианской веры начало распространяться так сильно, безнравственность так всеобща и так укоренилась, что *возвращение к христианству* (курсив наш. – О. С.) представляется невозможным» [Игнатий 2022]. Именно в это время Достоевский, следуя трудным путем православного писателя, смог осмыслить многовековой опыт европейской христианской культуры, обогатить его открытиями Пушкина, учесть ошибки Гоголя и придать православному реализму законченные формы. Найденные им художественные средства выражения православного взгляда на жизнь (православная поэтика) дали возможность говорить о духовном мире привычным для читателя литературным языком, утвердив православный реализм в качестве основного метода русской литературы.

Впоследствии в этом направлении работали А. К. Толстой, Н. С. Лесков, И. С. Шмелев. Отдельные аспекты сотерии и апостасии рассматривали в своем творчестве И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, П. И. Мельников-Печерский, А. Н. Островский, Н. Г. Помяловский, А. П. Чехов, Г. И. Успенский и др. Сложные метаморфозы православный реализм претерпел в творчестве литераторов Серебряного века и соцреализма. Фидеический анализ литературы этого времени должен стать предметом специального изучения, скажем лишь, что и в творчестве советских писателей середины XX в. (М. М. Пришвина, В. П. Астафьева, В. Г. Распутина и др.) можно найти идеологически редуцированные черты православного реализма.

Уже почти два тысячелетия православие следует учению Христа. Оно не претерпело тех во-

люнтаристских трансформаций, которые происходили в западном христианстве начиная с VIII в., и сохранило неразрывную связь со своим первоисточником – Священным Писанием и Преданием. Отдельные следы первоначального христианского реализма можно найти и в творчестве западноевропейских писателей: например, У. Шекспира, М. Сервантеса и В. Гюго. По этому поводу Достоевский говорил, что хотя в Европе XIX в. христианства уже нет, но она всё же «сделала много христианского <...> Ещё бы, не сейчас же там умерло христианство, умирало долго, оставило следы. Да там и теперь есть христиане, но зато страшно много извращенного понимания христианства» [Достоевский 1972–1990, т. 27: 57].

В завершение скажем, что православный реализм является основой православной литературы – литературы, созданной носителями православного мировоззрения и выражающей в художественной форме идеи и образы православия. Разнообразие этой литературы огромно, но ее духовное (православное) содержание никогда не было предметом организованного целенаправленного изучения. В конце XIX в. в процессе развития русской религиозной философии начали складываться условия для формирования фидеистики – сферы гуманитарного знания, изучающей формы художественного воплощения веры человека, однако этот процесс был прерван революцией 1917 г., вследствие чего на протяжении последующих семи десятилетий литературоведение могло быть только марксистско-ленинским.

Полагаем, наконец настало время обратиться к духовному содержанию русской литературы, по-прежнему остающейся для многих современных читателей и исследователей *terra incognita*. Православный реализм должен стать предметом внимательного и бережного изучения, включающего в себя помимо средств филологического исследования и ресурсы православного богословия, а при необходимости – и других гуманитарных наук. Систематизированное изучение православной поэтики – совокупности художественных средств выражения идей и образов православия – даст возможность выработать единую методологию, позволяющую находить и описывать фидеическое содержание в литературных произведениях самых разных жанров и эпох. В результате появится целостная картина русского литературного процесса в динамике развития российской и мировой литературы. Полагаем, творчество Достоевского имеет в этой связи особое значение. Совершенство художественных средств и приемов, достигнутое писателем, может стать эталоном при изучении произведений других писателей, работавших и работающих в

жанре православного реализма, а полученный таким образом опыт ляжет в основание конфессионально ориентированного (православного) литературоведения.

Примечания

¹ Курсив и иные формы выделения текста всегда (кроме особо оговоренных случаев) принадлежат его автору.

² От лат. *fide* – вера.

³ См. работы В. Е. Ветловской, И. А. Есаулова, В. Н. Захарова, Л. И. Сараскиной, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова, С. Л. Шаракова и др.

Вспомним, как Достоевский определял основную идею романа «Преступление и наказание»: «Православное воззрение. В чем есть православие» [Достоевский 1972–1990, т. 7: 75].

⁴ «Пророк» (1826) и «Памятник» (1836).

⁵ «Не убивай» (Исх. 20,13).

⁶ От греч. ἀμαρτία – промах, ошибка, грех; и λόγος – слово. Учение о грехе и его последствиях. Одним из последствий греха становится *апо-стасия* (от греч. ἀποστασία – отступничество, измена, мятеж. Богоотступничество). Именно так Соня определяет причину происшедшего с Раскольниковым: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..» [Достоевский 1972–1990, т. 6: 321].

⁷ От греч. σωτηρία – спасение и λόγος – учение. Учение о спасении.

Список литературы

Аванесян И. Б. Проблемы изучения духовного реализма как художественного метода в современном литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 2(20). С. 13–15.

Алексеев А. А. Проблема духовного реализма в русской классической литературе XIX века // Дергачевские чтения – 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 1998. С. 22–24.

Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок, 1849–1868. Отд. 2. СПб., 1879. 404 с.

Антоний (Храповицкий), архиеп. Избранные труды. Письма. Материалы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. 1056 с.

Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. М.: ЗАХАРОВ, 2001. 173 с.

Ветловская В. Е. Анализ эпического произведения: Проблемы поэтики. СПб.: Наука, 2002. 213 с.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / гл. ред. Н. Л. Мещеряков; АН СССР,

Ин-т литературы (Пушкин. дом). М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Есаулов И. А. Христианский реализм как художественный принцип русской классики // Феномен русской духовности: словесность, история, культура: материалы Междунар. науч. конф. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. С. 9–19.

Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Вып. 3 / отв. ред. В. Н. Захаров; ПетрГУ. Петрозаводск, 2001. С. 5–20.

Иванов А. В. Руководство к изучению книг Священного Писания Нового Завета. СПб., 2008. 911 с.

Игнатий (Брянчанинов), святитель. О необходимости Собора для Российской Православной Церкви. Записки епископа Игнатия Брянчанинова (1862–1866 гг.). URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-pravoslavnoj-tserkvi-grabbe/17_2 (дата обращения: 05.06.2022).

Иларион Киевский, митр. Слово о Законе и Благодати / Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 26–62.

Иустин (Попович), преподобный. Философские пропасти. 2-е изд., испр. / Издат. совет РПЦ. М., 2005. 288 с.

Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. 312 с.

Коняев Н. М. Православный реализм-литература будущего: доклад, прочитанный 05.04.2006 на X Всемирном Русском Народном Соборе, посвященном теме «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке». URL: <http://www.voskres.ru/idea/koniaev.htm> (дата обращения: 06.03.2022).

Лихачев Д. С. Литература Древней Руси / Изборник: Повести Древней Руси. М.: Худож. лит., 1986. 447 с.

Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.

Сараскина Л. И. «Достоевский жил с нами всё это время...» // Фудель С. И. Наследство Достоевского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь, 2016. С. 3–42.

Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб.: Круга, 2010. 400 с.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. ИРЛИ. 2-е изд.,

испр. и доп. Т. 1. Письма, 1831–1849. М.: Наука, 1982. 607 с.

Фудель С. И. Наследство Достоевского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь, 2016. 340 с.

Черников А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека. Калуга: Калуж. обл. ин-т усоверш. учит., 1995. 341 с.

References

Avanesyan I. B. Problemy izucheniya dukhovnogo realizma kak khudozhestvennogo metoda v sovremennom literaturovedenii [Problems of spiritual realism study as an artistic method in modern literary criticism]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2013, issue 2 (20), pp. 13–15. (In Russ.)

Alekseev A. A. Problema dukhovnogo realizma v russkoy klassicheskoy literature XIX veka [The problem of spiritual realism in Russian classical literature of the 19th century]. *Dergachevskie chteniya – 98. Russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti* [Dergachev Readings – 98. Russian Literature: National Development and Regional Features]. Yekaterinburg, 1998, pp. 22–24. (In Russ.)

Annenkov P. V. *Vospominaniya i kriticheskie ocherki. Sobranie statey i zametok, 1849–1868* [Memoirs and critical essays. Collection of articles and notes, 1849–1868]. Part 2. St. Petersburg, 1879, 404 p. (In Russ.)

Antony (Khrapovitsky), Archbishop. *Izbrannye trudy. Pis'ma. Materialy* [Selected works. Letters. Materials]. Moscow, Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities Press, 2007. 1056 p. (In Russ.)

Berdyaev N. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Moscow, Zakharov Publ., 2001. 173 p. (In Russ.)

Vetlovskaya V. E. *Analiz epicheskogo proizvedeniya: Problemy poetiki* [Analysis of an Epic Work: Problems of Poetics]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 213 p. (In Russ.)

Gogol N. V. *Polnoe sobranie sochineniy* [The Complete Works: in 14 vols.]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Press, 1937–1952. (In Russ.)

Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochineniy* [The Complete Works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

Esaulov I. A. *Khristianskiy realizm kak khudozhestvennyy printsip russkoy klassiki* [Christian realism as an artistic principle of Russian classics]. *Fenomen russkoy dukhovnosti: slovesnost', istoriya, kul'tura* [The Phenomenon of Russian Spirituality: Literature, History, Culture: Proceedings of the International Scientific Conference]. Kaliningrad, Im-

manuel Kant Russian State University Press, 2007, pp. 9–19. (In Russ.)

Zakharov V. N. Khristianskiy realizm v russkoy literature (postanovka problemy) [Christian realism In Russian literature (problem statement)]. *Evangelijskiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in the Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motive, Plot, Genre: Collection of Scientific Papers]. Issue 3. Ed. by V. N. Zakharov. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Press, 2001, pp. 5–20. (In Russ.)

Ivanov A. V. *Rukovodstvo k izucheniyu knig Svyashchennogo Pisaniya Novogo Zaveta* [A Guide to the Study of the Books of the Holy Scriptures of the New Testament]. St. Petersburg, 2008. 911 p. (In Russ.)

Ignatius Brianchaninov, Bishop. *O neobkhodimosti Sobora dlya Rossiyskoy Pravoslavnoy Tserkvi. Zapiski episkopa Ignatiya Bryanchaninova (1862–1866 gg.)* [On the Need for a Council of the Russian Orthodox Church. Notes of Bishop Ignatius Brianchaninov (1862–1866)]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-pravoslavnoj-tserkvi-grabbe/17_2 (accessed 05 June 2022). (In Russ.)

Hilarion of Kiev, Metropolitan. *Slovo o Zakone i Blagodati* [The Sermon on Law and Grace]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of the Literature of Ancient Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 1, pp. 26–62. (In Russ.)

Iustin (Popovich), Reverend. *Filosofskie propasti* [Philosophical Abysses]. 2nd rev. ed. Moscow, Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2005. 288 p. (In Russ.)

Iustin (Popovich), Reverend. *Filosofiya i religiya F. M. Dostoevskogo* [The Philosophy and Religion of F. M. Dostoevsky]. Minsk, Publishing House of D. V. Kharchenko, 2007. 312 p. (In Russ.)

Konyaev N. M. *Pravoslavnyy realizm – literatura budushchego: doklad, pročitanny 05.04.2006 na X Vsemirnom Russkom Narodnom Sobore, po-*

svyashchennom teme ‘Vera. Chelovek. Zemlya. Missiya Rossii v 21 veke’ [Orthodox Realism as the Literature of the Future: the Report Delivered on April 5, 2006 at the X World Russian People’s Council Dedicated to the Topic ‘Faith. Human. Earth. Russia’s Mission in the 21st Century’]. Available at: <http://www.voskres.ru/idea/koniaev.htm> (accessed 06 Mar 2022). (In Russ.)

Likhachev D. S. *Literatura Drevney Rusi* [The Literature of Ancient Russia]. *Izbornik: Povesti Drevney Rusi* [Anthology: Stories of Ancient Russia]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 447 p. (In Russ.)

Lyubomudrov A. M. *Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh’ya: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev* [Spiritual Realism in the Literature of Russian Community Abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. St. Petersburg, ‘Dmitriy Bulanin’ Publ., 2003. 272 p. (In Russ.)

Saraskina L. I. ‘Dostoevskiy zhil s nami vse eto vremya...’ [Dostoevsky has been living with us all this time]. Fudel’ S. I. *Nasledstvo Dostoevskogo* [Dostoevsky’s Legacy]. 3rd rev. and exp. ed. Moscow, Russkiy put’ Publ., 2016, pp. 3–42. (In Russ.)

Stepanyan K. A. *Yavlenie i dialog v romanakh F. M. Dostoevskogo* [The Phenomenon and Dialogue in the Novels by F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2010. 400 p. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis’ma. V 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters. In 18 vols.]. Institute of Russian Literature. 2nd rev. and exp. ed. Moscow, Nauka Publ., 1982, vol. 1. Pis’ma, 1831–1849 [Letters, 1831–1849]. 607 p. (In Russ.)

Fudel’ S. I. *Nasledstvo Dostoevskogo* [Dostoevsky’s Legacy]. 3rd rev. and exp. ed. Moscow, Russkiy put’ Publ., 2016. 340 p. (In Russ.)

Chernikov A. P. *Proza I. S. Shmeleva: kontseptsiya mira i cheloveka* [I. S. Shmelev’s Prose: the Concept of the World and Man]. Kaluga, Kaluga Regional Institute of Improving Teachers’ Qualification Press, 1995. 341 p. (In Russ.)

Orthodox Realism in the Works by Fyodor Dostoevsky

Oleg I. Syromyatnikov

Professor in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. pani-perm@list.ru

SPIN-code: 9651-1120

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-3857>

Submitted 08 Oct 2022

Revised 11 Mar 2023

Accepted 28 Mar 2023

For citation

Syromyatnikov O. I. Pravoslavnyy realizm v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [Orthodox Realism in the Works by Fyodor Dostoevsky]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 131–140. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-131-140 (In Russ.)

Abstract. The article aims to define the artistic method of F. M. Dostoevsky in the light of new ideas about the ideological content and poetics of the writer's works. As is known, Dostoevsky worked in the genre of realism, he called himself a realist, and it is easy to notice the features of social, psychological, philosophical, and even political realism in his writings. At the same time, there was always something else in them, something more significant and adding unique originality to the writer's works. A number of modern researchers (I. B. Avanesyan, A. A. Alekseev, V. A. Voropaev, M. M. Dunaev, V. N. Zakharov, Yu. V. Lebedev, A. M. Lyubomudrov, L. I. Saraskina, K. A. Stepanyan, A. N. Uzhankov, and others) consider this phenomenon to be grounded in the cultural European Christian tradition. The results of the study of Dostoevsky's works by means of historical-cultural and comparative-historical methods generally confirm this assumption, but it needs significant clarification. Using the comparative typological method, the author of the article explores various points of view on Dostoevsky's poetics, systematizes the results obtained on the basis of an original methodological approach, and comes to the conclusion that the most precise term conveying the features of the writer's artistic method is 'Orthodox realism'.

It is known that Dostoevsky called his method 'complete realism', 'realism in the highest sense', absolutely rejecting the label of a writer-psychologist. This circumstance has repeatedly attracted the attention of researchers. While studying various concepts and analyzing Dostoevsky's own views on the goals and objectives of artistic creativity, the author of the article comes to the conclusion that 'realism in the highest sense' is based on the principle of transforming the Orthodox view of the world into artistic imagery – 'Orthodox realism'. It has been the main principle of Russian literature since its appearance, having countless embodiments in the works of Russian writers. Dostoevsky creatively rethought the experience of European and Russian Christian literature and raised the method of Orthodox realism to an unattainable height.

Key words: Russian literature; F. M. Dostoevsky; spiritual realism; artistic method; Orthodox realism.

УДК 821.581

doi 10.17072/2073-6681-2023-2-141-149

Образ Красной Птицы в китайской культуре и фольклоре

*Исследование проводится при поддержке Государственного комитета по стипендиям КНР
(грант № 202008230289)*

Чжан Шанхэ

аспирант кафедры истории русской литературы

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. 18846420218@163.com

SPIN-код: 7107-6981

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9460-3397>*Статья поступила в редакцию 06.05.2022**Одобрена после рецензирования 22.09.2022**Принята к публикации 27.02.2023***Информация для цитирования**

Чжан Шанхэ. Образ Красной Птицы в китайской культуре и фольклоре // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 141–149. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-141-149

Аннотация. Образ Чжу-няо (Красной Птицы) знаком специалистам по истории и мифологии древнего Китая. В статье рассматривается происхождение образа Красной Птицы и развитие представлений о Чжу-няо в китайской культуре и философии. Цель исследования – проанализировать семантику и символику образа Красной Птицы, установить различие между представлениями о Красной Птице и Фениксе, объяснить проекции образа Красной Птицы в китайской орнаментальной культуре и фольклоре. Новизна исследования заключается в систематизации и обобщении значений образа Красной Птицы в китайской культуре. Автор приходит к выводу, что образ Чжу-няо олицетворяет поклонение древних китайских первобытных предков тотему птицы, тотему солнца и тотему созвездия. Семантика образа Красной Птицы в китайской культуре и фольклоре классифицируется по трем категориям. Красная Птица – прежде всего орнитоморфный символ стороны света: Чжу-няо (Юг) входила в четверку зооморфных символов наряду с Цин-луном (Восток), Бай-ху (Запад) и Сюань-у (Север). Красная Птица также является символом удачи и демонстрирует представление китайского народа о молитве на удачу. Кроме того, образ Красной Птицы стал одним из четырех символов даосизма. Несмотря на то что у образа Красной Птицы разные символические значения, ее семантика не выходит за пределы контекста китайской традиционной культуры и национальной психологии. Практическая значимость исследования заключается в открывающихся перспективах изучения семантики и символики мифических образов в китайской культуре. Результаты исследования могут быть использованы при изучении китайских мифологических образов и персонажей-животных в китайских фольклорных и литературных произведениях.

Ключевые слова: священные животные Китая; божество Юга; культ Чжу-няо; образ Красной Птицы; семантика и символика.

Введение

Мифологические образы играют важную роль в истории китайской культуры и философии. В древние времена, когда предки не могли рационально объяснить многие явления природы на небе и на земле, китайский народ создал множество произведений, где эти явления объяснялись

с мифологических позиций, и так родились «Шань хай цзин» и «Чжоу И». Неразрешимые явления приписываются таким факторам, как божественная сила, Ци, Инь-Ян и пять стихий. Красная Птица – это одно из воплощений божественной силы. Чжу-няо входила в четверку зооморфных символов сторон света наряду с Цин-

луном, Бай-ху и Сюань-у. Образ Красной Птицы олицетворяет поклонение древних китайских первобытных предков тотему птицы, тотему солнца и тотему созвездия, когда-то ему придавалось семантическое значение благоприятности и благородства, а также отпугивания зла. С течением времени образ Чжу-няо приобрел различные новые символические значения, которые стали частью китайской культуры.

Образ Чжу-няо (Красной Птицы) знаком специалистам по истории и мифологии древнего Китая. «После “парада планет” 1059 г. до н. э. она стала полноценным символом юга и Неба, их орнитоморфным аватаром. Этот факт очень недооценивается упоминающими Красную Птицу исследователями, что не дает возможности оценить ту огромную роль, которую этот персонаж сыграл в становлении чжоуской идеологии и чжоуского же династического мифа», – пишет российский синолог [Блюмхен 2016: 421]. Отдавая должное его труду, мы сосредоточимся на современных работах исследователей КНР, освещающих данный вопрос.

Представление о Красной Птице в китайской культуре

Красная Птица в китайском языке называется *Чжу Няо* или *Чжу Цюэ* и пишется 朱雀 (朱雀). Она является божеством Юга в системе Четырех божеств и считается в китайской культуре священным животным с соответствующей стихией огня.

Полагают, что словосочетание «Красная Птица» возникло в период Сражающихся царств, когда утвердилась система пяти стихий (т. е. золото, дерево, вода, огонь и земля) в сочетании с пятью сторонами (восток, запад, север, юг и центр) и пятью цветами (зеленый, белый, красный, черный и желтый). Приписывали пять цветов и пять сторон в соответствии с пятью стихиями и Инь-Ян. Кроме того, каждому цвету соответствовало свое божественное животное: востоку – Зеленый дракон Цин-лун 青龙, западу – Белый тигр Бай-ху 白虎, югу – Красная птица Чжу-няо 朱雀, северу – Чёрная черепаха Сюань-у 玄武 и центру – Желтый цвет 黄龙. «Первым опытом чжоусцев в области применения космологических понятий в идеологических целях стали, судя по всему, *зооморфные символы* стран света. В новой системе символом Неба стала Красная птица – так называли семь созвездий, входящих в Нань-гун 南宮 (Южный дворец), южный квадрант неба» [Блюмхен 2016: 421].

Понятие *Красная Птица* рождено по ассоциации: Юг ассоциируется с *красным цветом*,

а южные созвездия очертаниями напоминают *птицу* – сочетание их приводит к появлению термина [Янь Цзесюнь 2021: 8].

Энциклопедия династии Сун «Мэн си би тань» («Записи бесед в Мэнси») так описывает образ Красной Птицы: «Знаками четырех сторон являются Зеленый Дракон, Белый Тигр, Красная Птица и животное, сочетающее в себе черепаху и змею, из которых только Красная Птица неизвестна. Но называться птицей и быть красного цвета означает, что их стая красноперых, и летит вверх, собравшись вместе, и является символом огня. Красная Птица, как говорят астрономы, происходит от перепела (Чунь). Таким образом, есть семь созвездий южной Красной Птицы, т. е. три зодиакальных созвездия южной четверти неба: Чуньшоу, Чуньхо, Чуньвэй» (цит. по: [Ван Сяодунь 2008: 844] (перевод наш. – Ч. III.)).

В древнем Китае предки разделили свет на четыре стороны, и семь главных созвездий в каждой части были соединены, чтобы показать становление формы, которой затем было дано название.

Созвездия (Колодец, Демон, Ива, Звезда, Раскрытая сеть, Крыло, Телега) на Юге образуют форму птицы, которая известна как Красная птица. Зеленый дракон, Белый тигр и Сюань-у – это четыре божества, охраняющие свет. Зеленый дракон и Белый тигр – храбрые и высокие, поэтому являются главными хранителями зла; Красная птица и Сюань-у (божество, состоящее из черепахи и змеи) – огонь и вода – являются главными хранителями Инь и Ян. В книге «Дао Цзин» записано: «Юг, его образ как Красная Птица, божество огня... Четыре образа формируют мир, устанавливают Вселенную, являются хозяевами неба и земли, называются четырьмя знаками» (цит. по: [И Мин 1988] (перевод наш. – Ч. III.)).

«Если учесть, что пространственные построения древнего Китая неизменно сочетали горизонтальный ракурс мироздания с вертикальным, то Верхнему миру соответствует символ юга – Красная Птица, Среднему миру – находящиеся на оси восток–запад Цин-лун и Бай-ху, а Нижнему миру – Сюань-у. Применительно к политической ситуации времён соперничества Шан-Инь и Чжоу, упомянутое пространственное построение было исполнено глубокого смысла...», – комментирует мифологические и политические аналогии российский автор [Блюмхен 2016: 421].

В целом священные животные являются у китайских первопредков образным выражением «небесных явлений», поскольку одна из них, Красная Птица, является общим названием семи

южных астрологических созвездий, представляет собой огонь и Ян.

В китайской культуре и фольклоре при изображении внешнего вида Красной Птицы в основном акцент делается на цвете. В то же время образ Красной Птицы часто сопровождается огнем. В народной сказке «Красная Птица победила японских пиратов» говорится, что японские солдаты в 1555 г. ограбили деревенскую девушку Цуй Цюэ, но ее спасла девушка в красном. Девушка в красном хотела взять Цуй Цюэ в ученицы, однако родители Цуй Цюэ не согласились, и Красная Птица внезапно появилась посреди ночи и забрала Цуй Цюэ из родительского дома. Позже Цуй Цюэ сыграла важную роль в борьбе с японцами. Считалось, что она является перевоплощением души Красной Птицы. В данной сказке Красная Птица изображается так: «Со вспышкой красного света, мелькнувшей перед глазами, птица красного цвета расправила крылья и влетела в дом, и дом сразу запылал <...> Это Красная Птица полетела на юг и исчезла в мгновение ока» (перевод наш. – Ч. III.).

В китайской культуре красный цвет является самым заметным и известен во всем мире как «национальный цвет», символизирующий радость, удачу и надежду. Китайский культ красного цвета имеет два основных источника: культ крови и культ природы (включая культ солнца, культ огня и культ птицы) [Мэнь Дэлай, Тан Лань 2010: 95]. Культ природы носит натуралистический характер, выявляет позитивную символику красного цвета, представляя возвышенное и благородное, которые пересекаются и взаимосвязаны, так как принадлежат к одной семантической системе.

Существуют ранние китайские солярные мифы, свидетельствующие о культе солнца у древних предков: «Хоу И пронзает солнце» и «Куа Фу гоняется за солнцем». Солнце дало человечеству всё необходимое. В позднем первобытном обществе открытие и использование огня изменило условия выживания человека. Как указывает немецкий ученый Теодор Липпс в труде “The Origin of Things (A Cultural history of Man)”, поклонение огню берет свое начало в поклонении солнцу [Липпс Теодор, Ван Ниншэн 2002]. От культа солнца пришел культ огня и продолжил культ красного цвета.

Культ солнца – это ритуал поклонения природе у первобытных людей. Однако, в отличие от солярного культа у других народов, китайский культ солнца конкретно представлен в образе птицы. Прямая связь между культом птицы и солярным культом была признана исследовате-

лями, отмечающими: «Культе птицы связан с культом солнца и является трансформированным выражением примитивного культа солнца; другими словами, культ птицы является продолжением идеи культа солнца» [Ма Юйкунь 2015: 220] (перевод наш. – Ч. III.).

Культ солнца, культ огня и культ птицы неразрывно связаны. Образ Красной Птицы не является реально существующим – появление данного образа восходит к поклонению птицам предками неолитического Китая. В древние времена, поскольку сбор урожая зависел от солнца, предки благоговели перед ним, и слияние образа птицы с солнцем было важным символом первобытного общества. Постепенно создавались изображения священных птиц, обладающих какой-то природной силой. Красная Птица считается одной из них.

Соотношение мифологических образов Красной Птицы и Феникса – китайского Фэнхуана

В древнекитайской мифологии Фэнхуан – чудесная царь-птица. «Некоторые ученые предполагают, что *хуан* – изначально это название особого гребня на голове птицы *фэн*, графически представляющего собой изображение *восходящего солнца*, лучи которого напоминают *трезубец*. Возможно, что еще одно свидетельство *солярной природы* образа птицы *фэн* – соотнесенность со *стихией огня* в классификационной системе по пяти первоэлементам» [Рифтин 1994. Т. 2: 574].

Во многих случаях характеристики Красной Птицы часто приводили к неразличению этого образа и образа Феникса – Фэнхуана. В западноевропейской и русской литературе Фэнхуан обычно трактуется как птица Феникс. В последнее время, под влиянием западного мифа о Фениксе – птице, возрождающейся из огня, китайцы также стали воспринимать Феникса как Красную Птицу. В древних источниках сохранились сведения, что «Фэнхуан живет (или рождается) в Дяньчжу (киноварной пещере), соотнесенной с югом, что привело к контаминации образа Фэнхуана с образом Чжуняо (или Чжуцяо) – Красной птицы, символом юга» [там же].

Однако на самом деле Красная Птица и Феникс – это два различных мифологических образа. По мнению исследователя из КНР, и Красная Птица, и Феникс встречаются в одной литературе в периодах Цинь и Хань. Красная Птица – символ стороны света, а Феникс – сверхъестественная птица, благоприятствующая миру и гармонии. В Апокрифах птица Феникс, предве-

щающая мир и процветание, сопряжена с огнем юга, что стало причиной связи Феникса с югом как стороной света и положило начало контаминации образов Красной Птицы и Феникса. Когда Феникс также вошел в даосскую культуру, представления о двух существах полностью слились в сознании людей в один целостный образ. В большинстве даосских книг Феникс не только соотносится с благоприятными предзнаменованиями, а Красная Птица не только обозначает сторону света – эти две птицы становятся божественными птицами с одинаковой природой. В литературе, начиная с династии Сун, Красная Птица и птица Феникс обе могут являться священными птицами и относиться к стороне света (юг). Даосизм, таким образом, является ключевым звеном в аналогии между образами Красной Птицы и Феникса [Чэн Цзянь 2014: 136].

С образом Феникса, как и с образом Красной Птицы, связаны сказочные сюжеты. «Происхождение сказки из мифа не вызывает сомнения. Многочисленные тотемические мифы <...> широко отразились в сказках о животных» [Мелетинский 2000: 262–263]. Приведем одну из сказок, объясняющую, откуда у Фэнхуана красивое оперение – не случайно его сравнивают с павлином.

Говорят, что давным-давно феникс был маленькой, невзрачной птицей с обычным оперением. Но у феникса было преимущество: он был очень трудолюбив и, в отличие от других птиц, был занят с утра до ночи, постоянно собирая плоды, которые другие птицы выбрасывали, и складывая их в пещеру один за другим.

Кто-то может спросить: какой в этом смысл? А вот какой.

Однажды в лесу случилась засуха. Птицы не могли найти никакой пищи и были настолько голодны, что у них кружилась голова. В этот момент феникс поспешно открыл свою пещеру и достал оттуда сушеные фрукты и семена, которые он копил годами, чтобы поделиться с птицами.

После засухи, чтобы отблагодарить феникса за спасение их жизни, птицы выбрали из своих тел самые красивые перья, сделали для феникса великолепный плащ и единогласно избрали его царем птиц.

В дальнейшем, чтобы поздравить феникса с днем рождения, птицы слетались со всех сторон, что и послужило причиной возникновения сказки «Тысяча птиц поклоняются фениксу» [Народная сказка: Тысяча птиц поклоняются фениксу 2022] (перевод наш. – Ч. III.) В старину «Тысяча птиц поклоняются фениксу» была метафорой, обозначавшей святого правителя, которому по-

клонялись все люди мира, но позже ее стали использовать и для описания человека с высокими моральными устоями, пользующегося всеобщим уважением.

Семантика и символика образа Красной Птицы

Красная Птица – прежде всего символ стороны света в китайской культуре, олицетворяющий представление мироздания древних китайских предков. В документе династии Мин, «Шаогу цзи» (《少谷集》), записано, что «семь созвездий Красной Птицы – это юг неба». Считается, что Красная Птица, по сути, является олицетворением южного неба.

Изучение контекста образа Красной Птицы неотделимо от древней астрономии. В «Цзо чжуань» и других текстах доциньского периода содержится большое количество описаний небесных явлений, включая главные созвездия и звезды. Конфуцианство с первых дней своего существования демонстрировало понимание небесных явлений, воплощенное в модели «Четыре дома и четыре знака» (四宫四象). Существуют две модели выражения четырех домов и четырех знаков в династии Хань. Одна представлена в «Тяньгуань Шу» (《天官书》): «Восточный дом – Зеленый Дракон, Южный дом – Красная Птица, Западный дом – Сянь Чи и Северный дом – Сюань У – это четыре дома и четыре знака» [Ли Чжэнь 2015: 3]. Другой вариант иллюстрируется в «Шан Шу Вэй» (《尚书纬·考灵曜》): «Впереди – Красная Птица, сзади – Сюань У, слева – Зеленый Дракон и справа Белый Тигр» [там же: 4] (перевод наш. – Ч. III.). Обе системы используются тогда, когда люди стоят на земле и смотрят на небо, т. е. четыре стороны света на земле обозначают четыре измерения неба, из которых Красная Птица символизирует Юг.

Красная Птица является символом удачи и демонстрирует представление китайского народа о молитве на удачу. В китайской культуре священных животных можно разделить на две категории: благоприятные и неблагоприятные. К благоприятным в основном относятся пять животных: Красная Птица, Сюань У, Зеленый дракон, Белый тигр и Цилинь. Священные животные – это образы животных, не существующих в природе. В течение длительного периода времени люди поклонялись божественным животным, верили в то, что они могут принести людям удачу и защитить их от бедствий.

В серии книг под редакцией Яна Шуфэя «Художественный словарь китайской живописи эпохи Хань» в книге «Счастливые предзнаменова-

ние» обобщены изображения божеств и чудовищ, встречающиеся на портретных камнях страны, в том числе 26 видов, таких как Красная Птица, Сюань У, Нефритовый заяц и т. д. [Ян Сюйфэй, Ян Юньцзин 2014]. В «И Вэнь Лэй Цзюй» говорится: «Император действует в соответствии с волей неба, и Красная птица прилетает с грамотой» [Оян Сюнь, Ван Шаоин 2007: 1712]. А в «Сун Шу» сказано: «Красная Птица, прилетевшая с грамотой во времена царя Вэнь-ван из Чжоу» [Сун Шу 1974: 812] (перевод наш. – Ч. III.). Таким образом, становится ясно, что Красная Птица – это священное животное, имеющее благоприятные коннотации, особенно в политике.

Вместе с тем во времена династии Хань, когда была распространена даосская культура, образ Красной Птицы стал одним из четырех символов даосизма. Даосы отстаивали идею бессмертия и вознесения бессмертных и сделали образ Красной Птицы объектом духовной поддержки и почитания. Красная Птица, с ее распахнутыми крыльями и стремлением к полету, символизировала путь души, ведущий на небо. В даосизме Красная Птица рассматривалась как божество, которое вело людей на небо после смерти. В «Чуских строфах» сказано: «飞朱鸟使先驱兮，驾太一之象舆» (Перевод: Приказал Красной Птице лететь высоко впереди, чтобы указывать путь, и ехал плавно на колеснице из слоновой кости богов небесных.) [Цюй Юань 2019: 293]. В поэме Красная Птица изображена летящей высоко, указывающей путь вперед, медленно движущейся к небу, где она хранит видение выживания народа, который «поднимается к бессмертию» [Цао Цюньюн 2007: 91–92]. Красная Птица часто изображается на фресках гробниц как проводник душ умерших к бессмертию, ее образ размещается на южной стене гробницы, напротив Сюань У.

Проекции Красной Птицы в китайской орнаментальной культуре и фольклоре

Орнамент с изображением Красной Птицы был наиболее распространен в династии Хань. В работе «История искусства Цинь и Хань» автор указывает: «Орнамент Красной Птицы часто изображает животное, состоящее из головы феникса, клюва орла, шеи лебедя и хвоста рыбы, с высокой короной на голове, с хвостом павлина, с расправленными перьями и крыльями, готовыми к полету, гордо поднятыми или согнутыми лапами и откинутыми назад в попытке создать впечатление высокого полета» [Чжэн Цзюнь 2005: 145] (перевод наш. – Ч. III.). Для сравнения приведем описание внешности Фэнхуана из словаря

I века «Шовэнь Цзецзы» («Толкование знаков»): клюв петуха, зоб ласточки, шея змеи, на туловище узоры, как у дракона, хвост рыбы, спереди как лебедь, сзади как единорог-цилинд, спина черепахи [Сюй Шэнь 2005: 199].

Большое количество орнаментов солнечных птиц появляется на гробницах протодревнего периода, а орнаменты Красных Птиц – на дверях гробниц и настенных росписях камер периодов Цинь и Хань [Янь Цзесюнь 2021: 17]. По мнению исследователя, династии Цинь и Хань были периодами развития и расцвета орнамента Красной Птицы. Хотя представление о Красной Птице сформировалось в период Сражающихся царств, оно было широко распространено среди населения династий Цинь и Хань, когда доверие предков к священной Красной Птице и поклонение ей были наиболее значительными. Использование орнамента Красной Птицы более распространено и ярко выражено на погребальных фресках, портретных кирпичах, круглых черепицах и керамике, раскопанных во времена династии Хань (рис. 1–4).

Рис. 1. Круглая черепица с орнаментом Красной Птицы (Хань). Музей Кирпича Цинь и Черепицы Хань, г. Сиань, Китай

Fig. 1. A circular tile with the Red Bird ornament (Han), Xi'an Qin Brick and Han Tile Museum, city of Xi'an, China

Рис. 2. Пустотелый кирпич с орнаментом Красной Птицы (Западная Хань). Музей Маолин, г. Сяньян, Китай

Fig. 2. Hollow brick with the Red Bird ornament (Western Han), Maoling Museum, city of Xianyang, China

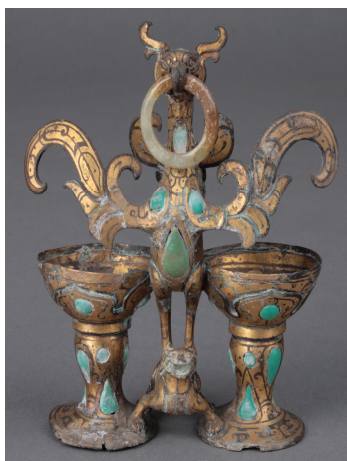

Рис. 3. Бронзовый кубок с изображением Красной Птицы, держащей кольцо в клюве (Западная Хань). Музей Хэбэй, г. Шицзячжуан, Китай

Fig. 3. A bronze cup with an image of a Red bird holding a ring in its beak (Western Han), Hebei Museum, city of Shijiazhuang, China

Рис. 4. Лакированная посуда с расписным облачным орнаментом с изображением Красной птицы, хватающей змею. Музей Аньхой, г. Хэфэй, Китай

Fig. 4. A piece of lacquerware with a cloud ornament and an image of a Red bird grabbing a snake, Anhui Museum, city of Hefei, China

Известный синолог Б. Л. Рифтин указывал, что существуют «многочисленные изображения Чжу-няо на могильных рельефах рубежа и начала н. э. в виде птицы, напоминающей фэн-хуана. <...> Чжу-няо в древности изображалась на знаменах, которые несли впереди войска (юг считался наиболее почётной стороной света)» [Рифтин 2007: 728].

В фольклоре образ Красной Птицы отражен в китайских народных поговорках, например: «Если Красная Птица откроет рот, семья разрушается». Согласно традиционному китайскому фэншуй, дом располагается на севере лицом к югу. Красная Птица олицетворяет юг и поэтому представляет также входную дверь дома, известную как «Минтан». «Красная Птица откроет рот» – этот известный образ используется в

фэншуй, как «开口煞» (Демон открытия) или «朱雀煞» (Демон Красной Птицы). Под демоном (煞) понимается злой дух, который не благоприятствует человеку. По мнению древних, входная дверь дома не должна быть обращена к открывающемуся или закрывающемуся предмету, например, ко входу в чужой дом, окну. «Ци» – очень важное понятие в китайской культуре и философии, это первоисточник всего сущего, и оно также имеет первостепенное значение в фэншуй. Если «Красная Птица откроет рот», это приведет к потере семейной удачи, оттоку денег и даже физической слабости членов семьи в результате утраты энергии, т. е. к разрушению дома и семьи.

Другая пословица, связанная с образом Красной Птицы, гласит: «Красная Птица поднимает голову и приводит к тюрьме, Сюань-у опускает голову и не имеет опоры». В Китае, согласно учению фэншуй, большое значение имеет расположение дома и его дизайн. Если к югу от своего дома находится высокое здание, это чужое пространство может повлиять на собственный дом и привести к тюрьме. Похожая пословица гласит: «Солнечный свет исчезнет, когда Красная Птица поднимет голову, а женщина будет главенствовать над мужем». По аналогии с предыдущим высказыванием, наличие более высокого дома к югу от собственного дома, куда не попадает солнечный свет, приведет к тому, что дом будет холодным и мрачным, то есть Инь будет сильным, а Ян – слабым. Это предвещает в семье снижение статуса хозяина и повышение статуса хозяйки, а также разлад в семье.

К дизайну дома относится пословица: «Сажая пять деревьев в Красной Птице, а золотая лягушка переходит из поколения в поколение». Речь идет о посадке пяти видов деревьев в пространстве внутреннего двора. Золотая лягушка символизирует богатство. Пословица указывает на богатство семьи и процветание поколений и выражает добрые, сердечные пожелания.

Заключение

Изложенный материал позволяет сделать выводы, что Чжу Цюэ, или Чжу-няо, или Красная Птица стала мифологическим образом в современной китайской культуре и философии, воплощая в себе поклонение священным птицам как выражение зооморфизма и анимизма древних китайских предков, наряду с поклонением солнцу, огню и другим культам природы. Происхождение и символическое развитие концепции образа Красной Птицы тесно связано с созвездием китайского зодиака, пяти элементов-стихий и

Инь-Ян. Чжу-няо входила в четверку зооморфных символов сторон света наряду с Цин-луном, Бай-ху и Сюань-у. Многообразная семантика Красной Птицы приводит к различным культурным коннотациям и разнообразию символики. Мифологический образ Красной Птицы все еще сохраняется и функционирует в современной культуре и фольклоре, выражая китайский традиционный взгляд на Вселенную, а также его духовный потенциал.

Список литературы

Блюмхен С. И. У истоков чжоуской идеологии: мифы о Красной птице и Хоу-Цзи // Общество и государство в Китае. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. С. 419–438.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринт. М.: Вост. лит. РАН, 2000. 407 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока.)

Рифтин Б. Л. Чжу-няо, Чжу-цяо (Красная птица) // Духовная культура Китая: Энциклопедия в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2007. С. 728.

Рифтин Б. Л. Фэнхуан // Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 574.

Ван Сяодунь 2008 – 王小盾. 中国早期思想与符号研究. 上海: 上海人民出版社, 2008: 844页. [Ван Сяодунь. Исследования ранней китайской мысли и символов. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2008. 844 с.]

И Мин 1988 – 佚名. 道藏. 天津: 天津古籍出版社, 1988: 434页. [И Мин. Даоцан. Тяньцзинь: Тяньцзиньское изд-во древних книг, 1988. 434 с.]

Ли Чжэнь 2015 – 李振. 中国早期天象图研究. 上海大学, 博士论文, 2015. [Ли Чжэнь. Исследование образа Неба в раннем Китае. Шанхайский университет, диссертация доктора, 2015.]

Липс Теодор 2002 – 利普斯著,汪宁生译. 事物的起源,敦煌文艺出版社. 2002. [Липс Теодор, Ван Ниншэн. Происхождение вещей / пер. Ван Ниншэн. Изд-во «Дуньхуан вэньи», 2002. 471 с.]

Ма Юйкунь 2015 – 马玉堃. 中国传统动物文化. 北京: 科学出版社, 2015. 220页. [Ма Юйкунь. Традиционная китайская культура животных. Пекин: Наука. 2015. 220 с.]

Мэнь Дэлай, Тан Лань 2010 – 门德莱,唐岚. 中国传统色彩研究之红色崇拜.南方论刊, 2010 (10): 95页. [Мэнь Дэлай, Тан Лань. Культ красного цвета в изучении традиционных китайских цветов // Южный журнал. 2010(10). С. 95.]

Оян Сюнь. Ван Шаоин 2007 – 欧阳询, 汪楹校. 艺文类聚. 上海: 上海古籍出版社, 2007,

1712 页 [Оян Сюнь. Ван Шаоин. Искусство и литература. Шанхай: Шанхай Гуцзи, 2007. 1712 с.]

Сун Шу 1974 – 宋书卷二十八《符瑞中》.北京: 中华书局, 1974: 812页. [Сун Шу. “Фужуйчжоу” том 28. Пекин: Чжоухуа Шуцзюй. 1974. 812 с.]

Сюй Шэнь 2005 – 许慎. 说文解字 (现代版). 北京: 社会科学文献出版社, 2005: 199页. [Сюй Шэнь. Шовэнь цзецзы. Пекин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь, 2005. С. 199.]

Цао Цюньюн 2007 – 曹军戎. 战国楚艺术中凤鸟意象的研究 // 装饰. 2007(02): 91–92页. [Цао Цюньюн. Исследование образа птицы феникс в искусстве Чу в период воюющих царств // Декорирование. 2007. С. 91–92.]

Цюй Юань 2019 – 屈原. 楚辞.中华书局, 2019: 293页. [Цюй Юань. Чусская элегия. Пекин: Чжоухуа Шуцзюй, 2019. 293 с.]

Чжэн Цзюнь 2005 – 郑军. 秦汉艺术史. 济南: 山东美术出版社, 2005(6):145页. [Чжэн Цзюнь. История искусства династии Цинь и Хань. Цзинань: Шаньдунское изд-во изобразительного искусства, 2005(6). С. 145.]

Чэн Цзянь 2014 – 成倩.“朱雀”的形成及与“凤凰”的混淆 // 学术探索. 2014(9): 136页. [Чэн Цзянь. Формирование образа «Красной птицы» и аналогия с образом «Феникса» // Академическое расследование. 2014. Вып. 9. С. 133–136]

Ян Сюйфэй, Ян Юньцзин 2014 – 杨絮飞, 杨蕴菁.中国汉画造型艺术图典·祥瑞, 郑州: 大象出版社, 2014. [Ян Сюйфэй, Ян Юньцзин. Китайский художественный словарь живописи. Сяньжуй, Чжэнчжоу: Изд-во Дасян. 2014.]

Янь Цзесюнь 2021 – 《山海经》神鸟朱雀意象及在男装设计中的应用.浙江理工大学, 2021. 58页. [Янь Цзесюнь. Изображение священной птицы Вермилион из «Шанхайцзин» и его применение в дизайне мужской моды. Ханчжоу: Чжэцзянский технологический университет, 2021. 58 с.]

中国民间故事: 朱雀大战日本浜. 网络资源. 发表日期2021年11月12日 Красная птица победила японских пиратов: китайская народная сказка. URL: https://3g.163.com/dy/article_cambrian/GOK6ISE005524H5N.html (дата обращения: 12.11.2021).

百鸟朝凤的民间故事. 网络资源. Народная сказка: Тысяча птиц поклоняются фениксу. URL: <https://wenku.baidu.com/view/34a5f8ae6b0203d8ce2f0066f5335a8102d26638.html> (дата обращения: 12.11.2021).

References

Blyumkhen S. I. U istokov chzhouskoy ideologii: mify o Krasnoy ptitse i Khou-Tszi [The Outset of

- Zhou Ideology: Myths of Red Bird and Hou Ji]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Press, 2016, pp. 419–428. (In Russ.)
- Meletinskiy E. M. *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. 3rd reprint. ed. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. 407 p. (In Russ.)
- Riftin B. L. Chzhu-nyao, Chzhu-tsyao (Krasnaya ptitsa) [Zhu-nao, Zhu-qiao (Red Bird)]. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: Entsiklopediya*. [Spiritual Culture of China: Encyclopedia in 5 vols.]. Ed. by M. L. Titarenko. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2007, vol. 2. Mifologiya. Religiya [Mythology. Religion]. 728 p. (In Russ.)
- Riftin B. L. *Fenkhuang* [Phoenix]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the World. Encyclopedia]. Ed. by S. Tokarev. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1994, vol. 2. 574 p. (In Russ.)
- Wang Xiaodun. *Zhongguo zaoqi sixiang yu fuhao yanjiu* [Studies in Early Chinese Thought and Symbols]. Shanghai, Shanghai People's Press, 2008. 844 p. (In Chin.)
- Yi Ming. *Daocang*. Tianjin, Tianjin Ancient Books Publishing House, 1988. 434 p. (In Chin.)
- Li Zhen. *Zhongguo zaoqi tianxiangtu yanjiu* [Research on the Image of Heaven in Early China]. Doctoral dissertation, Shanghai University, 2015. (In Chin.)
- Lipps Th. *Shiwu de qi yuan* [The Origin of Things]. Transl. by Wang Ningsheng. Lanzhou, Dunhuang wenyi chubanshe, 2002. 471 p. (In Chin.)
- Ma Yukun. *Zhongguo chuantong dongwu wenhua* [Traditional Chinese Animal Culture]. Beijing, Science Press, 2015. 220 p. (In Chin.)
- Men Delai, Tang Lan. *Zhongguo chuantong secai yanjiu zhi hongse chongbai* [The Cult of Red in the Study of Traditional Chinese Colors]. *Nanfang lunkan* [Southern Journal], 2010 (10), p. 95. (In Chin.)
- Oyang Xun, Wang Shaoying. *Yiwen leiju* [Art and Literature]. Shanghai, *Guji chubanshe*. 2007. 1712 p. (In Chin.)
- Song Shu. *Songshu juanershiba 'furuizhong'* [Fu Rui Zhong]. Beijing, *Zhonghua shuju*, 1974, vol. 28. 812 p. (In Chin.)
- Xu Shen. *Shuowen Jiezi* [Шовэнь цзэцзы]. Beijing, Shehui kexue wenxian chubanshe, 2005. 199 p. (In Chin.)
- Cao Junrong. *Zhanguo chuyishu zhong fengniao yixiang de yanjiu* [A study of the image of the phoenix bird in the art of Chu in the Warring States period]. *Zhuangshi* [Decoration], 2007, pp. 91–92. (In Chin.)
- Qu Yuan. *Chuci* [Verses of Chu]. Beijing, *Zhonghua shuju*, 2019. 293 p. (In Chin.)
- Zheng Jun. *Qinhan yishushi* [History of the Qin's and Han's Art]. Jinan, Shandong Fine Arts Publishing House, 2005, issue 6. 145 p. (In Chin.)
- Cheng Qian. *Zhuque de xingcheng yu fenghuang de hunxiao* [The Formation of the 'Red Bird' Image and Confusion with the 'Phoenix']. *Xueshu tansuo* [Academic Inquiry], 2014, issue 9, pp. 133–136. (In Chin.)
- Yang Xufei, Yang Yuning. *Zhongguo hanhua zaoxing yishu tudian xiangrui* [Chinese Han Painting Art Dictionary. Xiangrui]. Zhengzhou, Daxiang chubanshe, 2014. (In Chin.)
- Yan Zexun. <Shanghaijing> *shenniao zhuque yixiang ji zai nanzhuang zhong de yingyong* [The image of the Sacred Bird Vermilion from the Shanghai jing and Its Application in Men's Fashion Design]. Hangzhou, Zhejiang University of Technology Press, 2021. 58 p. (In Chin.)
- Zhongguo minjian gushi: zhuque dazhan yibenbang* [A Chinese Folk Tale: The Red Bird defeating Japanese pirates]. Available at: https://3g.163.com/dy/article_cambrian/GOK6ISE005524H5N.html (accessed 12 Nov 2022). (In Chin.)
- Zhongguo minjian gushi: bainiaochaofeng* [A Chinese Folk Tale: A Thousand Birds Worshipping the Phoenix] Available at: <https://wenku.baidu.com/view/34a5f8ae6b0203d8ce2f0066f5335a8102d26638.html> (accessed 12 Nov 2022). (In Chin.)

The Image of the Red Bird in Chinese Culture and Folklore

*The study is supported by the State Fellowship Committee of the People's Republic of China
(grant No. 202008230289)*

Zhang Shanghe

Postgraduate Student at the Department of History of Russian Literature

Saint Petersburg State University

7/9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. 18846420218@163.com

SPIN-code: 7107-6981

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9460-3397>

Submitted 06 May 2022

Revised 22 Sept 2022

Accepted 27 Feb 2023

For citation

Zhang Shanghe. Obraz Krasnoy Ptitsy v kitayskoy kul'ture i fol'klore [The Image of the Red Bird in Chinese Culture and Folklore]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 2, pp. 141–149. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-141-149 (In Russ.)

Abstract. The image of the Zhu-niao (Red Bird) is familiar to specialists in the history and mythology of ancient China. This article examines the origin of the image and the development of the concept of Zhu-niao in Chinese culture and philosophy. The aim of the study is to analyze the semantics and symbolism of the Red Bird image, to establish the difference between the notions of the Red Bird and the Phoenix, to explain the projections of the Red Bird image in Chinese ornamental culture and folklore. The novelty of the study lies in the systematization and generalization of the meanings behind the Red Bird image in Chinese culture. The author concludes that the image of Zhu-niao represents Chinese primitive ancestors' worship of the totem of the bird, totem of the sun, and totem of the constellation. The semantics of the Red Bird image in Chinese culture and folklore is classified into three categories. The Red Bird is primarily an ornithomorphic symbol of one of the sides of the world: Zhu-niao (South) is among the four zoomorphic symbols along with Qing-lun (East), Bai-hu (West), and Xuan-wu (North). The Red Bird is also a symbol of good luck and demonstrates the Chinese people's idea of praying for good luck. In addition, the image of the Red Bird has become one of the four symbols of Taoism. Although the Red Bird image has different symbolic meanings, its semantics does not go beyond the context of Chinese traditional culture and national psychology. The practical significance of the study lies in the opening up of prospects for research into semantics and symbolism of mythical images in Chinese culture. The results of the study can be used in research on Chinese mythological images as well as animal characters in Chinese folklore and literary works.

Key words: sacred animals of China; deity of the South; cult; Red Bird image; semantics and symbolism.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлекцией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлекции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлекцией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутимова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Варвара Андреевна Бячкова.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

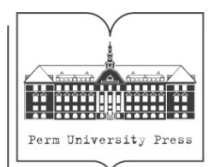
Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 15. Выпуск 2 / 2023

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*
Корректор *Е. Г. Иванова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 21.06.2023. Дата выхода в свет 28.06.2023
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 17,55. Тираж 500 экз. Заказ 81

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-66-36
Полиграфический отдел. Тел. (342) 239-65-47

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в онлайн-каталоге «Урал-Пресс» – 41008
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650356/?sphrase_id=396135

Распространяется бесплатно и по подписке